СОВЕТСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

МАРШАЛ БЛЮХЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемый вниманию читателей биографический очерк «Маршал Блюхер» — многоплановая, написанная на документальной основе книга, потребовавшая от автора длительной работы в архивах.

Скромность, необычайная занятость повседневной службой не позволили В. К. Блюхеру написать обстоятельных воспоминаний о своей жизни. Это крайне осложнило исследовательскую работу при написании данного очерка, и, по–видимому, какие-то эпизоды яркой жизни В. К. Блюхера не раскрыты в полной мере или даже совсем не показаны. Автор обращается к читателям, знавшим В. К. Блюхера, с просьбой прислать свои замечания, предложения, воспоминания и фотографии, с тем чтобы использовать их в дальнейшей работе над книгой.

-
- Николай Кондратьев
  - ОТ АВТОРА
  - I. СТУПАЙ К ЛЮДЯМ
  - II. РАБОЧАЯ ЗАКАЛКА
  - III. ЗАДАНИЕ ЛЕНИНА
  - IV. НА ЛИНИИ ОГНЯ
  - V. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
  - VI. УНИЧТОЖЬ ВРАНГЕЛЯ
  - VII. КРАСНОЗВЕЗДНАЯ ЛАВА
  - VIII. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ
  - IX. ТАМ, ГДЕ ОПАСНЕЕ
  - X. НА СТРАЖЕ РОДИНЫ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

Василий Константинович БЛЮХЕР

Николай Кондратьев
МАРШАЛ БЛЮХЕР

…В течение всей своей боевой деятельности в гражданскую войну на восточном и южном фронтах товарищ Блюхер проявил себя как талантливый начальник, решительный и настойчивый в своих действиях, спокойный в самые тяжелые минуты, лично храбрый, неоднократно подвергавший свою жизнь опасности. В критические моменты боя, под сильным огнем, он всегда появлялся среди боевых цепей, и достаточно было одного его присутствия, чтобы поднять дух красноармейцев, воодушевить их, вселить спокойствие и уверенность в успехе.

51–я Перекопская дивизия. М., 1925, стр. 283

…Буду и впредь честным бойцом партии и рабочего класса. И если от меня партия и рабочий класс потребуют жизнь за дело социалистического строительства, я отдам свою жизнь без колебаний, страха, без минутного колебания.

В. К. Блюхер. Статьи и речи. М., Воениздат, 1963, стр. 107.

ОТ АВТОРА

Предлагаемый вниманию читателей биографический очерк «Маршал Блюхер» — многоплановая, написанная на документальной основе книга, потребовавшая от автора длительной работы в архивах.

Скромность, необычайная занятость повседневной службой не позволили В. К. Блюхеру написать обстоятельных воспоминаний о своей жизни. Это крайне осложнило исследовательскую работу при написании данного очерка, и, по–видимому, какие-то эпизоды яркой жизни В. К. Блюхера не раскрыты в полной мере или даже совсем не показаны. Автор обращается к читателям, знавшим В. К. Блюхера, с просьбой прислать свои замечания, предложения, воспоминания и фотографии, с тем чтобы использовать их в дальнейшей работе над книгой.

Автор приносит глубокую благодарность за помощь в работе над рукописью родным В. К. Блюхера — его жене Глафире Лукиничне Безверховой–Блюхер, дочери Зое Васильевне и сыну Всеволоду Васильевичу, а также боевым соратникам, друзьям и сослуживцам: М. Д. Голубых, П. А. Ротмистрову, А. И. Тодорскому, Н. И. Кончиц, А. И. Черепанову, С. П. Голунову, С. П. Попову, С. И. Аралову, А. Н. Королеву, В. А. Константинову, Я. И. Кривощекову, Б. К. Колчигину, Я. М. Свикке, В. А. Брагину, В. П. Нивиной, Н. П. Путна, А. К. Вострецовой, Н. А. Кашириной, З. К. Калмыковой, Е. В. Луцковой, Н. Д. Дубовой, Э. К. Хаханян, Л. А. Федосеевой, М. Э. Шойхет, В. Н. Шишиловой, В, Г, Афанасьеву и В. В. Душенькину.

I. СТУПАЙ К ЛЮДЯМ

1

Вася пришел поздно вечером. Прежде чем войти в избу, решил заглянуть в окно: вернулся ли отец? Вздрогнул, увидев заплаканные глаза матери. Что-то случилось. Побежал в комнату.

Мать встала, укоризненно покачала головой:

— Ну где ты шатался дотемна, бессовестный?

— Был у Вани Лаврова. Книжку читали. Про войну. А вы поужинали?

— Какой там ужин. Вот батю с Рыбинска жду. Всего надумалась.

— А ты про худое не думай. Ты знаешь, какой он. Напился и валяется где-нибудь…

— Так ведь он с подводой. Не дай бог, угонят воры. — Ничего. На телегу соседи поднимут, а Черныш и сам дорогу найдет. Не в первый раз.

— У тебя все гладко получается. Вот что, сынок, ступай-ка ты к Горбатому мосту. Как бы нечистая сила в Вольготню не занесла…

Идти на поиски в темень по ухабистой, грязной дороге очень не хотелось, но нужно было как-то успокоить самого близкого и дорогого человека, и Вася торопливо вышел на улицу. До Горбатого моста далеко. Хоть бы попутчик какой попался. В деревне пусто и тоскливо. На бревнах у дома Федора Блюхера, прозванного Горячим, пьяненькие рекруты заунывно отпевают свою молодость. Говорят, что их скоро погонят на войну с японцами. На край России, на Дальний Восток.

Под ногами противно хлюпает, просачивается в дырявые ботинки, знобит ноги грязная жижа. Скользко — как бы в ухаб не свалиться. Батя увидит грязь на пиджаке— выдерет. И, как всегда, будет приговаривать, что вот он двадцать лет носит свой питерский костюм и тот виду не теряет, а на вас, окаянных, все горит, одежи не набраться…

Издалека донесся характерный плеск разбиваемой колесами и копытами воды.

«Едет, едет, — обрадовался Вася. — Какой-то он сегодня? Голоса не слышно. Или совсем трезвый или шибко пьяный. В легком хмелю он песни поет или сам с собой разговаривает».

Василий отошел к придорожной канаве, выждал, когда телега поравняется, тихо окликнул:

— Батя! Это ты?

Ничего не услышав в ответ, бросился к телеге. Отец лежал на мешках и храпел. Пахло водкой. И это напугало. Пошел рядом с покачивающейся телегой. Думал лишь о том, как бы не разбудить спящего. Оставить его на телеге, накрыть тулупом, пусть спит до утра.

Мать поджидала на крыльце. Тревожно, громко спросила:

— А отец-то где?

— Тихо! Спит. Проснется, будет шуметь до утра…

— Это вы что задумали? Во дворе бросить? Хуже скотины, да? — медленно поднимаясь, спросил отец.

— Что ты, что ты, Константин Павлович! Побойся бога. Мы рады–радешеньки… Целый день с дороги глаз не сводила…

— Молчать! Ишь запричитала. Я вот сейчас с вами рассчитаюсь. Будете помнить. Черт попутал — кнут потерял…

Константин Павлович сполз с телеги, пошатываясь, побрел в избу.

Вася подошел к матери, шепнул:

— Ты потихонечку распрягай коня. Не торопись… А я с ним поговорю…

— Да он драться будет.

— Ничего. Я не боюсь, — сказал Вася и побежал к крыльцу. Сердце билось гулко. В сенях остановился, прислушался. Тяжело проскрипели половицы.

«Идет к двери, — испугался Вася, прижимаясь к стенке. — Нет, остановился. Звякнул ковшиком о ведро. Вода булькает в горле. Как долго пьет. Идти или еще подождать, когда немного успокоится…»

— Анька! Ты куда это провалилась?

Вася вздрогнул — в голосе отца была злость и угроза. Потасовки не миновать. Преодолев страх, шагнул к двери, сказал:

— Мама Черныша распрягает. А что надо, я сам сделаю.

— Выдрать тебя надо, вот что. Ищи ремень…

«Вроде немножко отошел, — подумал Вася. — Под горячую руку и ухватом мог бы огреть. Буду искать, пока не заснет».

На столе робко вздрагивал желтоватый огонек семилинейной лампы. Отец сидел на скамейке, привалясь спиной к стене, и что-то лениво жевал.

Вася начал поиски ремня у кровати, на которой спал младший братишка Павлик, потом долго рылся в тряпье на мамином горбатом сундуке, несколько раз засовывал руку под старенький шкафчик.

Это занятие прервал окрик:

— Встать, паршивец! Думаешь, если я малость выпил, так

меня можно запросто обдурить?! Спуску не будет. Получишь двойную порцию…

Не спуская глаз с отца, Вася тихонько передвинулся поближе к «божьему углу», плотно заполненному потемневшими от времени иконками. На этом «святом» месте отец не тронет…

Мать В. К. Блюхера — Анна Васильевна

Неслышно вошла мать, положила какой-то громоздкий узел на сундук и ласково попросила:

— Садитесь-ка с богом за стол, я вас богатой окрошкой угощу…

— Лопай сама. Бо–га–той! Черта с два с вами разбогатеешь. Сыплю, сыплю, и все, как в прорву, летит. Один с сошкой, семеро с ложкой. Вот ты, Васька, потолок макушкой подпираешь, а все на батиной шее висишь. Хватит! Поедешь со мной в Питер. Я тебя в момент к делу приспособлю.

— Константин Павлыч, побойся бога…

— Не перебивай, дура! Я и купца подходящего присмотрел — Федора Герасьича Клочкова. Огромадные магазины имеет. Начнет Васька мальчиком, будет стараться— приказчиком поставят, а там, глядишь, свой магазин заведет. Нам на старости лет верный кусок…

— Ложись отдыхать, Константин Павлыч. Замаялся…

— Не командуй! Много болтать стали, а вот на дело— так вас нет. Вон у Федора Блюхера все в поле от зари до зари. А про нас одна байка: холодные да голодные. А я тоже хочу жить, как Федька. Ну, чего стоишь? Снимай сапоги…

Вася видел, как мать не спеша стащила грязные сапоги и отнесла их к порогу. Вымыв руки, сняла с мужа пиджак, сказала

ласково:

— Извольте почивать, Константин Павлыч. Покойного сна…

Несколько минут, не шевелясь, стояла у кровати, прислушиваясь к бессвязному бормотанию. Обрадовалась храпу:

— Угомонился, слава тебе господи! Садись ужинать, сынок.

— Не хочу. Я пойду наверх. Разбуди меня пораньше…

— Холодно там, Васенька.

— Зато спокойней…

Залез на чердак. Постель была сырой и прохладной. Поверх одеяла натянул полушубок, но долго не мог согреться и уснуть. Думал об отцовской угрозе увезти в город. Может, это он с пьяных глаз сказал лишнее? Только говорил про купца и мальчика очень складно.

Вздрогнул, услышав скрип половиц. Привстал:

— Кто там?

— Это я, Васенька, подушку принесла.

— Мне и так хорошо, мама…

— Хорошо, а не спишь…

Мать подложила под голову сына теплую, мягкую подушку, присела на постель, заговорила ласково, нараспев:

— А ты не печалься. Не бойся Питера, сынок. В городе-то не хуже нашего живут. Все говорят: мир не без добрых людей. Иди смелей к добрым людям. Только вот что я тебе скажу: купца из тебя не получится. Купцы норовят как бы кого обхитрить да обмануть. А у тебя душа честная, прямая. Да и грамоты у тебя маловато. Просчитаешься. Проболтаешься в мальчиках годик–другой и ступай на завод. Учись ремеслу. На всю жизнь пригодится. Только бойся казенки. Пьяный и на ровном пути спотыкается. Твой отец не глупый человек, да вот вино с разумом не ладит. Одна денежка и та свищет…

— Не поеду я в Питер. Убегу…

Мать торопливо положила ладонь на голову сыну, медленно провела по жестким волосам, сказала грустно:

— Что ты, Васенька, опомнись. Трудно будет жить— к моему тяте пойдешь. Он шестой год в Питере живет. Плохому не научит…

— А с кем ты останешься? Кто тебе помогать будет?

— Дочки завсегда помогут. А там и Павлик подрастет. Ты обо мне не тужи, я с хозяйством и одна справлюсь. Я свое пожила, а у тебя все еще впереди. Думай о хорошем. Ну, спи. А я пойду.

Перекрестила сына, подоткнула под бок полушубок, бесшумно ушла. А сын долго еще не мог уснуть, думал о большом городе, в котором ему придется жить. Из родной маленькой Барщинки он несколько раз выезжал с матерью на базар в

Рыбинск. Продавали огурцы, лук, капусту, картошку. Каждая поездка была праздником. К вечеру возвращались домой с гостинцами. Больше этого не будет. Все кончено…

И всю ночь его мучали страшные сны. Проснулся от петушиного крика. Прислушался. В избе тихо. Наверное, еще спят. Словно умываясь, старательно потер лицо. Живот напомнил, что вчера поужинать так и не удалось. Мама хвалилась богатой окрошкой. По времени пора бы и позавтракать.

Тихонько спустился вниз. На цыпочках подошел к двери. Услышал хрипловатый, жалостный голос отца:

— Господи, прости раба твоего Константина, сына Павлова. Согрешил не по злому умыслу, а за кумпанию. Жисть такая горькая, что только горьким и заливать, господи…

Вася отошел от двери, подумал:

«Похоже, что только начал каяться. Будет ныть, пока все свои погрешения в божий угол не выложит. И заходить в такое время нельзя — сразу поставит на колени просить милости всевышнего. Вот так всегда и бывает: вечером накричит, поколотит, а утром слезно вымаливает прощение. И такой добренький, ласковый становится, прямо не верится, что это он вчера буянил и заставлял плакать всю семью».

Со двора неслышно с подойником подошла мать, сказала укоризненно:

— И куда ты в такую рань поднялся? Спал бы да спал. Проголодался, наверное. Выпей-ка молочка парного.

В чуланчике нашла кружку. Молоко пенилось на губах.

Мать посмотрела на белый рот сына, улыбнулась:

— Ступай в избу. Не бойся. Сейчас он не тронет — святой человек.

И сразу же открыла дверь.

Отец трижды перекрестился, встал, прищурясь, внимательно посмотрел на жену, словно припоминал что-то важное. Озабоченно спросил:

— Анна свет Васильевна, ты вчерась узелок с телеги сняла?

— Да вот он, лежит на сундуке.

— Слава богу! Я струхнул малость, не обронил ли с косых-то глаз.

Не спеша развязал узел и поставил перед сыном новенькие, начищенные до блеска ботинки. На голову надел черный картуз с лакированным козырьком.

— Вот тебе, Василий, обновочки на дорогу. Примерь-ка, примерь!

Ботинки пронзительно скрипели. Ногам было неловко, жарко. Отец ходил вокруг, расспрашивал:

— Ну как, не жмут? Не трут? Ох и красивый ты парень, Васька! Да ты вроде бы и не рад? Не дури. Город научит уму–разуму. Вот я в городе пожил и дом поставил. Да не простой, а с мезонином. Щепой крытый, не соломой.

Вася сел на лавку, снял ботинки, сказал тихо:

— Спасибо. Как раз по ноге.

— Так ведь я сам выбирал. Вот что, ты сегодня погуляй, а завтра поедем.

Да, пока не забыл,, Анна Васильевна, найди-ка Васины метрики.

Отец В. К. Блюхера — Константин Павлович

Мать достала из-за иконы Георгия Победоносца свернутое в трубочку метрическое свидетельство. Отец разгладил документ, долго рассматривал его, озабоченно, нараспев прочел:

— «Родился сын Василий 18 ноября 1890 года».

Выходит, неполных четырнадцать лет. Маловато!

Придется годок накинуть.

Угощу писаря, и он бумагу выправит в полном аккурате. А ты, сынок, запомни раз и навсегда — родился ты, стало быть, 18 ноября 1889 года. Если хозяин спросит, так и говори. Поверит. Рост у тебя вполне подходящий. Женить можно.

— Это лишнее, Константин Лавлыч.

— Ладно! Собирай-ка на стол, Аннушка. Перехвачу и поеду в волостное правление. Много хлопот с тобой, малец.

После завтрака отец запряг Черныша и уехал.

Вася надел старенькие ботинки, сказал угрюмо:

— Пойду на Волготню… В последний раз…

— Ступай, ступай. А я твое бельишко простирну…

Проснувшийся кривоногий Павлик подошел к брагу:

— Возьми с собой…

— В другой раз, — махнул рукой Вася и торопливо вышел из дому. Только на улице подумал, что «другого раза» не будет. И не хотелось верить, что завтра он уже не пройдется по этой просторной, пахнущей свежей капустой и яблоками, желтой от осенних листьев улице.

За домами Барщинки журчала, звала к себе Волготня. Летом — тихий, прозрачный ручей, весной и осенью— шумная, торопливо бегущая к Волге речка. Сколько больших и малых радостей приносила ты, резвушка–болтушка Волготня! Сюда бегал за водой, здесь ловил пескарей и окуньков, катался на санках и плавал на плотике. Берега твои кормили земляникой, малиной и черной смородиной.

Вася несколько минут постоял у коричневатой воды и неторопливо прошел к старой высокой березе. Сучья ее растут низко, их много, легко взбираться. И Вася залез на самую верхушку. Отсюда очень хорошо видна вся родная сторонка. За Барщинкой привольно раскинулись деревни Антоново и Волково. Да и до Середнева всего-то полторы версты. Знакомая дорожка. Две зимы ходил в Середневскую трехклассную церковно–приходскую школу. На третью отец не пустил. Сказал сердито: «Нечего сапоги зря трепать. Жениться пора, а все за партой сидишь». А после, пьяненький, каялся: «Надо бы Ваську снова в школу наладить. Учитель его шибко хвалил. Говорит, самый прилежный и способный ученик в классе. Вот как получается—-не знаешь, где выгадаешь, где прогадаешь».

С маковки березы хорошо видна белая красивая церковь села Георгиевского на Раменье. Сколько раз туда ходили — и не сосчитать. Отец ни одного престольного праздника не пропустит. Поднимется чуть свет, наденет праздничный костюм и поведет всю семью замаливать грехи. А долго стоять на коленях трудно и скучно. Куда веселее за оградой среди ровесников. Крепче всех подружился с сыном самого батюшки, Ваней Лавровым. У него огромное богатство—много разных книг: и про птиц и зверей, и про сыщиков и царей. И про войну. Картинки красивые, разноцветные, смотреть не пересмотреть. Вот и вчера договорились встретиться в воскресенье. Не придется, больше не придется…

Затуманенными глазами Вася еще раз осмотрел такие родные и дорогие рощи, поля, тропинки, стремительно бегущую сверкающую Волготню и слез с березы. Домой идти не хотелось. Отец, наверное, опять приедет пьяненький и начнет всех ругать, а себя расхваливать, пока не уснет…

Трижды прошелся по Барщинке и никого из ребят не

встретил. Пожалуй, это и хорошо. Будут зазывать на какую-нибудь игру, ведь они не знают, что ему сейчас плакать хочется.

Вздрогнул, услышав за спиной тоненький голосок Павлика:

— Ва–ся, домой! Батька зовет…

У Павлика красные грязные щеки. Цепляясь за рукав, он испуганно спрашивает:

— Ты взаправду уезжаешь? И насовсем?

— Ага. В Питер…

— А как же я?.. Кто за меня теперь будет заступаться?

— А ты в драку не лезь. И не реви. Знаешь что: я тебе все свои богатства оставлю. Все секреты открою…

— И двухконцовый ножичек?

— Все отдам.

Павлик смотрит в лицо брата широко открытыми влажными глазами и просит:

— А все-таки лучше всего… ты не уезжай. Мама тоже плакала…

— Я буду приезжать… Как все питерщики.., На лето, — обещает Вася, хотя и не верит, что ему эго удастся.

Угрюмый отец встречает на крыльце вопросом:

— Где ты целый день шатался, бессовестная морда?

И, не дожидаясь ответа, проходит в избу.

— Бумагу я достал форменную. Честь по чести. Вот ты на год и вырос.

— Ты бы заодно и фамилию сменил, а то все дразнятся…

— И рад бы, да закон не велит. Кто я такой? Коренной ярославский мужик, а кличут на немецкий манер да еще похабничают, зад наперед поворачивают. А откуда этот срам взялся? Тоже ведаю. Твой прадед Лаврентий в суворовской армии служил и был что ни на есть самый храбрый и ловкий солдат. Домой возвратился — вся грудь в крестах и медалях. Представительный такой мужчина, бравый и красивый, вроде меня. Ты не скаль зубы, слушай дальше. И вот приехал к нам в Барщинку помещик Кожин, человек тоже военный и в больших чинах. Глянул на Лаврентия и аж за голову схватился: «Ах, какой ты, говорит, видный, форменный фельдмаршал Блюхер». А народ-то сразу и подхватил — Блюхер да Блюхер. Так и вошла эта окаянная немецкая фамилия в наш корень. А ты не робей. Будут к тебе приставать, откуда, дескать, родом, говори: правнук фельдмаршала Блюхера. Кто знает, может, и по военной линии пойдешь, так оно и пригодится…

— Хватит вам, болтуны. Садитесь-ка обедать, — прервала разговор мать. — Паспорт будешь получать, сынок, назовись Медведевым. Это будет по нашему роду, по–русски…

2

Купец Клочков встретил недружелюбно. Внимательно осмотрев Васю, сказал укоризненно:

— Одежонка-то на мальце — дрянь. Доброго слова не стоит. В таком мерзком обличье приличным людям нельзя и показаться.

— Нужда окаянная, Яков Герасьич, заела…

— Не нужда, а казенка. Я твои фигли–мигли знаю. Подумал бы, пошехонская голова, к кому везешь мальчишку. К купцу первой гильдии Клочкову. Да его весь Петербург знает, по имени и отчеству величает. А мальчишка посыльный — форменный оборванец…

— Зато парень-то он шустрый и смекалистый. И считает и пишет, как студент. И на ногу легкий. Не избалованный…

— Ну, затянул похвальбу. Высоко свой товар ценишь, Павлыч. Высоко, — рассмеялся купец. — Ладно, костюм, так и быть, справлю. Самого доброго сукна не пожалею. Сам знаешь, по одеже встречают. Понятно, за это самое придется отработать. Морда у твоего парня подходящая, все на месте. Понесет товар особам женского пола — не испужает. Может и на чай за свою приятственность схлопотать. Барыньки таких мальчиков, ох, как обожают. А ты про обязанности-то ему толковал?

— А чего тут толковать-то, Яков Герасьич? Что прикажете, то и будет делать. Вы хозяин…

— Тогда ступай к себе. И вот что, Павлыч, запомни раз и навсегда: в пьяном обличье сюда глаз не показывай; я человек тверезый, солидный и фирму мою пачкать никому не позволю.

— Постараюсь, Яков Герасьич. А вы на мою горемычную бедность хоть какой-нибудь аванец не откажите, Христа ради, отпустить.

— Рано, рано! Может, парень-то и не выдержит проверочку–примерочку. Не подойдет к нашему делу и получит от ворот поворот. Здесь многие ко мне просятся. Так что раньше рождества о деньгах и не заикайся. Вот так. Ну, ступай с богом! Васька, проводи-ка батю до угла…

— Да мы наговорились и простились. Дорога-то, она длинная. Доброго здоровьица желаю, Яков свет Герасьич…

Неловко кланяясь, отец попятился к двери. Проходя мимо сына, шепнул:

— Смотри у меня. Худо будет, ежели что…

Тихонько пискнула дверь. Вася хотел броситься за отцом, но купец придвинулся вплотную, сказал строго:

— Пойдем, к месту определю. Сегодня вымойся и отоспись. Утром — за дело.

Отвел в небольшую комнатку, указал на топчан в углу:

— Вот тут располагайся. Кухарке я скажу, чтобы тебя покормила. Деньги на баню есть?

— Нету.

— Ну и скряга твой папаня. Ни копейки не дал. На гривенник, купи мыла жуковского и мочалку. Грязи-то, поди, наросло на вершок. Мальчик должен быть чистым, как сам хрусталь. Ногти обрежь. Будешь к дорогим вещам прикасаться…

Бросил на пестрое лоскутное одеяло беленькую монетку и ушел.

Вася опустился на табуретку, осмотрелся. В противоположном углу стоял еще один такой же топчан. К нему прижался крошечный столик, заваленный книгами. И сразу же вспомнился раменский книжник Ваня Лавров, родная маленькая Барщинка. Как там было хорошо и просто жить. Обо всем заботилась мама. И в день отъезда она встала раньше всех. Все что-то шила и штопала, варила и жарила. Дочке Сашеньке несколько раз повторила, что она должна купить после того, как отвезет отца и брата на станцию. Видно, тяжело и горько было матери — до самого Горбатого моста шла за телегой и не сводила заплаканных, глубоко запавших глаз с лица сына. Отец трижды поворачивался, сердито напоминал о доме, о брошенном хозяйстве. У моста круто осадил Черныша, крикнул:

— Хватит грязь месить. Ступай домой, слышишь, ступай.

Крупная, перевитая набухшими жилами, темно–коричневая рука матери дрогнула и, обессиленная, медленно сползла с телеги.

— Поезжайте с богом. Не опоздайте к поезду, — чуть слышно сказала мать. — Саша, сразу же возвращайся, не задерживайся. Пиши, Васенька…

И торопливо перекрестила своего старшенького. Телега снова закачалась по ухабам. И до тех пор, пока Черныш не свернул в рощу, мать стояла посреди дороги, смотрела и махала сдернутым с головы платком.

Что-то сейчас делает мама? Как хочется увидеть ее и рассказать обо всем. Такой огромный город, так много людей, а поговорить не с кем.

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел широкоплечий худощавый парень. Оценивающим взглядом окинул Васю, улыбнулся:

— А, новенький. Тебя как звать?

;— Василий.

— А я Петр Кузнецов. Старший посыльный. Разношу купеческое добро. А ты чего такой… горемычный?

— Да вот в баню приказано идти, а где она, и не ведаю…

— Не велика печаль. Пошли вместе. А то еще потеряешься. Держись за меня — не пропадешь…

По дороге Петр успел сообщить новенькому много разнообразных и весьма полезных сведений: по каким улицам чаще всего придется ходить, и где находятся хозяйские лавочки, и как вести себя с приказчиками и покупательницами разного сорта. Разговор продолжался и после бани, до позднего вечера. Ложась в жесткую пахнущую нафталином постель, Вася подумал о том, что, пожалуй, с таким товарищем и впрямь не пропадешь, по всему видать, шибко тертый, много знающий, добрый парень.

Рано утром разбудила кухарка и попросила:

— Принеси-ка дровец, сынок. Березовеньких, посуше. Да поживей, поживей, голубчик. За мной не пропадет…

А потом кухарка так же ласково подсказала:

— Поторопи-ка самоварчик, Василек. Не горит, не гаснет, холера. А скоро наши молодцы придут. Потребуют горяченького.

И только успел разжечь самовар, как снова услышал певучий, сладенький голосок:

— Помоги-ка картошечку почистить, красотуля моя. Кручусь, верчусь на все стороны, и все одна, а ртов-то без малого две дюжины. И все пожрать любят, все добавочки просят…

А после завтрака Вася познакомился со многими новыми «делами», которые нужно было выполнять быстро и точно. Об этом постоянно напоминал хозяин, его братья, приказчики, лотошники, коробейники. Вася только и слышал:

— Живей, живей, пошевеливайся, размазня!

— Пулей лети! Ворона!

— Смотри, одна нога здесь, другая — там.

Купец Яков Клочков имел несколько магазинов на Холщевой линии Мариинского рынка и на Сенном. Его компаньонами были братья Федор и Георгий, которые тоже занимались мануфактурно–галантерейной торговлей и владели магазинами на Витебской улице и Загородном проспекте. Жили братья Клочковы довольно далеко друг от друга. К вечеру у Васи разболелась голова. Он так устал, что отказался от ужина и сразу же лег спать. А в пять часов утра его подняла кухарка:

— Вставай, вставай! Наколи и принеси дровец, сыночек.

И, как вчера, все пошло установившимся чередом.

Обладая хорошей зрительной памятью, Вася довольно быстро запомнил улицы, прилегающие к Невскому проспекту. Здесь, в центре столицы, жили многие постоянные покупательницы купца Клочкова. Они редко заходили в магазин. Обычно звонили по телефону 25–80, и любезнейший, старательный Яков Герасьевич

заносил заказ в толстую бухгалтерскую книгу и приказывал мальчикам разнести «пакетики» по указанным адресам.

«Магазинный мальчик» Вася Блюхер каждый день встречался с людьми, которые ничего не делают и думают лишь о том, как бы пошикарнее, побогаче одеться, удивить своих знакомых последним «криком моды», самыми изысканными и, конечно, парижскими духами и драгоценными украшениями. И как-то перед сном не удержался, сказал своему товарищу:

— Ох, и много же в Питере бездельников! Сколько я квартир обошел, и все круглые лодыри. Не знают, куда деньги деть, швыряют налево и направо, забавляются всякими безделушками…

— А ты чаевые берешь?

Вася смутился:

— Не всегда. Стараюсь поскорей уйти.

— Вот это зря. Ты благородненького-то не разыгрывай. Ведь это тобой заработано. Вручил товар — вынь платок, вытри физиономию. Дескать, вот как спешил, старался, употел даже. Говори «спасибо», если дают самую мелкую монету. Слышал, как Герасьевич свою шайку поучает: копейка рубль бережет. Скопишь целковый–другой — матери подарок купишь или книжку нужную приобретешь. Не теряй времени, Вася, умней. Грамотешка-то у тебя совсем крошечная. Не стесняйся, бери мои книжки. Читай. Что не поймешь, спроси. Помогу, растолкую.

Вася ничего не сказал, но решил непременно воспользоваться дружеским советом. На купцовское жалованье рассчитывать не приходится — отец все заберет и протранжирит. А как хорошо было бы будущим летом приехать в Барщинку в новом костюме и при часах и подарить маме хромовые полусапожки и большой мягкий шерстяной платок, чтобы ей и зимой было тепло. Да и сестер и Павлика нельзя обойти, надо что-нибудь купить для них, всех порадовать питерскими гостинцами. Да, надо копить деньги. И про книжки Петя тоже правильно сказал. Надо учиться. Хотя бы час в день. Вот Петр — самоучкой в университет готовится, до поздней ночи читает и пишет. Хороший человек, сам вызвался помогать.

И, старательно подражая своему новому и пока единственному другу, Вася купил изрядно потрепанные учебники русского языка и арифметики. Занимался ежедневно. Решал задачки, усердно выводя каждую букву, писал сочинения. Не стеснялся, словно учителю, все отдавал на проверку Петру. Даже письма в Барщинку к матери и сестрам показывал товарищу:

— Взгляни-ка, пожалуйста, много ли я здесь поднапутал.

И тот терпеливо и тщательно выискивал ошибки, отмечал

красным карандашом и требовал:

— Ошибки выпиши в тетрадку. Каждую — пять раз. Письмо перекатай начисто и покажи мне снова. И не спеши, вникай, что к чему.

И Вася вникал с предельным упорством. Не обижался, когда строгий «учитель» ставил крупные, жирные двойки и поправлял сугубо деревенские, «пошехонские» слова:

— Смотри в корень: с питерской, лощеной знатью имеешь дело, ярославец. Разговаривай с ними на городской манер, чтобы все эти барыньки не подсмеивались, не издевались над мужицким сыном. Прежде чем слово произнести, покрути его во рту, подумай, ладно ли получается. Понял?

— Это я давно понял. Еще за дверь не уйдешь, а они уже зубы скалят, потешаются. Они нас и за людей-то не считают.

— Ишь ты! Оказывается, способен на глубокие мысли. А ты свое человеческое достоинство перед их буржуйской наглостью и подлостью не теряй. Не унижайся! Сегодня ты на побегушках, а завтра или послезавтра— мастеровой, слесарь там или токарь. Личность, знающая себе цену и умеющая постоять за себя.

— На завод меня не возьмут. Годов мало.

— Не горюй! Походишь, походишь, и примут учеником, пройдешь курс подзатыльников и будешь рабочим. А пока присматривайся к столице и учись… Это главное, Василий свет Константиныч.

— Столица, она бывает разная. На Невском одна, а на Выборгской стороне совсем другая.

— Коряво сказано, но не глупо. Правильно смотришь, в самый корень. Нам с тобой надо держаться Выборгской стороны. Скажу тебе по секрету, придет время, и Выборгская сторона наведет порядок на Невском. Свой, рабочий…

— Чудно ты говоришь… Когда это будет-то?

Петр прищурил глаза, словно пытался рассмотреть это необыкновенное, грозовое время. Сказал неопределенно:

— Подрастешь — увидишь. Дело большое. На всех хватит…

3

В воскресенье 9 января 1905 года «магазинный мальчик» Вася Блюхер, помахивая нарядной коробкой, шел по Садовой к Невскому. Погода была ясной, морозной. Спешил. Хотел поскорее доставить заказ покупательнице и на обратном пути заглянуть на Литейный, в магазин Гамулина. Там продают дешевые держаные книги. Можно что-нибудь очень нужное, полезное высмотреть. В

носовом платке завязаны, чтобы не звенели, три увесистых пятака.

Вася вышел к Невскому и, удивленный, остановился— на широком проспекте было тесно, проспект переполнен людьми. По середине мостовой лениво проезжали вооруженные всадники в медных касках. Они что-то кричали, но их никто не слушал, все спешили к Зимнему дворцу. Степенно покачивались кресты, позолоченные иконы и портреты царя. И, глядя на это бесконечное шествие, Вася вспомнил крестный ход в засушливое, голодное лето. Только в селе Георгиевском на Раменье мужиков было куда меньше, да и одеты победнее, и шли земляки тихо и смиренно, боялись пустыми разговорами разгневать господа бога. А здесь, похоже, спорят о чем-то, но так тихо, что можно понять только отдельные, часто повторяемые слова: «он поймет», «его императорское величество примет», «государь все узнает». И было непривычно, диковато видеть худощавых бедно одетых мастеровых рядом с важными господами и дамами.

Вася постоял, отыскал в рядах идущих щель и стремительно проскочил на противоположную сторону Невского проспекта.

Хозяйки дома не оказалось. Молоденькая горничная пояснила:

— Мария Васильевна пошли на Дворцовую площадь. Говорят, к народу выйдет само императорское величество. А ты картонку-то оставь, не бойся, передам в целости и сохранности.

— Яков Герасьич велели в собственные руки…

— Вот так и скажи своему хозяину. Не бойся. Денежки-то ваш купец уже успел сцапать, так что иди с богом.

Вася поинтересовался, как зовут барышню, и не спеша направился на улицу. Ему показалось, что людей стало еще больше. И вроде не идут, а топчутся на месте, наверное, площадь у дворца переполнилась до отказа. А желающих увидеть царя конца края нет, весь Питер вышел на улицы. И Васе тоже захотелось побывать на Дворцовой площади. Хотя бы издалека увидеть, какой он из себя, этот царь–государь. Пробиваться сквозь плотно сомкнутые ряды было очень трудно. Ругались. Толкали. Какой-то сердитый краснолицый толстяк стукнул по шее. Вася думал лишь о том, как бы поскорее добраться до Александровского сада. А там можно залезть на забор или дерево и все высмотреть.

Люди вздрогнули — на площади гулко грянул и тяжело прогрохотал по Невскому ружейный залп. И это грозовое, тревожное громыхание остановило огромную толпу. Вася услышал вокруг себя удивленные и встревоженные голоса:

— Стреляют? В народ палят? Не может быть. Это холостыми.

Да что там — салютуют!

Люди торопливо успокаивали друг друга, но вперед не шли, приподнимались на носках, прислушивались, всматривались, словно пытались рассмотреть, что делается там — у Зимнего дворца.

Один за другим, сотрясая жалобно звенящие стекла, прогремели оглушающие залпы, и толпа хлынула назад, растекаясь по прилегающим к Невскому улицам.

Бежать Вася не мог. Его несла стремительная, нарастающая людская волна. Было страшно: а вдруг споткнешься, упадешь, и тогда побегут по тебе, как по доске, растопчут. Или грохнут о фонарный столб, притиснут к стене дома. А сзади неудержимо накатывается леденящий цокот копыт: это, разрезая лавину бегущих людей, мчатся по Невскому казаки. Нырнуть бы в какие-нибудь ворота, да нельзя — их наглухо закрыли напуганные хозяева. Спасаясь от нагаек, манифестанты метнулись вправо — к Гостиному двору. Васю прижали к стене. Задыхаясь от тяжести навалившихся тел, он видел, как откормленные, сильные кони грудью сбивали людей, мяли копытами ползущих по мостовой. Видел, как багровые от мороза и водки казаки, перегибаясь то вправо, то влево, легко и ловко хлестали по плечам и .. лицам и смеялись, когда им удавалось свалить с ног напуганных, спасающихся от гибели рабочих.

Наряд проскакал к Литейному, и люди отпрянули от стены. Вася обрадовался—дышать стало легче. Вытер капли пота и вдоль Гостиного двора стал пробираться к Садовой улице. Заметил: на опустевшей мостовой Невского валяются шапки, калоши, муфты и иконы. Впереди идущий рабочий тяжелым сапогом наступил на брошенный кем-то портрет царя. Приторно розовое, холеное лицо звонко хрустнуло, словно раздавили лед на лужице.

Рядом с рабочим шел старик с обнаженной седой головой. Его белый полушубок был залит кровью. Глухо и тоскливо произносил одни и те же слова:

— Все кончено… Все кончено…

Рабочий повернулся к нему, сказал сердито:

— Все только начинается, отец.

— Все кончено! Расстреляли веру в царя и в бога.

— Ничего. Отольются наши слезы. Придет время, и царя расстреляют.

Рабочий круто повернул на Садовую и ускорил шаги. Вася последовал за ним. Ему понравилась смелость этого большого, сильного человека. Говорит прямо о том, что думает.

За широкой, надежной спиной незнакомого спутника шел до Горсткиной улицы. Хотелось поскорее рассказать Петру обо всем,

что видел и слышал в этот страшный день.

У дома встретил хозяин.

— Ты где это пропадаешь, окаянный пошехонец? Угробят дурака, а потом за тебя отвечай. Вот пакетик— отнеси по адресу.

Вася взглянул на пакет, оробел.

— На Литейный. А там казаки носятся. Бьют народ…

— А ты не будь олухом, обойди стороной. Зря никого не тронут.

Вася хотел сказать: «Сегодня многих зря тронули» — но вовремя удержался. Даст по шее. Спрятал пакет в потайной карман и торопливо зашагал к Фонтанке. На углу остановился, прислушался. От Невского доносился скрежет железа о камни. Догадался — это дворники сдирают с панелей и мостовых застывшие капли крови. Зябко вздрагивая, побрел к Аничкову мосту. Замер, уловив тревожный цокот копыт. С нарастающим озлоблением подумал:

«Все еще рыскают, стараются. В Питере-то можно воевать, это не то что с японцами. Хоть бы кто-нибудь сдачи дал».

Вася потер озябшие руки и так же медленно двинулся дальше…

Когда возвращался на Горсткину улицу, услышал частые выстрелы — похоже, что на Васильевском острове. Нашлись смелые люди, бьют погромщиков.

В купеческий дом Вася вернулся поздно вечером. На полу валялись листки из разодранных книг и тетрадей. Одеяло скомкано, подушка распорота. «Кто же это здесь хозяйничал? — с тревогой подумал Вася. — И в моем углу, видать, шарили, все перевернули…»

Скрипнула дверь. Вошла кухарка, сказала укоризненно:

— Заявился… Пойдем, обед подогрею…

— А кто здесь был, Мария Васильевна?

— Приходили жандармы, искали какие-то запретные листки. Петюшку-то нашего на улице арестовали. Казачьего офицера вдарил, не то булыжником, не то поленом. И у меня выпытывали, что говорил Кузнецов и поздно ли приходил домой и не было ли у него какого оружия. Я им все честь по чести высказала…

— Что высказала?

— Хвалил щи и кашу, по кухне помогал, а с оружием на меня еще никто не ходил. Я человек, а не медведица. А тебя если будут спрашивать, прикинься глупеньким. Дурачков не трогают. Да ты что вроде пришибленный?

— Петю жалко. Был один дружок и тот пропал.

— Ничего, Васенька, ничего, дорогуша. Свет не без добрых людей. Да ты держись, держись. Не маленький — в такие годы

плакать не годится. Пойдем покормлю…

— Ничего я не хочу. Ничего мне не надо…

— Да не будь ты простоквашей, парень. Жизнь, она разная получается, чаще горькая, чем сладкая. Петя грамотный, умный — выкрутится. В тюрьме посидит, в Сибири поживет, не он первый и не он последний. Сегодня многих арестуют и многих похоронят. А весь народ в тюрьму не запрячешь и в Сибирь не загонишь. Это сердцем понять надо…

Мария Васильевна оглянулась на дверь и совсем тихо добавила:

— Наболтала я тебе лишнего, Васенька. Держи это при себе. Понял? А теперь айда на кухню. Я тебя хозяйским пирогом угощу. С антоновскими яблоками…

4

Вася читал толстую изрядно потрепанную книгу. Так увлекся, что не слышал, как вошел и приблизился к столику хозяин. Рассерженный непочтительным равнодушием «рассыльного», Клочков стукнул по книге металлическим аршином, сердито спросил:

— Ты где это взял?

Вася вскочил, сказал тихо:

— Купил. На Литейном. У Гамулина.

— С каких это капиталов?

— Потихоньку собрал. Дают… за услуги.

— Врешь, подлюга! Воруешь. Я давно замечаю…

От обиды у Васи задрожали губы, лицо покраснело.

Рвущимся от ярости голосом крикнул:

— Сам ты вор и жулик! И приказчики и лотошники. Все тащут и обманывают.

— Цыц, паскуда! Ты у кого этому научился? У Петьки Кузнеца? Я из тебя дурь выбью. Шкуру спущу!

Купец швырнул на стол аршин. Его сильная рука опустилась на голову мальчика, вцепилась в волосы. Вася рванулся к столу, схватил аршин. Хозяин отпрянул к стене, выставил широкие густо налитые кровью ладони и, пятясь к двери, пригрозил:

— Только тронь… Я тебя упеку! Упеку…

Угроза как бы подхлестнула Васю, и, не владея собой, он ударил аршином по руке хозяина. Тот удивленно охнул и выскочил за дверь.

«Что я наделал! Сейчас он пошлет сюда сторожей. Вызовет городового. Надо бежать», — решил Вася.

Из-под кровати вытащил самодельный деревенский сундучок, сунул в него книги и мамино полотенце. Руки не слушались, дрожали и не сразу попали в рукава пальто.

За дверью Вася наткнулся на кухарку.

— Ты куда это?

— Прощайте, Мария Васильевна. Домой.

— Да ты что? Опомнись!

— Некогда! — махнул рукой мальчик и побежал на улицу. И только на Фонтанке остановился, осмотрелся по сторонам. Тихо. Хорошо, что нет прохожих. Если придется удирать, никто не задержит. Только надо идти не к Невскому, а в противоположную сторону. Там, в доме 135, живет дядя Иван Павлович Блюхер. У него можно спрятаться, переночевать.

Пока добирался до знакомого дома, раздумал. А что, если там отец? И он сразу же спросит: «Откуда идешь? Почему с чемоданом?» И потащит на Горсткину улицу. Лучше всего уехать в Барщинку. Только вот нет денег на билет. Да и лучше ли будет в Барщинке? И там отец найдет. И к Питеру все-таки привык. Говорят, что такого красивого и большого города во всем мире нет. Года не прожил, а как многому научился. И разговор совсем другой, и успел приодеться, не стыдно на улицу выйти. А сколько книг хороших и полезных прочитал за это время. Не хочется уезжать. Ведь можно устроиться на завод. Об этом говорил лучший друг Петр Кузнецов. Через год–другой станешь настоящим слесарем. Как дед Василий. А что, если пойти к нему? Хоть комнатенка у него маленькая, бедная, но он не прогонит. Да и мама говорила: «Трудно будет жить — к моему тяте пойдешь. Он шестой год в Питере живет. Плохому не научит».

И живет он в подходящем месте — на Пряжке, в Коломенском рабочем районе. Только время-то позднее. Спит, наверное. Придется разбудить. Не ночевать же на улице, хоть и апрель месяц, но холодно…

Дед Василий еще не спал. Он провел оробевшего, бледного Васю к столу и отрекомендовал пожилому усталому человеку, сидевшему на табуретке:

— Посмотри, Алексей Петрович, какой у меня внук. Из Барщинки, моей старшей, Аннушки, сын. У купца бегает — в мальчиках.

— Какой он мальчик… Мужик! А чего это ты такой пасмурный, ярославец? На улице весна, а у тебя на морде форменная осень.

Вася мял шапку, смотрел на строгое седобородое лицо деда и не знал, с чего начать неприятнейший разговор.

— Да ты чего молчишь-то, Васька? — настороженно спросил

дед. — Ты чего там натворил? Выкладывай начистоту.

— От Якова Герасьича сбежал…

— С чего бы это? Не поладили? Или харчи тощие?

— Он меня вором обозвал. И в волосья вцепился. А я не вытерпел и дал сдачи. Аршином…

— О, да ты геройский парень, — рассмеялся Алексей Петрович. — Аршин-то, поди, металлический.

— Железный, — тяжело вздохнул Вася. — Так я его не шибко. По руке задел только…

— А вот это зря. Надо было долбануть шибко и по башке.

— Перестань! Чему ты учишь мальчишку, Петрович! Ведь это подсудное дело…

— А если бы тебя на старости лет ворюгой облаяли да еще в кудри твои вцепились? Что — спасибо сказал бы? Поклонился?

— Ну, это совсем другой резон. Он еще в учениках, в мальчиках ходит. Потреплют — глядишь, умнее будет.

— В том-то и резон обмерить жулика–купца его же аршином, — усмехнулся Алексей Петрович и, обернувшись к Васе, похвалил: — Молодец! Вот так и держись— никогда и никому не прощай злой обиды. Немало их, окаянных, расплодилось на нашего брата. И по лицу бьют, и нагайкой хлещут, и пулей прошивают. Надо давать сдачи. На удар — двойным ударом. Это и есть главный резон…

— Опять ты не то говоришь, Петрович.

— Ладно, не сердись. Дело-то житейское — парень только нацеливается на путь–дорогу, и надо ему дать верное направление. Чтобы жил как хозяин, а не как холуй. Теперь к случаю вернемся. Куда завтра поплывешь, добрый молодец?

Вася повесил на гвоздь шапку, робко признался:

— И сам не знаю. В городе плохо, а в деревне так еще хужее.

— Бати боится, — пояснил дед. — Батя у него, скажем прямо, перворазрядный перец. Под горячую руку так отшвабрит, упаси господь.

— Господь не спасет. Придется нам с тобой, Василий Иваныч, пристраивать к жизни парня. Я поговорю с мастером Галкиным, попрошу взять учеником в слесарный цех. А ты немного потеснись, отведи уголок…

У Васи дрогнуло Сердце. Ему захотелось поблагодарить этого чужого, вдруг ставшего очень близким человека, но он так смутился, оробел, что ничего не мог сказать.

Дед покосился на внука, сказал с сожалением:

— Придется первое время на полу спать. А потом мы с тобой, Вася, смастерим какой-нибудь топчанчик. Ну, а с батей я опосля потолкую, когда он немножко остынет. С ним особая статья…

— Его аршином не шарахнешь, — подхватил Петрович. — Вот и определилась твоя дорожка. Хватит на побегушках время транжирить. Через год–другой мастеровым будешь. Только не робей…

— Постараюсь, — тихо сказал Вася. — Спасибо. За все…

— Благодарностью не отделаешься. Придется это дело спрыснуть. А пока спокойной ночи, ярославец. Пойду в свою берлогу.

— Может, у нас переночуешь? Куда потащишься?..

— Жена будет беспокоиться. Завтра вечерком зайду…

Проводив гостя, дедушка устроил на полу постель, распорядился:

— Ну вот, располагайся, вояка. Смотри, подниму в пять часов. Да, чуть главное не позабыл. Ты, наверное, есть хочешь? Проголодался в бегах-то.

— Сыт. Ничего мне не надо, — торопливо ответил Вася, быстро разделся и уткнулся в тощую пахнущую машинным маслом и потом постель…

II. РАБОЧАЯ ЗАКАЛКА

1

Завод носил длинное наименование: «Акционерное общество франко–русских заводов (бывший Д. Ф. Берда)», но звали его кратко — Франко–русский. Правление общества находилось в Париже, на улице Виктории, 82, а в Петербурге — на Пряжке, 17, где все дела вел главный уполномоченный горный инженер действительный статский советник Фридрих Леопольдович Радлов. Стремясь быть вполне русским патриотом, он рекомендовал служащим конторы называть его Федором Львовичем. В Петербургском обществе заводчиков и фабрикантов Фридриха Леопольдовича Радлова чтили как весьма образованного, прекрасно знающего свое дело и умеющего навести должный порядок и дисциплину. В январские дни 1905 года Радлов сломил забастовку, прибегнув к самой крайней мере воздействия — закрыл завод и рассчитал всех рабочих. Вновь принимали на Франко–русский после тщательной проверки благонадежности, и многие активные участники забастовки остались за воротами.

В этот затянувшийся до апреля набор попал на незавидную должность подростка Василий Блюхер. Помог устроиться старый друг деда — квалифицированный слесарь Алексей Петрович Киселев. После получки он пригласил мастера сборочной мастерской Галкина в трактир, и там, за рюмкой водки, решилась Васькина судьба.

Первое время завод казался угрюмым, страшным. Шипение, лязг, завывание сливались в непрерывный ошеломляющий гул. Прикрепленный к конторе сбороч–ной мастерской Вася Блюхер выполнял несложные команды: «Принеси» и «Отнеси». Кроме мастеров Галкина и Кузьмина на него старательно распространяли свою власть и неприязнь счетоводы братья Введенские и отметчики Корнилов и Савелов. И так же, как у купца Клочкова, все торопили и грозили, высмеивали и придумывали обидные прозвища и клички. Тот же мальчик на побегушках, только круг хождения замкнут забором и люди совсем, совсем другие.

И, бродя по заводу, Вася с восхищением любовался мастеровыми, которые создают сложные судовые машины и механизмы, паровые котлы и различные станки, отливают изделия из чугуна, стали и бронзы, прокатывают медные,

мельхиоровые и латунные листы, изготовляют разносортные трубы и проволоку. Любовался и завидовал. Хотелось поскорее пристроиться подручным к знающему хорошее ремесло мастеровому и научиться работать самостоятельно. Иметь свой номер, свое место, свою расчетную книжку. И получать не 30 копеек в день, а в шесть–семь раз больше. Ведь есть и такие чародеи, которые стоят у станка или верстака третий десяток, и все знают, и все могут. И на работу они ходят в праздничных костюмах, и не только товарищи, но и сами мастера зовут их по имени и отчеству. Только таких тузов совсем немного, куда больше чернорабочих да подсобных, получающих 60— 70 копеек в день. А день длинный — двенадцать часов. Да еще штрафы постоянно удерживают.

В мастерских завода Вася Блюхер был свидетелем многих несчастных случаев. Замечал, что пострадавшие рабочие неохотно идут в заводскую лечебницу, стремятся попасть в казенную Максимилиановскую больницу. И было непонятно, почему они так делают. Все объяснил один случай. Вася сидел в конторке и смотрел, как быстро и ловко счетовод Введенский гоняет на счетах рубли и копейки. Вбежал мастер Галкин, сердито приказал:

— Васька, лети в сборку. Там Иван Волков колено зашиб. Помоги ему доковылять до нашей больницы. Да поживей, поживей. А то устроили там… цирковое представление.

Волков сидел на полу и тихо стонал. Штанина на правой ноге была располосована и залита кровью. Ря–дом с ним стояли слесари и, должно быть, подбадривали, успокаивали товарища.

Вася наклонился над Волковым, робко попросил:

— Вставайте, ради бога, Николай Андреевич, велели вам идти в лечебницу. Я помогу.

Волков поднял голову, с трудом произнес:

— К Нелюдиму… Не пойду…

— Ступай, Митрич, ступай, — посоветовал староста мастерской Алексей Никаноров. — Дохтур ёдом зальет. Как бы оно хуже не было. Ногу можно потерять, — и подал руку.

Волков поднялся и, опираясь на плечо Васи, поковылял к выходу. Ладонь была широкая, тяжелая, гнула к земле.

В приемном покое Волков сразу же опустился на топчан, прикрытый окровавленной простыней.

Вася подошел к столу, сказал врачу Нелидову:

— Это со сборки. Иван Волков. Его мастер Николай Андреевич сюда прислали.

— Не тарахти, парень. Сам разберусь, — оборвал Нелидов и повернулся к сидевшему рядом с ним полицейскому надзирателю

Мартинайтису: —Сегодня у нас ужасно невезучий день. Пишите новый актик, Яков Астафьевич.

Нелидов встал, взял бутыль с йодом, палочку, обмотанную темно–коричневой ватой, и не спеша подошел к Волкову.

— Ну что ж, пишите, Яков Астафьевич, — ссадина правого колена. А каковы причины ее появления, милостивый государь?

Волков покосился на бутыль, поморщился:

— Да так. Вынимали из колодца чугунный колпак. И как-то не удержали. А в нем пятнадцать пудов. Вот и повредил ногу.

— Не повредил. Ничего страшного. Сейчас смажем, перевяжем — и завтра плясать будете. Да что с вами? Мужчина, а трепещете, как невинная барышня. Возьмите себя в руки.

Нелидов распахнул штанину. Вася увидел синеватую, рваную, кровоточащую рану и отвернулся — больно было смотреть, как мучается обожженный йодом Иван Волков.

Так же не спеша доктор вернулся к столу, выждал, когда успокоится пациент, и продиктовал Маргинайтису:

— Случай сей произошел нечаянно, и он в этом никого не обвиняет.

Вася не выдержал:

— Как же это… нечаянно?

— А ты что, видел? Не твое это дело. Понял? Беги в сборку и скажи Николаю Андреевичу, чтобы прислал сюда свидетеля. Желательно грамотного, надо расписаться в акте. Ну, что стоишь? Марш рысью!

Вася взглянул на бледное, покрытое потом лицо Волкова и торопливо вышел на улицу.

Вечером дождался Алексея Петровича и по дороге к дому рассказал о том, что видел и слышал в приемном покое.

— Все это я испытал, — сказал Алексей Петрович. — Потому-то и зовут Нелидова Нелюдимом, что он только о хозяйских барышах думает, а нашу кровь дешевле воды ценит. На всякую травму у Нелюдима один рецепт: «Нечаянно. Сам виноват. Зажило без всяких вредных и внешних последствий для потерпевшего». И платить ничего не надо. Знаешь, мы в январе требовали уволить врача, но директор Радлов отказал. Оно и понятно: Нелидов — верный пес, сторожит доходы.

— А кого еще требовали уволить?

— Инженера Валентиновича, инструментального мастера Войциновича, расценщика Дмитриева, кассиршу Беляеву.

— А мастера Галкина почему пропустили? Это самый вреднейший на всем заводе.

— Вот жаль тебя не было. Не спросили. О мастерах был особый пункт: за грубое обращение с мастеровыми сделать

строжайшее предупреждение. Радлов на это так ответил: мастерам вменяется в обязанность обращаться с мастеровыми на «вы».

— И никого не уволили? Ничего не вышло?

— Кое–чего добились. Чернорабочим гривенник прибавили. Сверхурочный час стали отмечать как полтора часа. А за остальное еще надо воевать. Сегодня старосты цехов ходили к директору, просили сократить рабочий день до девяти часов. Радлов сказал: «Разберусь, отвечу». Ты, наверное, раньше меня увидишь эту бумагу— сразу же сообщи.

— Это я мигом…

…Бумагу принесли в контору утром. Крупным красивым почерком было написано:

> «Вследствие переданной мне старостами цехов просьбы рабочих о сокращении рабочего дня до 9 часов, сим объявляю, что сокращение существующего рабочего времени не может быть сделано.
>
> 17 мая 1905 года. Директор Общества франкорусских заводов Ф. Радлов»[1].

Вася торопливо переписал объявление и отнес бумажку Алексею Петровичу. Тот быстро прочел, усмехнулся:

— Другого ответа мы и не ждали. Надо не просить, а требовать. И готовить людей к общей забастовке. Ты часто бываешь в конторе завода — смотри и слушай. Все запоминай и передавай мне.

Это было очень интересно и заманчиво: смотреть, слушать, запоминать и все передавать самому близкому человеку. Вася понимал: собирать новости нужно незаметно, чтобы не вызвать подозрений у служащих заводской конторы, инженеров и мастеров цехов. Если догадаются — выгонят. А место терять нельзя. И Вася решил разыгрывать роль тупого деревенского парня. Несложная штука — чаще разевай рот да глазей по сторонам, пока не скажут: «Ты чего здесь торчишь, ступай по делу».

Многое из того, что удавалось узнать, совершенно не заинтересовало Киселева и его товарищей. Но были и такие вести, за которые Алексей Петрович душевно благодарил своего юного друга. Когда Вася сообщил о том, что директор Радлов, разговаривая с инженерами Бельским и Лыковым, ругал старост и грозился их переизбрать, Киселев сказал улыбаясь:

— А нас эти старосты пока устраивают. Потолкуем с народом и выберем их снова.

О совещании инженеров и служащих, на котором Радлов

требовал привести в порядок завод в санитарном отношении, Алексей Петрович отозвался с глубокой горечью:

— Это не Радлова, а наше старое требование. Они боятся лишний рубль потратить, а рабочие болеют, грузчики на узкоколейке ноги калечат. Мы им еще не раз напомним. Своего добьемся.

Совершенно неожиданно для Васи всегда спокойный и уравновешенный Алексей Петрович вдруг изменился в лице, испугался, когда узнал, что рабочий медно–литейной мастерской Николай Петрушин очень часто ходит в контору и в минувшую среду принес какой-то список.

— Ты сам видел? — строго спросил Петрович.

— Мастер послал отнести акты о несчастных случаях. Я, как всегда, задержался. И смотрю — елозит…

— А о чем говорил Петрушин, не слышал?

— Перегородка мешала. Ничего не разобрать. Вот только фамилия запомнилась. Три раза повторил: Вологдин да Вологдин.

— Вон на кого целится прохвост! На Сергея Петровича Вологдина. Все понимаю…

— А я ничего…

— Пока и не надо. Я поговорю с Сергеем Петровичем. А вот Петрушина опасайся. Это самый подлый, самый страшный мерзавец. Многих из наших ребят предал, вернее, продал. Их выгнали. Петрушин — главный в черной сотне. Какую-то новую пакость затевает. Что узнаешь, сразу скажи…

О Петрушине ничего нового узнать не удалось. Развернувшиеся бурные и тревожные события на заводе вскрыли предательскую роль Николая Петрушина него дружков земляков из Калужской губернии.

7 октября 1905 года рабочие железнодорожного Московского узла объявили стачку. Их поддержала вся трудовая Москва. Пламя политической стачки перекинулось в Петербург. На заводах столицы Появились листовки, в которых большевики обращались с призывом:

> «Бастуйте, товарищи!
>
> Товарищи! Железные дороги уже забастовали по всей России, и к ним присоединяются все новые производства… Необходимо всем нам, рабочим, забастовать дружно, как один человек, для протеста против царских насилий, для выражения нашего единодушия в борьбе за *демократическую республику*, этот первый этап на пути к *социализму*.
>
> …Бастуйте — это будет смотр нашей

революционной армии!»[2]

И в мастерских Франко–русского большевики проводили летучие сходки и в знак протеста против военно–полевого суда над восставшими кронштадтскими матросами и введения военного положения в Царстве Польском призывали товарищей к забастовке. Ораторов не перебивали, слушали внимательно и довольно дружно хлопали в ладоши, но оборвать работу не решались. Боялись, что директор Радлов снова закроет завод и всех рассчитает. На митингах выступали не только большевики, но также эсеры, меньшевики и черносотенцы.

Победили сторонники Петербургского Совета рабочих депутатов. В понедельник 31 октября 1905 года Франко–русский остановился. Мастеровые явились на завод и собрались в самую просторную, сборочную, мастерскую.

Среди огромной гулко и гневно рокочущей толпы был пятнадцатилетний Василий Блюхер. Он пришел в цех, как всегда, за полчаса до свистка. Все казалось необычным, все волновало его в этот мятежный день. Завод не дышит, завод онемел. Присмирели, притаились в углу конторки мастера Галкин и Кузьмин. Их никто не боится, как будто их и нет в цеху. И даже не верится, что мастера могут так долго стоять на одном месте и молчать.

Вот она какая, первая забастовка! Сегодня говорят рабочие. Голоса сливаются, ничего не разберешь. Но вот на верстак, стоящий посредине, поднимается грузный широкоплечий староста сборочной мастерской Алексей Никаноров и сердито машет длинными сильными руками, требуя тишины. И медлительная тревожная тишина приходит в цех. Никаноров поднимает над головой лист бумаги и громко, чтобы услышали все собравшиеся, кричит:

— Говорю от имени совета старост. Вот это ваши требования на восьмичасовой день. Видели? Сейчас мы пойдем в контору и вручим Федору Львовичу Радлову. Как только он решит это дело, сразу вернемся сюда и передадим, как оно есть, вам. Прошу зря не шуметь, а ждать как полагается.

Никаноров слез с верстака. Толпа уплотнилась, образовался проход, и по нему гуськом неторопливо прошли старосты мастерских.

Ждали их возвращения довольно долго. Вася заметил, что все часто посматривают на дверь и говорят кругом о Радлове и главном инженере Бельском.

Старосты пришли в двенадцатом часу, потные, красные, угрюмые. Грузный сердитый Алексей Никаноров с трудом

вскарабкался на верстак, осмотрел враз притихших товарищей, сказал виновато:

— Плохо, братцы, дело-то поворачивается. Совсем худо.

Его поторопили:

— Не тяни за душу. Выкладывай напрямик.

— Так вот и говорю про это самое. Отклонил Радлов наше решение про восемь-то часов. И еще добавил: соседи тоже бастуют и зря — все останется, как и было. И пригрозил, если мы не подчинимся старому распорядку и начнем самовольничать, тогда завод закроют и всех рассчитают…

— Запугивает немец–перец! Боится убытка. Надо требовать свое, — раздались голоса.

На верстак вскочил строгальщик Андрей Кругликов, заговорил торопливо, задыхаясь:

— Крутой поворот получается, вот что. Если под расчет подведут, лучше домой не ходи. Сплошной рев. Жрать-то нечего. А с другой стороны — и отступать нельзя. Ведь мы не только восемь часов отстаиваем. Можно сказать прямо — кронштадтцев от погибели спасаем. И за тридевять земель тянем руку полякам. В глаза не видали, а чуем — свои. И еще про самое главное. Ежели мы Радлова испугаемся, значит, продадим товарищей. Ведь все заводы бастуют. В этом-то и главный наш козырь. А врозь они нас, как цыплят, передавят.

Кругликов хотел еще что-то сказать, но заметил в дверях рослого худощавого Николая Петрушина и пугливо нырнул в толпу.

На верстак неторопливо поднялся слесарь Алексей Киселев. Ладонью отогнал едкое махорочное облако, сказал спокойно и твердо:

— Товарищи! Мы будем бастовать до полной победы. Господа радловы нас не запугают. Сегодня мы требуем— долой военно–полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положение в Польше и во всей России! К чертовой бабушке палача генерала Трепова, который приказал: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Нам грозят новой бойней. Мы должны защищаться. Сами будем делать оружие.

— Замолчи, проходимец! — рвущимся от ярости голосом выкрикнул Петрушин. — Первым в Сибирь пойдешь, допрыгаешься…

— Вон холуя! На тачку мерзавца! В Пряжку Петрушина! — зашумели вокруг.

Петрушин метнулся к двери:

— Казаков вызовем! Наденем на вас узду, окаянные!

Алексей Киселев улыбнулся:

— Старается, иуда! Родного отца продаст, глазом не моргнет. К счастью, таких подлецов у нас немного. Мы сильны дружбой, товариществом. Приедут казаки — вышибем. Это наш завод. Да, да. Рано или поздно, будет нашим. А сейчас расходитесь по мастерским, и пусть каждый подумает, чем будет защищаться от Петрушиных, радловых, треповых и прочих царских прислужников. Завтра соберемся на этом месте.

И люди ушли на свои рабочие места.

Вася Блюхер выждал, когда Алексей Киселев остался один у тисков, и тихонько спросил:

— Алексей Петрович, дайте и мне что-нибудь. Саблю или револьвер какой-нибудь старенький.

— А может быть, пулемет возьмешь или пушку? Чудак человек. Как будто у меня оружейный склад. Подожди — настреляешься. Сходи-ка в контору, посмотри, что там делается.

Вася вышел во двор. На дверях заметил объявление. Прочел:

> «Вследствие заявления господ старост о том, что собрание мастеровых и рабочих постановило ввести на заводе 8–часовой рабочий день, сим объявляю, что на сокращение рабочего времени Общество согласиться не может.
>
> Директор Ф. Радлов»[3]

Огляделся по сторонам, торопливо содрал объявление, сунул в карман и побежал в цех.

Киселев разгладил бумагу, нахмурился:

— Первый выстрел. Посмотрим, какой фокус выкинут завтра.

Следующий день существенных изменений не принес. Администрация завода устанавливала связь с Парижем. Был послан запрос: что делать, какие меры предпринять для прекращения забастовки.

В среду, 2 ноября, получив ответ, Радлов вызвал старост мастерских и объявил, что через две недели завод будет закрыт и все рассчитаны. Старосты посовещались и попросили директора не вывешивать объявления. Озлятся, хуже будет.

Радлов пообещал приказ не вывешивать, если мастеровые станут работать, как прежде, — десять часов.

Узнав об этом, к забастовке примкнули служащие конторы завода.

Эту новость Вася Блюхер услышал от счетовода Введенского, у которого не приняли в конторе какие-то отчетные документы.

— Когда рабочие бастуют, это можно как-то объяснить, понять, — жаловался Введенский мастеру Клочкову, — а вот волынка служащих — это какой-то непостижимый кошмар. Ведь

им доверены огромные ценности. Рушится основа основ.

— Через два–три денька все утихомирятся. И многие пожалеют, — ухмыльнулся Клочкоз. — И особливо говоруны…

Вася слушал и радовался. Ему нравилось, что ненавистные Клочков и Введенский говорят шепотком, боятся, что вывезут из цеха на тачке. Завтра снова соберутся сюда со всего завода. Может, и служащие придут.

И верно — служащие пришли к мастеровым. И с улицы явились. В толпе Вася различил форменные куртки студентов университета и скромно одетых курсисток. Выступали многие, но запомнился один — высоколобый ясноглазый остроумный студент. Впервые Вася слышал такого смелого, яростно ненавидящего самодержавие оратора. Не удержался, тихонько спросил Киселева:

— Кто это такой?

— Товарищ Абрам[4].

-— Видать, большевик…

— Начинаешь разбираться. Молодец!

…Утром Вася встал раньше деда, сунул в карман кусок хлеба и поспешил на завод. В девять часов начнется митинг.

На знакомом Бердовом мосту через речку Пряжку юноша увидел конных казаков. Сурово поблескивали стволы винтовок. Подошел поближе, прикидывая, как незаметно проскользнуть к проходной. С моста спустился староста литейной мастерской Сергей Мальцев и предупредил:

— Ступай домой. Директор приказал никого не пропускать. Охрану выставили — двадцать пять штук, и при одном офицере.

Вася не спеша перешел на противоположную сторону набережной и стал посматривать, не подоспеют ли товарищи из сборочного цеха. И как-то они встретят казачью засаду?

Рабочие подходили к мосту, разговаривали с угрюмым Сергеем Мальцевым и нехотя брели к Мясной улице. Задерживались на углу. Домой никто не уходил. К девяти часам собралась большая толпа.

«Человек двести, пожалуй, будет, — на глаз определил Вася. — А казаки, видать, трусят. Винтовки сняли».

В десять часов утра от толпы отделилась небольшая группа рабочих и направилась в контору завода. Возглавили делегацию Алексей Киселев и Сергей Мальцев.

Казаки пропустили делегатов.

Прошло несколько тягостных минут.

Вася Блюхер подошел к знакомому парню Василию Соколову, не скрывая тревоги, спросил:

— Слушай, тезка, а может, они наших там сцапали?

Сутулый одноглазый Соколов ответил, не задумываясь:

— Ничего, обойдется. А если они по глупости схватят ребят, отобьем. На такой случай у каждого что-нибудь припасено. Вон на углу мостовую расковыряли. Булыжником коня можно оглушить, а казачка — оно еще проще…

Ворота распахнулись, и на Бердов мост выехал офицер. Он отдал какое-то приказание, казаки вскочили в седла и поехали к Псковской улице.

И сразу же в ворота хлынула толпа.

Вася первым прибежал в свой цех. Заглянул в конторку и обрадовался: мастеров нет, можно делать, что тебе хочется.

У верстака, протянувшегося вдоль всей стены, увидел Алексея Киселева. Не скрывая ликования, он рассказывал товарищам:

— Директор выслушал нас, побарабанил по столу пальцами, кивнул головой на пристава и говорит: «Я казаков не приглашал. На этот счет есть приказ градоначальника — запретить публичные выступления на предприятиях. Вот господин пристав может подтвердить». Мы обступили пристава и дали ему понять — «выводи охрану, а не то плохо будет». Пристав — за трубку и звонит самому градоначальнику. Долго раскланивался перед телефоном, пока не упросил снять охрану и разрешить митинг. Причем заметьте, два раза признался: «С двадцатью шестью казаками оказать достойное сопротивление разъяренной толпе никак невозможно». Кликнули офицера. А тот рад–радешенек, что без синяков и шишек можно, удрать.

И все захохотали. Смеялись от души. И вместе со всеми радовался бескровной победе юноша без должности и звания Василий Блюхер. И гордость, совсем еще мальчишеская гордость овладела им — вот мы какие, заводские люди, как пошли стенкой и нагнали страху на самого градоначальника и прогнали казачий отряд.

…Забастовка продолжалась до 7 ноября и была прекращена по решению Исполнительного Комитета Совета рабочих депутатов.

Не прошло и месяца, как по заводам и фабрикам столицы вновь прогремело набатом:

— Бастуем! Товарищи, бастуем!

И вместе со всеми петербургскими пролетариями остановили завод металлисты Франко–русского.

Напуганный и обозленный, директор завода предпринял решительные меры по наведению «должного порядка». По списку, составленному черносотенцем Николаем Петрушиным и его приятелями, были уволены и арестованы вожаки забастовки.

Первым взяли Алексея Киселева.

Затем Вася узнал, что схвачены строгальщик Андрей Кругликов, токарь Михаил Егоров, кузнец Егор Анисимов. Уволены дружки — подростки Иоган Тере, Василий Некрасов, Алексей Семенов.

12 февраля 1906 года был арестован заведующий медно–прокатной мастерской инженер–технолог Сергей Петрович Вологдин[5].

Литейщики написали письмо директору Радлову. Просили «принять все возможные меры для освобождения из-под ареста всеми уважаемого заведующего С. П. Вологдина».

Радлов сказал старосте цеха Ивану Борисенкову:

— Вологдин — политический преступник. Так что обращайтесь по другому адресу — в жандармское управление.

Вологдина любили, о нем говорил весь завод, о его аресте писали в газетах.

И, собираясь в тесной комнатенке Василия Медведева, его дружки часто вспоминали арестованных.

Вася слушал молча. Не положено мальчишке перебивать старших. И все-таки не вытерпел, влез в разговор:

— А я вот знаю, кто донес на них начальству.

Дед круто повернулся:

— А ты что, видел?

— Видел! Николай Петрушин из литейной. Я слышал, как он наговаривал директору про Вологдина. И Алексею Петровичу угрожал: «Первым в Сибирь пойдешь».

— А ведь он дело говорит, — сказал токарь Александр Фирсов. — Пора Петрушина проучить. Растрясти его банду.

Это было в воскресенье. А во вторник, в обеденный перерыв, на Петрушина надернули рогожный мешок, швырнули в тачку и под свист вывезли за ворота.

В тот же день Петрушин уехал в свое село Рудник, что в Мещерских лесах. Вместе с ним подались в Калужскую губернию его приятели — Александр Петров, Иван Костылев и Петр Тишков.

2

На Франко–русском заводе Василий Блюхер продержался до конца 1907 года. Накануне рождественских праздников его уволили «за ненадобностью». Вот так же был рассчитан Алексей Шубин, проработавший девятнадцать лет на заводе и разбитый параличом. Его-то «ненадобность» понятна, но Василий Блюхер

был здоров и силен и хотя числился подручным слесаря, но мог работать самостоятельно. И за двоих.

Прежде чем получить расчет, Василий не спеша обошел мастерские и попрощался с товарищами. Заглянул и в заводскую библиотеку, понаблюдал, как староста Мальцев выдает книги, грустно сказал:

— Спасибо, Сергей Афанасьевич, за науку. У вас очень поучительная литература. Здесь без малого гимназию прошел.

— Чего там, самый жадный на книгу. Обидно, что увольняют. Вот что, Вася, если трудно будет, зайди ко мне на квартиру. Потолкуем, что-нибудь сообразим, поможем…

— Ничего! Как-нибудь устроюсь.

— Ну что ж! Счастливого пути!

Устроиться оказалось куда труднее, чем рассчитывал Василий Блюхер. Он вставал в шесть часов, пил горячий чай с черным хлебом и отправлялся искать свободное место. Крупные заводы обходил — там слишком много толпилось безработных. А на маленьких предприятиях чиновники лениво вертели заляпанную руками бумажку конторы Франко–русского и раздраженно говорили:

— Подручный… Не требуются.

И только на заводе военно–врачебных заготовлений нашелся честный человек. Прочел документ, поманил поближе, торопливо заговорил:

— Эту цидульку спрячь подальше. Увольняют по ненадобности инвалидов да неблагонадежных. Судя по облику, совершенно здоров, значит, был замешан в политических беспорядках. Остается одно — проситься в чернорабочие. А там мастера подмажешь и в слесаря попадешь.

— Так я же настоящий слесарь. Понимаете?

— А про это в бумаженции не сказано. Подручный — это еще не мастеровой. Я-то получше наши порядки знаю.

Василий спрятал «цидульку» в карман и побрел на улицу. Что же делать? Ходить по дворам и просить, не нужно ли дровец распилить или помойку почистить? На такие дела много охотников. Может, поклониться какому-нибудь купцу — возьмите в мальчики? Но из мальчиков давно вышел — усы и борода растут.

Невеселые думы оборвались на углу Мясной и Псковской улиц. Наткнулся на человека, сидящего на панели. Перед ним, заскорузлым дном вверх, лежала шапка, В ней сиротливо прикорнули две почтовые марки и медный пятак. Потемневшее от стужи лицо показалось знакомым. Вздрогнул:

— Вася Соколов! Ты чего это?

— Был Соколов, а теперь Слепцев. Вот сижу и ною: «Подайте слепому копеечку малым детишкам на пропитание». Считай, с сентября шестого года. Женка приводит. На работу бежит — посадит, обратно идет — поднимет. Да что-то замечать перестали. Видать, здорово сменился народ на Франко–русском.

— Все время меняется. Как забастовка — так за ворота. А ты за пособием обращался?

— Как же, писала женка. Отказали. Почему, дескать, не сразу заявился в заводскую больницу к Нелидову. Может, где в другом месте последний глаз потерял. Ну, подождала и снова написала. Радлов наложил ручку: «Без последствий». В третий раз подала. И знаешь, отвалили—два рубля пятьдесят копеек.

Василий Блюхер сунул руку в карман, выудил последний рубль и, положив на темную ладонь, сказал виновато:

— Прости, Вася. Больше нет. Уволили меня под рождество. И рад бы…

— Да что ты! Обалдел совсем. За целковый я, бывало, два дня работал. Знаешь, я сам могу тебе дать. Скажем, гривенник. Поскольку ты безработный…

Василий Блюхер порывисто потряс левую руку слепому и торопливо зашагал к набережной Пряжки. Не вытерпел, оглянулся. Увидел — крупные пальцы нерешительно сжимаются в кулак. Соколов, Соколов… Как ты смеялся, как ты песни пел! Что они сделали с тобой?! И не только с тобой. Может быть, на соседнем углу вот так же сидит ослепший в литейной Франко–русского Яков Сафонов. Первое время он пробирался к Бердову мосту. Да в недобрый час чуть было не попал под рысаков директора. Радлов вскипел, приказал сторожам: «Отведите этого самого.., подальше. Какая возмутитель–ная демонстрация!» И сторожа отвели Якова Сафонова и внушили. Больше он на Бердов мост не приходил. А ведь понимал человек литейное дело, был любимцем Вологдина. И слесарь сборочной мастерской Максим Романов тоже был мастеровым высшего разряда. Сгорел на крейсере «Олег» при чистке правого холодильника. Вдове, оставшейся с пятью малышами, Радлов выдал единовременное пособие — 20 рублей.

Злой, синий от стужи, вошел Василий в теплую комнатенку деда. Старик глянул на внука и сразу догадался: опять ничего не выходил. Показал на стол:

— Садись, подкрепись. Замаялся, миляга…

— Да я по пути перехватил немножко.

— А вот зачем врешь? Не терплю. Глаза-то голодные, сердитые. Ты меня не обижай. Я тебя куском хлеба никогда не попрекну. У меня еще силенка есть — прокормлю. Ну, а если, не

дай бог, приболею, напишем в Курганове, старуха нарядит какие-нибудь харчи.

— Ну, ладно, ладно! Расшумелся, богатей. Можно и поужинать. А в Курганове не пиши. Харчи там жидкие. Твоим помогать надо. И маме я давно ничего не посылал. Вот только бы за место уцепиться.

— Место — не то что невеста: потерять легко, а найти, ой, как трудно, Васенька.

— Буду ходить и ходить.

Совершенно случайно удалось поступить в большой мануфактурный магазин акционерного общества Воронина, Лютиш и Чешер. Проработал полтора года приказчиком. Сократили.

После долгих и бесплодных поисков работы Василий Блюхер перекочевал в Москву. И там долго не мог устроиться. Кормился случайными заработками. Только в мае 1909 года удалось поступить на Мытищинский вагоностроительный завод.

Завод принадлежал Московскому вагоностроительному акционерному обществу, обосновавшемуся в особняке Осоргина на Мясницкой улице. А в Мытищах управлял всеми делами инженер — акционер Лабунский. Он запомнился сразу и надолго. «Хозяин, хозяин», — пронеслось по цеху. Василий оглянулся и увидел высокого худощавого рыжебородого человека. Он шел медленно и важно, опираясь на сучковатую палку. С ним здоровались, ему кланялись, а он не поворачивал голову, лишь косил красными трахомными глазами. Прошествовав по цеху, направился в курилку. Не прошло и двух минут, как в цех вбежали курильщики, подгоняемые басом:

— Хамы! Песья кровь! Выгоню бездельников.

Изрядно напуганному мастеру Лабунский пригрозил:

— А вы для чего здесь торчите? Распустили хамов. Извольте использовать свою власть, или я найду другого. Достойного…

Сосед по тискам Семен Васильев шепнул угрюмо:

— Вот черт дубовый! Только и лается: «Хамы, песья кровь!»

Василий улыбнулся: метко сказано — «дубовый». У этого характер куда жестче, чем у Радлова. Надо быть очень осторожным, а не то потеряешь место. Страшно остаться без куска хлеба.

Первая получка принесла не радость, а озлобление. Удержали половину причитающейся к выдаче суммы. Поинтересовался:

— А почему так мало?

— Спроси у мастера, — сказал кассир. — Штрафы там разные и сборы.

«Какие там могут быть штрафы, — прикидывал Василий, — если я ни в чем не провинился? Прихожу в цех первым и ухожу последним. Мастер, кажется, доволен, ни одного замечания от него не получил. Какие-то сборы придумали…»

Пока Василий пробирался к выходу, выяснил, что сборы проведены на иконы Николы Чудотворца и лампадное масло.

За воротами стояла толпа женщин. Пытливо всматривались в лица выходящих, боялись просмотреть кормильцев. Удерут в кабак купца Абрамова и пропьют получку. Василий заметил, что степенные тихонько шагают в чайную Вербуна. И пошел с ними «побаловаться» чайком. Сел в угол и стал наблюдать за посетителями. Вот они сдвинули столики, устроились плотно, как спаянные, заказали самоварчик и о чем-то зашептались. Василий послушал, послушал, ничего не понять. Пересесть поближе не решился: подумают, парень подслушивает.

Накануне второй получки соседи по верстаку подговаривали пойти к Абрамову, но Василий сослался на головную боль и направился в чайную. Увидел тех же тихо разговаривающих рабочих. Со временем Василий узнал, как их зовут и зачем они собираются в уютной, вкусно пахнушей чайной Вербуна. И даже познакомился с Федотом Титовым и Михаилом Шурыгиным, но в группу подпольщиков так и не успел войти.

За вторую половину февраля 1910 года Василий Блюхер не получил и половины заработанных денег. Пересчитал, спросил:

— Вы, случайно, не ошиблись?

— Что заслужил, то и получил, — усмехнулся кассир. — Прокурил, проболтал получку. Ступай, не отвлекай от дела.

С трудом сдерживая ярость, Василий Блюхер отошел от окошка. Надо найти мастера и спросить, за что так много удержали. Мастера поблизости не оказалось. Василий слышал, как ворчат, ругают начальство товарищи. Все недовольны, а заявить об этом боятся. Сколько времени можно терпеть такое издевательство?! Жулики и воры наглеют, пора их осадить. И нужно об этом сказать честно и прямо. Василий Блюхер пересек двор. Залез на забор. Увидел огромную шумную толпу. Глубоко вздохнул и, напрягая голос, крикнул:

— Товарищи! Прошу, послушайте, товарищи!

Стоящие у забора притихли. Василий увидел сотни удивленных глаз и оробел: а что, если скажу не так, как хочу, и тогда осмеют, освищут. И все-таки говорить надо.

— Товарищи! Сегодня нас снова обманули. Залезли в наш карман. Украли кровью и потом заработанные гроши. Тянут штрафы и сборы с каждой получки. Ведь это же грабеж! А мы молчим. Почему мы молчим?

Кто-то злорадно подзадорил:

— Выскажи! Пропой поминальную.

Кто-то восхищенно удивился:

— Ну и отчаянный парень! Кроет напролом!

— Скажу, все скажу, — пообещал Василий Блюхер. — Нас по каждому пустяку штрафуют, придумывают всякие сборы–поборы, заставляют работать двенадцать часов без оплаты сверхурочных. Пришло время заявить: хватит, господа, кончилось наше терпение. Пусть акционеры— Лабунский, Бышевский, Абрамсон и Гучков на своей шкуре почуют нашу силу. Надо бастовать, товарищи!

— Василий почувствовал: кто-то колотит кулаком по сапогу. Услышал испуганный голос Семена Васильева:

— Прыгай, Вася. Городовой Лошкарев полицию вызвал. Удирай скорее!

«Поздно, — с горечью подумал Блюхер. — Слишком много свидетелей. Сам Лабунский на крыльцо выскочил». И, опасаясь, что не успеет сказать главного, заговорил быстро и сбивчиво:

— Только надо дружно бастовать. А врозь — разобьют. Как в пятом году. Завтра завод остановим.

— А ну, слезай, — раздался за спиной Василия свирепый голос. — Слезай, а не то пулей сниму.

Блюхер заговорил еще громче:

— Соберемся утром во дворе. Выставим требования. Не робейте. Мы крепче их. Мы должны…

Чьи-то сильные руки схватили за ноги, резко рванули. Василий полетел на землю. На спину навалился городовой Лошкарев. Привычно, быстро стянул руки ремнем. Тяжело дыша, гаркнул:

— Готов, ваше благородие. Куда его?

— В Бутырки. Да поживей, поживей, вороны! Слышите, как шумят. Сомнут.

Четыре руки подняли Блюхера. И он увидел бледное лицо пристава Преображенского. Улыбнулся:

— Что, струсил, холуй? Спрячь пугач-то, не бойся — не побегу.

Лошкарев махнул рукой полицейским:

— Ведите за мной. Никого не подпускайте. — Торопливо пошел к станции.

Полицейские крепко подхватили Блюхера под руки и поволокли за Лошкаревым…

3

Два года и восемь месяцев провел в тюрьме Василий Блюхер. Несколько раз получал передачи и не знал, кто это помнит о нем и проявляет такую трогательную заботу. Радовался книгам, и особенно учебникам. Они помогли пополнить знания и скоротать медленно текущие дни.

В начале февраля 1913 года Блюхера выпустили на волю. После короткого раздумья решил поехать в Барщинку. Мать поворчит, поворчит, а потом пожалеет, поможет. Она все поймет, она добрая.

Анна Васильевна заплакала, увидев сына, но упрекать не стала, быстро накрыла на стол:

— Присаживайся, Васенька. Дорога-то была длиннющая— в три года. Вижу, умаялся.

И пока сын ел, молча, пытливо всматривалась в его похудевшее, бледное, по–прежнему красивое лицо.

Василий встал, улыбнулся:

— Вот и разговелся. Спасибо, мама.

— Скажи богу спасибо. Без молитвы за стол сел. Видать, отвык.

— Отвык! — охотно согласился сын. — В тюрьме переднего угла нет. Все одинаковы… Что тебе сделать надо?

— Ничего не надо. Отдыхай, поправляйся на деревенских харчах. Вечерком на посиделки сходи. Может, невесту выглядишь.

— Не пойду. Мои ровесницы уже вышли замуж. Лучше вот почитаю.

Мать поняла, почему сын не хочет идти на вечеринку, и сразу же подумала о том, что не останется он в Барщинке, здесь все будут называть его «арестантской мордой», «крамольником». Тесно ему здесь, уйдет в город. И она оказалась права в своих предположениях. Василий погостил две недельки и уехал в Рыбинск. Долго не мог найти работу. Перебрался в Москву, но и здесь не было для него места. Всюду слышал:

— Приема нет и не предвидится.

В солнечный апрельский день Василий Блюхер встретил на Тверской земляка Григория Шишилова. Вместе в Середневскую школу ходили.

— По такому случаю завернем в трактир, — предложил Григорий.

Выпили, разговорились. Выслушав товарища, Григорий сказал:

— Не тужи, Вася, помогу. Вечерком сходим к Всеволоду Петровичу Львову. Это наш, середневский. Ты знаешь его?

— Всеволодка! Припоминаю: такой маленький, вертлявый. Торгаш.

— Он самый. Возьмем магарыч. Всеволодка за чужой счет любит выпить. Разговор поведу я, а ты поддакивай. А сейчас надо тебе постричься, побриться, надушиться. Одежка на тебе паршивая — наденешь мой костюм.

Красивый, модно одетый, Василий Блюхер понравился купцу Всеволоду Львову. А когда Григорий Шишилов выложил свой главный козырь — Василий Константинович службу начинал в Петербурге у купца первой гильдии Клочкова, — Львов звонко стукнул ладонью по столу:

— Ну как же, знаю, знаю Якова Герасьевича. Такой туз! Магазин шик–блеск. А у нас с Гавриилом Семеновичем, конечно, поскромнее. Однако и мы среди московского-то купечества на хорошем счету. Так что есть где развернуться. И папашу вашего видывал. Не глуп, весьма не глуп, но с изъяном — привержен к казенке. А как вы насчет выпить, закусить и прочее?

— С порядочными людьми могу поддержать компанию. Однако пьяным меня никто никогда не видел.

— Похвально, оченно похвально. Приходите утром к восьми часикам. Недельку поработаете, а там установим окладик.

С обязанностями продавца мануфактурного отдела ознакомил Блюхера компаньон Львова — умный, хорошо знающий дело Гавриил Семенович Смирнов.

Испытательный срок Василий Блюхер выдержал успешно и остался служить в мануфактурно–галантерейном магазине Львова и Смирнова, что на углу Большой Никитской и Леонтьевского переулка. Рабочий день был длинным: с девяти часов утра до семи вечера. И только в воскресенье можно было отдохнуть, заняться своими заботами.

Мелочной, жадный, злой, Всеволод Львов был очень похож на купца Якова Клочкова. И у него были «мальчики на побегушках» из Ярославской губернии — Васька Брагин и Колька Щеголев, и он бил их за малейшие провинности и просто так, чтобы «помнили, чей хлеб едят и кто их в люди выводит». И так же, как Клочков, всеми презираемый Всеволодка постоянно скулил, что дневная выручка маловата, не умеют приказчики привлечь покупательниц к товару, стоят день–деньской как «истуканы вифлеемские».

Василий Блюхер не обращал внимания на брюзжание хозяина. Платят прилично. Можно подготовиться и осенью записаться в университет имени Шанявского. Там всяких принимают…

До осени Блюхер не дослужил — в августе 1914 года мобилизовали в армию. Немудреный, ускоренный курс обучения новобранца прошел в 93–м запасном батальоне и через две

недели с маршевой ротой был отправлен в действующую армию на Юго–Западный фронт. Попал в 5–ю пехотную дивизию и был зачислен в 19–й Костромской полк, в третью роту.

И началась суровая фронтовая жизнь. Непрерывные бои. Три атаки — и полка нет. Короткая передышка, пока подойдут новобранцы, и снова в наступление. И снова надо пробиваться сквозь столбы разрывов, по трупам товарищей к оплетенным колючей проволокой вражеским траншеям.

Рядовой Василий Блюхер отличился в затяжных упорных боях под городом Величко и был награжден Георгиевской медалью, а затем и Георгиевским крестом четвертой степени. На его погонах появилась первая лычка. А через две недели за храбрость и мужество, проявленные в рукопашной схватке на реке Стродомке, командир полка вручил Василию Блюхеру Георгиевский крест третьей степени.

Вечером земляк Семен Петров горько пошутил:

— Везет тебе, Василий. Видать, кто-то за тебя шибко молится, коль косая ни разу не притронулась.

— Дойдет и до меня черед. Не сегодня — так завтра, не завтра — так послезавтра. Как в газетах пишут: «У нас в атаке острый штык да доблестное «ура» — и ни слова о том, как неприятель долбит нас из пулеметов и орудий. Дорого обойдется народу эта окаянная война.

— Ты счастливый. Через полгодика, смотришь, полным Георгиевским кавалером будешь. Получишь фельдфебеля, а может, и прапорщика приляпают. У тебя это самое подходяще выходит. В атаке взводного заменил. И покрикивал, как настоящий офицер.

— Не ту песню затянул, Сеня. Нам всем надо думать, как с войной покончить. А вернее, как покончить с теми, кто эту окаянную войну затеял.

Петров торопливо оглянулся, тихо сказал:

— Про это думать можно, а кричать нельзя. В момент подведут под полевой суд. Свои продадут. За понюшку табака.

— А я говорю с глазу на глаз. Без свидетелей. И понимают и вроде бы соглашаются.

— Хватит. Фельдфебель идет. Давай закурим. Что тебе из дому пишут? Я так по своим соскучился! Хоть бы ранило несильно… Отпустили бы на побывку.

Семена Петрова не ранили — убили. Он умер на руках у Василия Блюхера. А было это под Терновом в ночь на 8 января 1915 года. Унтер–офицер Блюхер получил задание — прорезать три прохода в проволочном заборе противника. В команде было двенадцать человек. Перед выходом Блюхер предупредил

товарищей:

— Главное, ребята, полнейшая тишина. Услышит шорох немец — пришьет к земле. А мы за весь полк отвечаем. Не сделаем проходы — повиснут наши на проволоке. Ножницы добрые — сам проверял и точил. Напоминаю: нитку надо надкусывать, переламывать руками и отводить в стороны. Если с маху откусить, получится щелчок. А три щелчка на морозе — это уже пальба. Работать, как условились, попарно. Двое режут, двое наблюдают. Все ясно?

Солдаты молча жадно курили.

Блюхер добавил:

— Если сделаем скрытно проходы, получим по Георгию. Командир обещал. Ну, докуривайте и поползли…

Два прохода прорезали успешно, а на третьем не повезло. Ярким высоким костром вспыхнул осветительный фугас.

Быстро, отрывисто залаяли пулеметы.

Блюхер крикнул:

— Назад, поползли назад!

Но его никто не услышал. И слева и справа взметнулись черные столбы разрывов. Мерзлые комья земли забарабанили по спине. Блюхер прополз несколько шагов. Услышал стон. Повернул назад. Подумал: «Хоть Семена вытащу». Снаряды выдирали столбы, рвали проволоку.

Рядовой 3–й роты 19–го Костромского полка В. К. Блюхер

«Вот лупят! Решили, что началось наступление», — догадался Блюхер. На Семена Петрова наткнулся у прохода. Тряхнул за воротник.

— Поползли, Сеня.

— Мне кишки вырвало, — прохрипел Семен. — Отпиши: сразу помер. А ты беги, Вася. По воронкам…

Голова Семена уткнулась в снег.

Блюхер вскочил: «По воронкам. Два снаряда в одно гнездо не попадают».

Пробежал три шага. Нырнул в черную яму. Удачно. Поднялся снова. Тяжелый удар в спину опрокинул на землю.

…Очнулся на операционном столе. Услышал наполненный состраданием голос:

— Такой молоденький, такой хорошенький и столько крови потерял. В чем только душа держится…

— Ничего, выкарабкается. У него сердце в две лошадиные силы. Займитесь им лично, Машенька. И незамедлительно…

«Доктор. И говорит с трудом, видно, очень устал, — подумал Блюхер. — Не успевает пули и осколки вырезать…»

Страшная боль оборвала мысли. Скорее догадался, чем понял, — несут. Когда клали на койку, потерял сознание.

Пришел в себя на носилках. Словно сквозь сон, услышал:

— Я так и думала —не выживет. Восемь осколков профессор извлек. Всего насмотрелась, но такую вот страсть впервые видела.

Носилки закачались.

«Куда это они меня? — испугался раненый. — Живого могут похоронить. Какая чугунная немощь, ни сказать, ни двинуть рукой. Сейчас бросят на повозку, отвезут на кладбище, зароют в братской могиле. Как же им дать знать, что я еще не умер?»

Блюхер с трудом приоткрыл тяжелые, непослушные веки. Увидел белый халат, бородатое отупевшее от усталости лицо.

Санитары по отлогой лестнице спустились вниз.

«В подвал. В морг несут, — догадался Блюхер, — Должно быть, подбирают партию покойников. Утром хоронить будут. А что они сейчас сделают? Бросят или положат? А чего им мертвеца-то укладывать? Швырнут! Разобьют голову…»

Санитары поставили носилки. При слабом свете Блюхер увидел склонившееся над ним бородатое лицо. Широко открыл глаза.

— А ведь он вроде бы глядит, — усомнился бородач. — Может, немножко оживел?

— Куда там. Сестра Карташева сказала, пульса потерялась. Не шевелится и не стонет. Значит, полный мертвец. Они ведь тоже глядят, да ничего не видят.

Вали, с богом, на боковую.

И носилки перевернули.

Блюхер стукнулся о цементный пол. Свирепая боль захлестнула сознание…

И очнулся от такой же неумолимой боли в левом бедре и в предплечьях. Те же носилки, неторопливые, мерные шаги, бородач, чем-то напоминающий деда Василия. Отлогая лестница. Вот сейчас вынесут на улицу, свалят на санитарную двуколку, задернут брезентом и отвезут на кладбище. Братская могила готова. Хоронят каждый день. Вот и последняя ступенька. Сейчас повернут налево, к двери…

Санитары пошли прямо. В палату. Положили на койку. К Блюхеру подошел профессор Пивованский. Долго щупал костлявую бескровную руку. Сказал строго:

— Я так и чувствовал — пульс с трудом, но прощупывается. Поспешили вынести в морг. Поймите, это редкий случай в моей практике. Требуется особое внимание.

Уделить особое внимание одному раненому было невозможно. В госпиталь непрерывно поступали покалеченные солдаты и офицеры. Ночью, измученная стонущими и умирающими, дежурная сестра не обнаружила признаков жизни у Василия Блюхера и отправила его в подвал.

Блюхер очнулся от холода. Сквозь маленькие оконца робко пробивался розоватый рассвет. С потолка срывались и разбивались о пол крупные капли. Скосил глаза направо, увидел острый нос и желтые скулы. Глянул влево — забинтованная рыжей марлей голова и крупные оскаленные зубы. Кругом мертвецы. На братскую могилу хватит. Теперь-то, наверное, похоронят… А может быть, это только дурной сон. Проснусь на койке… Шаги.

Тащут нового покойника или будут уносить, освобож–дать помещение? Как же привлечь их внимание? И рта не раскрыть.

Подошли санитары. Поставили носилки. Один из них уперся сапогом в бок Блюхера и, вплотную отодвинув к забинтованному, как бы пригасил мысли.

…На утреннем обходе главный хирург профессор Пивованский не нашел Блюхера. Спросил сердито:

— А где же наш редкий случай? Где Блюхер?

— Там внизу. Ночью умер.

— Поторопились. Не могли дождаться меня!..

— Мест не хватает, профессор. Все везут и везут…

— Сейчас же доставьте в палату. Хочу лично убедиться.

Блюхера принесли из покойницкой. И чуткие, умелые руки опытного хирурга уловили чуть тлеющую ниточку жизни.

Пивованский приказал:

— Согревающее. Новокаин. Даже коньяк. И предупредите всех сестер: без меня Блюхера не выносить ни в коем случае. Такое могучее сердце! Понимаете, он не может умереть. Не имеет права,

черт возьми!

Несколько дней Блюхер лежал неподвижно, без видимых признаков жизни. Не чувствовал уколов и только во время перевязок, когда отдирали бинты от ран, приходил в себя… И с каждым днем нарастала уверенность — буду жить.

Весна раскрывала почки, распахивала окна, и в палаты, пропахшие йодом, камфарой и прелой кровью, врывался свежий, густо настоенный первыми цветами воздух. Очень хотелось говорить, читать, сообщить родным о воскрешении из мертвых. Три месяца не писал. Наверное, в церкви села Георгиевского на Раменье уже отслужили панихиду по убиенному воину Василию. Пусть радуется родня, и пусть себе молятся за здравие.

Пришло время, и Василий Блюхер попросил Марию Карташеву:

— Сестрица, позовите, пожалуйста, профессора Пивованского.

— А что случилось? Чем вы недовольны?

— Наоборот, очень доволен. Об этом и хочу ему сказать.

— Ну, это, голубчик, не к спеху. На фронте плохо. Наши отступают. Не знаю, как только профессор держится на ногах. Необыкновенной силы воли человек.

— Не человек — бог! Трижды от смерти спас!

— Смотрите, какие бурные восклицания! Опять упадете в обморок.

— И вы мигом отправите в морг.

— О, злюка! Не переутомляйтесь, отдохните, а не то пропустите самое важное — государя императора. Что, не верите? Такими вещами не шутят. Ждем высочайший визит. Все начальство трепещет.

Громко застонал сосед, и Карташева поспешила к нему. Вытерла лоб, попросила:

— Успокойся, голубчик. Успокойся, миленький. На живом все заживет.

— Пить, сестрица. Горит в нутрях все.

— Нельзя тебе пить, Савельев.

— Не томи, один конец.

— Ладно, принесу одну ложечку.

Блюхер лежал на боку и хорошо видел: тощие, желтоватые руки, тонкую, бледную шею, жадно глотающие воздух, искусанные губы. Тяжело. Мучается. Хватит ли силенки?.. А ведь, наверное, есть женка, детишки. Надо Савельева как-то подбодрить…

В палату вбежала сестра Карташева:

— Солдатики–братики! Его императорское величество…

Потерпите немножечко. Не стоните, пожалуйста. Кто спит, мигом проснитесь, голубчики.

Заскрипели койки. «Поднимаются на локтях, поворачиваются к двери, — догадался Блюхер. — А вот я не могу. Все-таки интересно посмотреть на это самое величество».

Слышны незнакомые поскрипывающие шаги. Голос лечащего врача, быстро называющий звание и фамилию раненых. Какое-то торопливое, неразборчивое бормотание. И только один, должно быть фельдфебель, не растерялся, молодцевато, зычно гаркнул:

— Покорнейше благодарю, ваше императорское величество!

«А вот благодарить-то и не за что. От меня-то не дождется», — зло усмехнулся Блюхер, прислушиваясь к легкому металлическому позваниванию, словно трясли разменную мелочь.

В узком проходе показались «их величество» и свита. Царь шел впереди. Ничего царственного, величественного в его облике Блюхер не обнаружил. Рыжеватый, красноносый, с опухшими тяжелыми веками. И наряд какой-то странный, нелепый: солдатская гимнастерка, суконные шаровары и хромовые ярко надраенные сапоги. На груди сиротливо болтается Георгиевский крестик. Тоже вояка! За царем шел кто-то длинный, лысый и на вытянутых руках нес открытую обшитую атласом коробку. Не оборачиваясь, царь опускал руку в коробку, вытаскивал медаль или крест и клал на подушку, рядом с лицом раненого. Движения были усталыми, равнодушными. И только на минуту лицо царя резко изменилось. Лечащий врач громко объявил: «Рядовой Иван Савельев». Раненый изо всех сил оперся ладонями на край койки, сел, хотел что-то сказать, но густая темная кровь хлынула горлом и окропила протянутую руку царя. Он быстро отдернул ее и брезгливо вытер о белую простыню. Ладони Ивана Савельева соскользнули с кровати, и он тяжело опрокинулся навзничь.

Лечащий врач подозвал сестру Карташеву:

— Немедленно вызовите санитаров и вынесите. Как нехорошо получилось!

Василий Блюхер заметил — лицо царя перекосилось от ужаса. Теперь он не брал, а хватал и торопливо раскладывал на подушки кресты и медали. Словно они были горячими и жгли пальцы. И, закончив обход, царь Николай неловко повернулся и поспешил к выходу.

В дверях он столкнулся с бегущими санитарами и чуть было не угодил на носилки. Оробевшие солдаты прижались к стенке и, пропустив свиту, поплелись к койке Савельева. Укладывая мертвеца на носилки, бородач сурово заметил:

— Тянулся Ванька к Георгиевскому кресту, а получил

сосновый. Эх, наша жисть — копейка. Ну, поехали, приятель, на тот свет…

«Жизнь — копейка, — невольно повторил Блюхер. — Такой неказистый, такой плюгавый, а сколько людей зря погубил…»

4

Более года провел на больничных койках Василий Блюхер. После освидетельствования врачебной комиссией Главного московского военного госпиталя унтер–офицер Василий Константинович Блюхер был уволен «в первобытное состояние с пенсией первого разряда».

После недолгого раздумья решил поехать в родную Барщинку. О работе нечего и думать. Голова кружится, ноги противно дрожат. Какая-то старческая немощь. И это на двадцать шестом году жизни!

Мать долго гладила поредевшие волосы сына, причитала:

— И что они с тобой сделали, звери подлые! Всю кровушку выпили, кожу да кости оставили. Теперь никуда не отпущу тебя, Василек ты мой синеглазенький.

А отец гордился:

— Ну, чего ты живого отпеваешь, не тужить, а радоваться надобно. Смотри, какой герой! И при крестах и медалях. И чин выслужил — унтер–офицер. Теперь за него любая девка пойдет. Вот тебе и Холодный Блюхер, а в каких горячих баталья прославился! Моя натура. Малость отощал на казенных харчах — не велика беда. Были бы кости, а мясо нагуляет.

— Да я Васеньку выхожу. Эго моя заботушка.

И мать старалась все приготовить повкусней да пожирней для своего любимца. Жизнь была сытой и спокойной. И только тоска мучала. Плакали солдатки, получая похоронные из действующей армии. Уныло голосили под окнами инвалиды, выпрашивая Христа ради милостыню:

Не в силах я дальше… Изранены ноги…
Горячая пуля, как жало, впилась.
Кровавым туманом закрылись дороги,
И по небу кровью заря разлилась…

Знакомая песня вызывала в памяти лица друзей сослуживцев, павших под Величкой, Бохней, Терновом. Часами думал, куда

податься. На костылях на завод не пойдешь. Хоть и не хочется, а придется снова вставать за прилавок магазина Львова — Смирнова. А если не возьмут? Что же делать? Надо заставить слабые, болезненные ноги ходить. Заставить! Прокостылять в Середнево и обратно. Шесть верст. Тяжело, но крайне необходимо. Вначале три раза в неделю, а потом каждый день. Там можно поговорить с учителями. Они получают газеты, знают новости.

И на следующий день Василий Блюхер поковылял в Середнево. Весенние ручьи наполнили глубокие ухабы черной водой. Сапоги намокли, стали тяжелыми. Василий считал шаги. После каждой сотни делал передышку. На полпути догнал дядя Дмитрий Павлович. Остановил лошадь, пригласил:

— Садись, Вася, подвезу.

— Спасибо, я должен пешком ходить, от костылей избавляться.

— Потчевать можно, неволить нельзя, — сказал дядя и хлестнул вожжей лошадь.

Василий вытер мокрое лицо и заковылял дальше. Домой он вернулся поздно вечером. Мать обрадовалась:

— Явился! А я всего надумалась.

— В школу ходил. В третий класс. Согрей-ка водички, я ноги вымою.

Долго, старательно растирал ступни и икры и улыбался:

«Ничего, будете ходить, непременно будете…»

В конце апреля 1916 года Василий Блюхер уехал в Москву. В знакомом магазине его встретил брат хозяина Виталий Львов:

— О, в нашем полку прибыло! Слух прошел, вроде тебя убили, а ты без мала Георгиевский кавалер. Сегодня же смочим твои кресты и медали…

— А где Всеволод Петрович?

— Тоже мобилизнули. Пристроился в Москве. Писарем у воинского начальника. Почти каждый день здесь бывает, опасается, что я заведение пропью.

— А Гаврила Семенович?

— Его в Петергоф наладили, и там он присосался к гвардейскому полку. Живет, не тужит. Писал, что скоро вернется.

На следующий день Блюхер вышел на работу. Забежал хозяин Всеволод Львов — в суконной гимнастерке и блестящих хромовых сапогах. Увидев Блюхера, обрадовался:

— Наконец-то заявился. Теперь у меня сердце будет на месте. Виталька совсем от рук отбился, и пьет, и распутничает напропалую. Присмотри, Василий Константинович, за порядком. Будь за старшего.

Такое предложение устраивало Блюхера: можно чаще отлучаться из магазина, заняться самообразованием. И на той же неделе Блюхер направился па Миусскую площадь, в Народный университет имени А. Л. Шаняв–ского. Узнал, что принимают всех, у кого есть желание учиться. Лекции читают лучшие профессора Москвы: Сакулин, Минаков, Айхенвальд, Кизеветтер, Вышеславцев.

Блюхер зашел в студенческую столовую. Понравилось: кормят хорошо и дешево. Уйивили довольно смелые разговоры студентов. Столовая открыта и в воскресные дни. Не в трактир, а сюда надо ходить обедать.

Все резко изменилось в жизни Василия Блюхера. Наконец-то представляется возможность пополнить знания. Запасся тетрадями, приобрел учебные пособия. Научился записывать лекции. В свою маленькую холостяцкую комнатушку возвращался поздно — только переночевать.

В Народном университете имени Шанявского получали образование студенты, исключенные из высших учебных заведений Российской империи, и политически неблагонадежные, бежавшие из каторги и ссылки.

Постепенно Василий Блюхер познакомился с новыми товарищами. Это были люди разного возраста, развития, взглядов. Они часто спорили, знали, что говорят о войне Ленин и Плеханов, Либкнехт и Каутский. Василий Блюхер не все понимал, но вопросов не задавал, полагая, что со временем сам во всем разберется. Нелегальную литературу читал жадно. Благодарил товарищей за листовки, призывающие к превращению империалистической войны в войну гражданскую, за тоненькие книжки, произносящие беспощадный приговор существующему строю.

Новые друзья неожиданно исчезли. По Москве шли аресты. Большевиков гнали на каторгу и в ссылку, но жил и здравствовал «Михаил Константинович» — так называли конспираторы Московский комитет партии. У «Михаила Константиновича» много братьев и сестер, и они возглавляют революционную борьбу.

Занятия в университете и встречи Блюхера с «крамольными» студентами оборвались самым неожиданным образом.

Рано утром прибежал Колька Щеголев:

— Василь Константиныч, хозяин требуют. У, злой! Такого леща закатил!

— Передай, сейчас приду.

Пока шел до магазина, думал, зачем понадобился хозяину.

Львов ходил вдоль прилавка, заложив руки за спину. Увидев

Блюхера, остановился:

— Пройдем в контору, потолкуем.

Дверь закрыл на ключ. Сел к столу, сердито спросил:

— Где вечерами пропадаешь?

— В университете Шанявского. Я ухожу с работы вовремя…

— Не в этом суть. Это не университет, а гнездо политических преступников. И ты с ними заодно. Я тебя, как сына, пригрел, а ты что делаешь?

Блюхер посмотрел на багровое от злости лицо хозяина, тихо сказал:

— Напрасно вы верите всяким сплетням, Всеволод Петрович.

— Я все знаю. Понимаешь, все, досконально. В Бутырской тюрьме, видать, ничему не научился. Вот загонят к белым медведям, остолоп вифлеемский!

— А вы не кричите. Я все хорошо слышу и все понимаю.

— Видать, плохо понимаешь. Так вот запомни: это первый и последний разговор. Я тебя жалею, а ты меня под такой удар подводишь. Подумай, пока не поздно.

Погладил широкой ладонью костяшки на счетах, добавил глухо:

— Ступай за прилавок. И ни гу–гу. Вот таким манером…

«Надо уходить, — решил Блюхер. — Выгонит. Продаст».

Поздно вечером, никого не предупредив, Блюхер уехал в Казань. Поступил на завод Алафузо — в гранатную мастерскую. Оттуда вскоре перешел на завод Остермана. И здесь в июне 1916 года вступил в партию большевиков[6].

III. ЗАДАНИЕ ЛЕНИНА

1

Весной 1917 года Василий Блюхер переехал в Самару.

Ознакомившись с городом, зашел в Самарский партийный комитет, рассказал о себе и попросил:

— Помогите устроиться на Трубочный завод.

Член комитета Алексей Галактионов посоветовал:

— На Трубочном у нас сильная организация. А что, если вам вернуться на военную службу? Скажем, в сто второй запасной полк. Добровольцем. Там больше принесете пользы.

— Да что вы! Я инвалид первой группы. Вся спина осколками изодрана.

— Вид-то у вас подходящий. По части медицинской свяжитесь с нашим человеком — врачом Цинтроблатом. Видите ли, надо бороться за армию. Это, пожалуй, самая важная задача текущего момента. Держите с нами связь. Желаю успехов.

Василий Блюхер вытащил из чемодана и привел в порядок военное обмундирование. Почистил Георгиевские кресты и медали. Написал докладную записку и отправился в 102–й полк.

Молодцеватый разумно отвечающий на все вопросы доброволец понравился адъютанту, и он обнадежил:

— Если пройдете медосмотр, я возьму вас в штаб писарем.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — охотно пообещал Блюхер.

Старший врач полкового околотка не скрыл удивления:

— Редкий случай в моей практике. Все стараются удрать из армии, и вдруг нашелся чудак, который сам просится в мясорубку.

— Я служил в армии и выбыл по ранению.

— Снимите рубашку, взгляну на ваши царапины.

Блюхер оголил спину.

Врач поморщился, сказал угрюмо:

— Сплошной шрам. И впечатление такое — раны вот–вот откроются. А теперь послушаем сердце.

Трубка была неприятно холодной.

— Сердце и легкие в норме, — определил врач. — И все-таки вы, голубчик, отвоевались. Одевайтесь.

Блюхер торопливо затянул ремень, попросил:

— Помогите, товарищ Цинтроблат. Понятно, не строевой, но писарем-то я могу работать.

— Откуда вы меня знаете?

— Товарищ Галактионов сказал: там наш человек — Цинтроблат.

Врач покачал головой.

— Повторяю, могут открыться раны. За столом-то вы усидите. А что, если вас в маршевую роту сунут? На фронт. Ваш шаг подобен самоубийству. Ну, ладно. Я поговорю в штабе.

На следующий день унтер–офицер Василий Блюхер был зачислен писарем в 102–й запасной стрелковый полк.

На митингах Василий Блюхер познакомился с солдатами–большевиками и получил представление о своих идейных противниках.

В Самаре были расквартированы многие воинские части: 102, 130, 133 и 143–й запасные стрелковые полки, 3–я запасная артиллерийская бригада, 4–й запасной саперный батальон, 690–я пешая дружина, три команды выздоравливающих и несколько санитарных и интендантских подразделений. И во всех этих частях шла напряженная политическая борьба. Имея значительный количественный перевес, эсеры и меньшевики одержали победу в дни выборов в Совет военных депутатов.

Первое выступление Василия Блюхера на полковом собрании было неудачным. Скованный робостью, он очень медленно подбирал нужные слова и паузы заполнял раздражающими слушателей фразами: «По сути дела» и «Надо сказать».

Член полкового комитета эсер–краснобай Галиков крикнул:

— Если надо сказать, говори, а не тяни резину.

Еще больше съязвил его приятель Крусликов:

— По сути дела ничего и не слышим.

Все засмеялись. Блюхер растерялся и, сам того не желая, сделал вывод:

— По сути дела я все сказал.

И сошел с трибуны.

Весь вечер чувствовал себя виноватым. Нехорошо получилось. Надо больше читать, быть в курсе всех событий, и тогда самый каверзный вопрос станет просто объяснимым. А главное — учиться у более опытных ораторов.

Молодой большевик Василий Блюхер стал посещать городские митинги, на которых выступали профессиональные революционеры, прошедшие каторгу и ссылку. Запомнил, как спокойно, уверенно, просто беседует с рабочими Николай Михайлович Шверник. Его слушали внимательно, как старшего, всеми уважаемого товарища. Когда оратор сошел с трибуны, стоявший рядом с Блюхером рабочий похвалился:

— Это с нашего, Трубочного. Председатель завкома. Свой

человек, из большевиков.

Василий Блюхер часто видел на солдатских митингах вернувшегося из Туруханской ссылки Александра Александровича Масленникова. Худощавый, бородатый, с крупными очками на длинном носу, он обладал громким, сильным голосом — его слышали все посетители обширного Аржановского сада. Блюхер заметил: Масленников всегда выступает после эсеров и меньшевиков и остроумно высмеивает их ошибки. Высокообразованный, обладающий прекрасной памятью, Александр Александрович выступал без конспектов и заранее заготовленных речей. Когда оратор, посматривая на часы, спрашивал: «Кажется, все ясно? Разрешите на этом закончить?» — солдаты кричали:

— Давай еще! Верно говоришь!

В том же Аржановском саду Василий Блюхер впервые услышал глубоко взволновавшую его речь Валериана Владимировича Куйбышева. Он сразу же привлек внимание слушателей, рассказав о кровавом преступлении Временного правительства, расстрелявшего мирную демонстрацию в Петрограде. Чествуя память павших, Блюхер снял фуражку, и сразу же обнажили голову его товарищи по запасному полку; оратор заметил это сердцем подсказанное движение и минуту стоял молча, всматриваясь в суровые, обветренные лица. И когда Куйбышев заговорил снова, продолжалась такая же строгая, предгрозовая тишина. Люди в гимнастерках яростно сжимали кулаки, слушая о том, как временные правители глумились на Дворцовой площади над безоружными рядовыми 1–го пулеметного полка, выступившего на защиту питерских рабочих.

Василий Блюхер уловил глубокую тревогу в словах Куйбышева, когда он рассказывал о постановлении Временного правительства об аресте лидера большевиков Ленина. И сразу же мелькнула мысль: «А где же сейчас Ленин? Кто охраняет его?» И услышал ответ:

— Революционный рабочий класс красного Петрограда не даст своего вождя на растерзание охранки господина Керенского. Владимир Ильич Ленин всегда будет с нами, в наших сердцах, думах и делах. С Лениным мы победим!

Гул рукоплесканий прокатился по Аржановскому саду.

Куйбышев призвал солдат готовиться к последнему решительному бою с помещиками и капиталистами за подлинно народную Советскую власть. И в резолюции, единодушно принятой на митинге, солдаты Самары заявили:

«Никакого доверия правительству капиталистов и помещиков и связавших себя преступной связью с ними социалистов… Вся

власть революционному народу».

После митинга солдаты окружили Куйбышева. Задавали вопросы, и он отвечал терпеливо и подробно. Когда круг заметно поредел, Василий Блюхер подошел поближе к Валериану Владимировичу и попросил:

— Товарищ Куйбышев, помогите нам политической литературой. У эсеров и меньшевиков этим добром все заборы украшены, а у нас, по сути дела, пусто.

Куйбышев нахмурился:

— Вы правы, простите, товарищ, не знаю вашу фамилию.

— Василий Блюхер, из сто второго.

— Слышал такую фамилию. Так вот, товарищ Блюхер, нужно основное внимание уделить устной пропаганде. Ведь у вас есть и малограмотные и неграмотные солдаты, беседуйте с ними, читайте нашу «Приволжскую правду». Знакомьте со статьями Ленина. Будьте советчиками и наставниками солдат, помогайте им, чем только можете. Если встретитесь с вопросами, на которые вам не ответить, не стесняйтесь, приходите к нам, в городской комитет партии. Адрес знаете?

— А как же — бывший ресторан «Аквариум», Самарская улица, дом восемьдесят семь.

Куйбышев торопливо взглянул на часы, сказал виновато:

— Извините, товарищи, спешу. Желаю вам успеха. — И пошел к выходу.

Василий Блюхер улыбнулся, подтолкнул своего товарища Михаила Герасимова:

— Как у него все складно и разумно получается. А я вот на днях вылез с речью, а, по сути дела, сказать ничего не мог. Слов не хватает, спотыкаюсь…

— И слов и мыслей, — посочувствовал Герасимов. — А ты не стесняйся: если своих нет, смелей забирай чужие. Читай, запоминай, выписывай. И выкладывай к месту. Постепенно поумнеешь, и свои мысли появятся.

— У тебя-то язык легко подвешен. Поэт. Читал твои стишки. И рифма есть и смысл. А главное — политическая линия правильная. «Железною ратью вперед, мои братья, под огненным стягом труда!» Сильно сказано.

— Весьма польщен столь высокой оценкой! Стихи — моя стихия. Жаль, времени для поэзии маловато. Все забирает «текущий момент». Охрип на митингах и собраниях. Обстановка предгрозовая. Придется воевать, товарищ фельдмаршал?

— Придется, товарищ поэт.

Советы Валериана Владимировича Куйбышева запомнились Блюхеру. В полку было много малограмотных и неграмотных

солдат. С ними старший писарь Василий Блюхер встречался ежедневно. Одни требовали деловые бумаги, другие униженно просили «отписать домашним про службу». Еще вчера эти бесконечные требования и просьбы утомляли и раздражали, хотелось как можно скорее избавиться от «надоевшей писанины». И вдруг все изменили слова Куйбышева: «Будьте советчиками и наставниками солдат, помогайте им, чем только можете». Пусть солдаты вечерами идут в канцелярию, и чем больше, тем лучше. Пусть выворачивают душу наизнанку, выкладывают все наболевшее. Надо слушать внимательно и подсказывать, что делать, как жить, каким путем идти.

Должность писаря стала необходимой, полезной для установления добрых отношений с однополчанами, которые недавно освистали на митинге неудачно выступившего писарчука с немецкой фамилией. Теперь Блюхер охотно писал разные заявления и прошения, а также письма родным и знакомым сослуживцев. И все это делал старательно, быстро, хорошо. Солдаты уходили довольные и рассказывали товарищам о заботе и душевной доброте писаря полковой канцелярии Василия Константиновича. За короткое время Блюхер познакомился со многими рядовыми, узнал их заботы, нужды и печали. Суровые житейские истории умело использовал, беседуя о войне и мире, о земле и голоде, о Временном правительстве и Советах. И радовался, замечая, что слушатели понимают, одобряют его выводы.

Вместе с Блюхером вели агитацию его товарищи — большевики Волков, Козырьков, Крисер–Брин, Цинтроблат.

О своих успехах, о борьбе с меньшевиками и эсерами Василий Блюхер охотно рассказывал Валериану Владимировичу Куйбышеву.

2

Весть о вооруженном восстании в Петрограде долетела до Самары вечером 25 октября. В. В. Куйбышев вызвал к себе членов губкома. Посовещались и решили созвать экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. На почту и телеграф были посланы отряды Красной гвардии, возглавляемые большевиком М. Т. Козырьковым.

В ночь на 26 октября в театре «Триумф» собрались депутаты.

Василий Блюхер, занимая место рядом с Михаилом Герасимовым, сказал улыбаясь:

— Ну, вот и дождались. Пришел и к нам праздник…

— До праздника еще далеко. За власть придется воевать.

— Власть наша! Об этом сейчас и скажет товарищ Валериан.

Председательствующий Куйбышев встал и попросил соблюдать тишину. Со стола взял листок бумаги и громко объявил:

— Товарищи депутаты! Нами только что получена телеграмма чрезвычайной важности. Вот она:

«В Петрограде сегодня ночью военно–революционный комитет занял вокзалы, государственный банк, телеграф и почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено. Сегодня в пять часов открывается съезд Советов»[7].

Депутаты, сидящие слева, встали и громко зааплодировали. Правая сторона встретила весть о революции свирепым топотом и свистом. Несколько минут от неистового шума жалобно звенели запотевшие стекла. На сцене стоял высокий, широкоплечий, мужественный, уверенный в своих силах Валериан Владимирович Куйбышев и спокойно ждал, когда его противники устанут, выдохнутся. Пусть побеснуются в последний раз — время работает на Революцию.

И когда правая сторона утихла, председательствующий твердо и уверенно провозгласил:

— Трудовая Самара последует за красным Питером. Предлагаю передать всю власть в городе и губернии в надежные руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Переходим к обсуждению этого главного вопроса.

Василий Блюхер шепнул Герасимову:

— Выходит, что я прав. А ты вот сомневался…

— Подожди, подожди, фельдмаршал. Сейчас полезут горе–ораторели. Разведут канитель.

И он оказался прав, сапер–поэт Михаил Герасимов. Меньшевики и эсеры защищали Временное правительство, которого уже не существовало, предлагали вопрос о власти оставить нерешенным до открытия Учредительного собрания.

В связи с поздним временем Куйбышев закрыл заседание и предложил продолжить прения днем 26 октября.

Большевики Самары хорошо подготовились к предстоящей схватке с врагами. В театр «Триумф» кроме депутатов Совета пришли представители полковых комитетов, правлений профсоюзов, железнодорожных и почтово–телеграфных рабочих. Все желающие не могли попасть в зал, и пришлось перейти в более вместительный театр «Олимп».

Ожесточенные споры продолжались несколько часов. Только в 6 часов утра 27 октября приняли предложенную Куйбышевым резолюцию о передачи власти Советам. На этом же заседании был

создан Военно–революционный комитет во главе с В. В. Куйбышевым.

Довольный и усталый, возвратился Василий Блюхер в казарму. Самое трудное позади. Теперь можно вернуться на завод. А сейчас нужно уснуть. Голова кружится: третьи сутки на ногах…

Отдохнуть не удалось. Вызвали в ревком.

Куйбышев подал руку, хрипловатым голосом сообщил:

— Мы здесь посоветовались и решили ввести вас в состав штаба охраны города. Свяжитесь с членами штаба Серовым и Сидельниковым и наводите революционный порядок. Вам будут подчиняться квартальные комитеты охраны, которые сейчас выбираются населением, и, конечно, Красная гвардия и местный гарнизон. Да, чуть не забыл. Вы назначаетесь помощником комиссара гарнизона Сергея Мельникова.

Блюхер не ожидал, что ему поручат такие ответственные дела, растерялся:

— А не много ли будет? На одного—две такие огромные должности. И в полку есть обязанности…

Куйбышев провел ладонью по густым длинным волосам, улыбнулся:

— Что за счеты, была бы охота! Революция требует напряжения всех сил.

Председатель ревкома встал и крепко пожал руку Блюхеру.

«Вот и вернулся на завод», — усмехнулся Блюхер, выходя из комнаты. Старший писарь вдруг стал помощником комиссара гарнизона. Еще вчера беспорядки в городе были на совести Губернского комитета народной власти и начальника 31–й запасной бригады генерал–майора Савич–Заблоцкого. А сегодня за революционный порядок должен отвечать рядовой Василий Блюхер. И надо бороться со всеми, кто ненавидит Советскую власть. С чего начать? Пожалуй, надо сначала представиться начальнику гарнизона.

Генерал–майор Савич–Заблоцкий, выслушав Блюхера, усмехнулся:

— Рядовой Блюхер, разрешите осведомиться: чем могу служить?

— Служить не мне, а Революции.

— Революции не присягал.

— Каждый выполняет свой долг, как подсказывает совесть.

Генерал встал, сказал угрюмо:

— Я выполню свой долг перед своим народом без напоминаний.

Блюхер понял, что разговор окончен, и вышел из кабинета.

Неладно получилось. Видно, генерал еще не решил, к какой стороне примкнуть, кому отдать свои знания и опыт. Блюхер не знал, что за час до его прихода у начальника гарнизона побывал эсер Фортунатов и проинформировал о только что организованном Комитете спасения родины и революции».

Засевшие в городской управе самарские промышленники и купцы, эсеры и меньшевики рассчитывали свергнуть Советскую власть, опираясь на контрреволюционное офицерство и на казачью сотню.

Большевистский штаб охраны порядка, возглавляемый Блюхером, разработал план ликвидации антисоветского подполья. Комиссар гарнизона Сергей Мельников и прапорщик Николай Щербинский с отрядом солдат ночью скрытно подошли к казачьей казарме. Сняв часовых, бойцы обезоружили казачью сотню.

В ту же ночь отряд, организованный Блюхером, сменил часовых у всех военных складов и взял на учет оружие.

Враждебно настроенные офицеры были уволены из армии.

Не сразу удалось ликвидировать боевую дружину анархистов. Вооруженные бандиты захватили типографию буржуазной газетки «Волжский день», выставили охрану, стали набирать листовку, призывавшую к погромам. Узнав об этом, Блюхер выслал в типографию отряд красногвардейцев. Анархисты разбежались. На следующий день ревком национализировал типографию.

Большую организационную работу Василий Блюхер проводил в частях гарнизона. За две бессонные ночи ему удалось разработать Инструкцию выборным комиссарам при воинских частях и опубликовать в «Приволжской правде».

16 ноября Блюхера срочно вызвали в ревком. Куйбышев сидел за столом и что-то торопливо писал. Услышав шаги, поднял голову. Блюхер увидел усталые глаза, суровые складки на лбу и в углах рта. Мелькнула догадка— случилась какая-то беда.

Куйбышев закрыл дверь на ключ. Внимательно осмотрел Блюхера, как будто видел впервые. Начал разговор, как всегда, с главного:

— Товарищ Блюхер, ревком решил послать вас комиссаром сводного отряда против Дутова. В район Челябинска. Мы только что получили боевое задание из Центрального Комитета партии, непосредственно от Ленина. Мы посовещались и остановились на вашей кандидатуре. Поручение чрезвычайной важности…

В дверь постучали.

Куйбышев раздраженно махнул рукой:

— Я отключился от текущих дел, чтобы нам никто не мешал. Белоказачьи отряды окружили Челябинск и перерезали железную

дорогу, имеющую огромнейшее хозяйственное и политическое значение. Подчеркиваю — огромнейшее! Москва и Питер ждут продовольственные эшелоны, а они отрезаны казаками. Высылаются отряды из Петрограда и с Урала. Когда они прибудут, неизвестно, а промедление гибели подобно. Нам поручено выделить полтысячи бойцов на челябинский участок фронта. Нанести первый удар. И вы, как комиссар, должны обеспечить незамедлительное выполнение этой операции.

Блюхер нервно потер вспотевшие ладони. Неожиданные вести ошеломили. Как все резко поворачивается — задание самого Ленина. Решающий участок. Первый удар. И полная неизвестность.

Валериан Владимирович не торопил собеседника. Он хорошо понимал его состояние. Пусть приобретет уверенность в своих силах. В такую минуту следует подбодрить человека. И Куйбышев встал, сказал задушевно:

— Не робей! Не робей, Василий Константинович. Поможем. Непременно поможем. Надо энергично действовать. На формирование и сборы мы можем отпустить двадцать четыре часа и ни минуты больше. Советую укрепить отряд солдатами–большевиками. Ты их всех знаешь. Я уверен в успехе…

Блюхер поднялся, спросил:

— А кто будет командовать отрядом? Сейчас у многих тяготение к домашней жизни. Удерет… А я еще никогда не командовал.

Куйбышев взглянул на часы, сказал:

— Командира подберет комиссар гарнизона Мельников. Найдет специалиста. Вот у него и учись. Помни— комиссар должен в любое время заменить командира.

— Сделаем все возможное, Валериан Владимирович.

Блюхер зашел к Мельникову и от него узнал, что начальником отряда назначается капитан В. К. Садлуцкий.

— Что это за человек? — поинтересовался Блюхер.

— Боевой офицер. Беспартийный. Немного медлителен, но зато военное дело знает хорошо. Отряд скомплектуем сами. Возьмем лучших солдат из запасных полков и добровольцев–красногвардейцев.

— И обязательно артиллеристов!

— О, да ты быстро входишь в роль. Дадим батарею.

— А может, две?

— Для начала хватит и одной. Придется еще отряды комплектовать. Их с голыми руками не пошлешь.

— Ладно. Отберем у дутовцев. Я пошел…

Он еще не знал, куда в первую очередь пойти, с чего начать.

Ясно, что сегодня да и завтра спать не придется. Вот и начались тревожные дни и бессонные ночи. И захочешь вздремнуть, отдохнуть, да неотступные заботы не позволят. Придется отвечать за пятьсот человек. А пока их нужно собрать, вооружить, обмундировать, обеспечить пайком хотя бы на неделю.

…Уложились в срок, указанный Куйбышевым. 17 ноября Самарский сводный отряд выехал на фронт. На вагонах мелом и белой краской было написано: «Демобилизованные. Едем домой!»

Это сделали по предложению комиссара Блюхера:

— Не следует привлекать к себе внимание. Попробуем перехитрить дутовцев. Сейчас многие солдаты домой едут.

Хитрость помогла. Эшелон беспрепятственно проскочил белогвардейские заставы атамана Токарева и прибыл в Челябинск. Оставив эшелон в тупике, комиссар Блюхер с двумя связными прошел в город. Побывал в 109–м и 163–м запасных полках и убедился в том, что солдаты стоят на стороне Советов. С песнями, строевым шагом провел отряд по городу. Нарочито растянутую колонну замыкали артиллеристы. Жители вышли на улицы полюбоваться одетыми в новенькие шинели, папахи и сапоги бравыми, подтянутыми самарцами.

Весть о прибытии огромного отряда красных разнеслась по округе. Атаман Токарев отвел свои отряды от Челябинска.

В тот же день, 20 ноября, были распущены эсероменьшевистский Комитет спасения родины и революции и городская дума. Большевики организовали Военно–революционный комитет, который сразу же довел «до сведения всех правительственных и общественных учреждений, что все распоряжения, исходящие от губернского комиссара бывшего Временного правительства Архангельского, считать *недействительными*».

Обо всем этом комиссар Самарского отряда и член Челябинского ревкома Василий Блюхер с глубокой радостью доложил по телеграфу В. В. Куйбышеву.

Важный узел трех железнодорожных линий — Самаро–Златоустовской, Пермской и Сибирской — город Челябинск снова стал советским.

3

Избранный в состав ревкома и в члены исполнительного комитета Челябинского Совета Василий Блюхер в то же время оставался комиссаром Самарского отряда и считал основной эту должность. Он понимал, что встреча с Дутовым неизбежна, надо

готовиться к упорным боям. Решил поговорить с командиром отряда Садлуцким. Спросил:

— Что вы знаете о Дутове?

— Примерно то же, что и вы, — усмехнулся Садлуцкий.

— Противника надо изучать, собирать о нем сведения.

— Прописная истина! Кое-что мне известно. Дутов — полковник генерального штаба, атаман Оренбургского казачьего войска. Имеет большой жизненный и боевой опыт. Умен и хитер. Видимо, эти качества учел Керенский, назначив Дутова особоуполномоченным по заготовке продовольствия в Оренбургской губернии и в Тургайской области. Дальновидный ход. Именно Дутов стал военным диктатором…

— Все это история. А ведь нам завтра придется воевать с Дутовым, — не скрывая раздражения, заметил Блюхер.

Командир отряда достал папироску, не спеша закурил, сказал:

— Перебивать собеседника нетактично, если даже он и не прав. Разберем вторую часть вопроса. Основу дутовской армии составляют недовольные Советской властью богатые казаки. Предполагаю, что сейчас у Дутова под рукой не более двух тысяч сабель и штыков. Если боевые операции повстанцев будут развиваться успешно, а это весьма вероятно, войско Дутова вырастет до двенадцати — пятнадцати тысяч.

— Ну, а что мы должны предпринять в ближайшее время?

— Ждать подкрепления из центра. Силами одного Самарского отряда Оренбург не освободишь. А пока надо заниматься строевой и боевой подготовкой. Безделье, подобно ржавчине, разъедает армию.

Блюхер молча покатал карандаш по столу, попросил:

— Нет ли у вас какой-нибудь литературы по военному делу? Одолжите на вечерок–другой.

— Почти ничего. Вот только устав полевой службы. Но ведь он с царских времен.

— Ничего! Будем учиться по старому, пока новый не написали.

— Похвальное стремление, учиться никогда не поздно.

Блюхер взял устав, поблагодарил и пошел к себе, в гостиницу «Эрмитаж». Читал до поздней ночи. Выписывал команды. Старался на бумаге изобразить способы маневрирования в бою: охват, обход, сочетание их с фронтальной атакой. Все оказалось куда сложнее, чем думал раньше. Это тоже наука, и довольно трудная.

На следующий день разыскал Народную библиотеку.

Пожилая скромно одетая бледная женщина растерялась,

увидев человека в шинели с внушительным маузером на боку. Оробело спросила:

— Обыск? Реквизиция?

— Да что вы! Читатель я. Комиссар Блюхер. Посмотрите, пожалуйста, что у вас имеется по военной науке.

— Безусловно, подыщем. Подождите минутку.

Принесла стопку книг.

— Выбирайте, что подойдет. Можете домой взять. Здесь у нас холодно. Давно не топят, нет дров.

Блюхер отобрал четыре книги, сказал:

— Дрова завтра привезут. Благодарю за книги. Запишите их. По всем правилам.

— Да я вам верю.

— Одно другому не мешает. Порядок для всех один. Книги — особая ценность.

— К сожалению, это не все понимают. От сырости переплеты портятся, плесневеют…

— Постараемся создать вам нормальные условия. Займусь лично.

И Блюхер сдержал слово. Утром красногвардейцы привезли в библиотеку четыре воза березовых дров.

…30 ноября Василия Блюхера вызвали в ревком.

Председатель ревкома Алексей Галактионов зачитал только что полученное Обращение Совета Народных Комиссаров:

«…1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти»[8].

Галактионов осмотрел собравшихся и, задержав взгляд на Блюхере, предложил:

— Необходимо организовать единый штаб вооруженных сил города Челябинска. На пост главноначальствующего рекомендую

товарища Блюхера, а начальником штаба — командира Самарского отряда Садлуцкого. Какие будут мнения?

Блюхер встал, заговорил отрывисто, твердо:

— Я не могу согласиться с товарищем Галактионовым. Главноначальствующим надо поставить капитана Садлуцкого. Он лучше моего знает дело, кончал военное училище, на фронте командовал батареей. А я был солдатом. Прошу понять меня правильно. Я не боюсь ответственности. Думаю о большей пользе. Понимаете…

— Понимаем, — кивнул кудрявой головой член ревкома Соломон Яковлевич Елькин. — Именно для пользы дела военного специалиста Садлуцкого следует главноначальствующим назначить, а начальником штаба — Блюхера. Присмотрится, вникнет, наловчится, и тогда их можно поменять ролями.

— Пусть будет так, — согласился Галактионов. — Товарищ Васенко, напиши приказ и сразу же отправь в типографию. Проследи, чтобы утром расклеили по городу.

Обращение Совета Народных Комиссаров глубоко взволновало Блюхера. В нем он увидел программу действий. Ленин встревожен успехами отрядов атамана Дутова. Надо действовать со всей решительностью. Уничтожить дутовщину — приказывает Ленин.

На следующий день Василий Блюхер собрал в военном отделе Совета совещание солдат–большевиков и ознакомил их с Обращением Совнаркома. Обменялись мнениями. Решили из солдат гарнизона и местных красногвардейцев организовать сводный Челябинский отряд. Отправить в Екатеринбург и Пермь телеграммы с просьбой выслать в Челябинск боевые дружины для совместной борьбы с Дутовым.

Комплектование отряда оказалось делом сложным и трудным. 109–й и 163–й пехотные полки быстро таяли — солдаты разъезжались по домам. На значительное красногвардейское пополнение рассчитывать было нельзя. Боевые дружины уральцев запаздывали. Только 16 де–кабря прибыл первый отряд. Узнав об этом, Блюхер поспешил на вокзал.

Вся привокзальная площадь была заполнена моряками и солдатами. Прогуливались парами нарядно одетые девушки.

Блюхер отыскал штабной вагон. Угрюмо спросил:

— Кто у вас старший?

От окна отпрянул круглолицый, пухлогубый, молоденький мичман, представился:

— Командир Северного летучего отряда Сергей Павлов. С кем имею честь?

— Начальник штаба главноначальствующего всеми

вооруженными силами Челябинского уезда, представитель ревкома и член исполкома Совета Василий Блюхер.

— Сколько титулов при одной персоне! А где же сам главноначальствующий?

На лоб Блюхера набежали морщинки — верный признак повышенного раздражения.

— Главноначальствующий Садлуцкий ждет вас с докладом в штабе: Скобелевская улица, номера Дядина.

— Ежели ждет, пошли. А может быть, поедем? Вы как здесь передвигаетесь?

— На своих на двоих. Не теряйте напрасно времени. Вы прибыли в район осадного положения.

— А знаете, мы тоже газеты читаем и в курсе событий. Нас сюда Ленин направил. Двадцать шестого ноября к нему оренбургские железнодорожники приходили, жаловались на Дутова, просили помощи. Товарищ Ленин написал предписание военным комиссарам Подвойскому и Антонову–Овсеенко, дескать, требуется экстренная военная помощь против Дутова. Меня срочно вызвали в главный штаб на Дворцовую. Антонов–Овсеенко приказал мне немедленно сформировать отряд матросов в пятьсот штыков. Взял я самых отборных ребят с линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Усилили отряд Семнадцатым Сибирским полком. Вот его командир, Яков Маркович Суворов.

— Разговорился Сергей Дмитриевич — не удержать. Пойдемте, пойдемте, — улыбнулся Яков Суворов.

Вышли на привокзальную площадь. Павлов крикнул извозчику:

— Батя! С ветерком, на Скобелевскую, в дядькины–теткины номера.

Блюхер нервно потер ладони, но ничего не сказал. Моряки — народ отборный. И командир, чувствуется, не глуп. Приехал по заданию Ленина. Интересно, каким-то будет мичман в боевой обстановке? Отряд надо завтра же направить на Троицк. На месте ли сейчас Садлуикий? Придумал я этот доклад на свою голову.

Садлуцкий сидел за столом и что-то озабоченно подсчитывал на счетах. Павлов строевым шагом подошел к столу и доложил толково и четко. Садлуцкий показал на табуретки:

— Прошу садиться. Каковы ваши ближайшие задачи, товарищи?

Командир Северного летучего отряда Сергей Дмитриевич Павлов

Павлов недоуменно посмотрел на Суворова, пожал плечами:

— Мы поступаем в ваше распоряжение. Ведь вы — главноначальствующий…

Блюхер вмешался в разговор:

— Наша ближайшая задача — разгром армии Дутова. Сегодня мы разработаем план боевой операции, а утром ваш отряд выступит на позиции.

— Срок выступления на фронт прошу отодвинуть, — сказал Павлов. — Посудите сами: больше двух недель в пути. Продвигались и помогали устанавливать Советскую власть. Нужно привести отряд в приличный воинский вид.

— И отдохнуть не мешает. Выспаться, — поддержал Яков Суворов. — Осточертела эта колесная жизнь.

— Доводы веские, — повернулся к Блюхеру Садлуцкий. — А как насчет бани?

— Обеспечим! Завтра с утра могут мыться.

— Вот за баню спасибо, — обрадовался Павлов. — Разрешите в эшелон? Да, чуть не забыл. У вас оперативные карты есть?

— К сожалению, оных не имеем, — вздохнул Садлуцкий.

— И я в спешке. не захватил из Питера. Ничего, сориентируемся на местности. Пошли, Суворов.

Садлуцкий проводил командиров до двери. Возвращаясь к столу, проворчал:

— Надо ставить в известность. Идиотское положение. И название это — главноначальствующий — меня прямо коробит. Командующий без войска.

— Войско будет! Заводы Урала нас не подведут. И дело не в

названии, а в распорядительности, в стремлении как можно быстрее разгромить врага.

— Снова прописные истины. Вы только что грозились разработать операцию по освобождению Троицка. Как вы ее представляете, товарищ начальник штаба? Карты–десятиверстки и той нет… Никаких сведений о противнике.

Блюхер ответил не сразу. Садлуцкий прав —начальнику штаба положено разрабатывать операции, все знать, все иметь под рукой. А у него ничего нет. Дело сложное, неосвоенное…

— Согласен с вами, — тихо сказал Блюхер, — я плохой начальник штаба и самостоятельно с этой задачей не справлюсь. И поэтому я сказал — мы разработаем. Вы мне поможете. И я прошу вас, понимаете, прошу разработать эту операцию. Пусть будут приблизительные сведения о противнике, какая-то условная местность и несуществующая карта. Покажите, как это делается, оформляется на бумаге.

— Хорошо. Приходите ко мне вечерком. Подумаем о боевом приказе.

— Я сегодня же вышлю разведчиков.

— Весьма похвально!

…Первыми на фронт выехали бойцы Северного летучего отряда Сергея Дмитриевича Павлова. Их провожали представители горкома и исполкома и многочисленные поклонницы моряков–балтийцев.

Перед отъездом веселый, румяный от мороза Павлов крепко пожал руку Блюхеру, пообещал:

— Ждите, Василий Константинович, добрые вести. Главкома Духонина растрясли, теперь очередь за атаманом Дутовым…

— Чаще присылайте донесения. Поддержим свежими силами.

С тревогой и грустью расставался Блюхер с командиром Северного летучего отряда. За короткое время успел подружиться с этим двадцатилетним беспредельно преданным революции командиром. Это он с моряками–балтийцами по приказу В. И. Ленина прибыл в Могилев и занял бывшую царскую Ставку. Бывший главнокомандующий, враг Советской власти генерал Духонин попал на штыки матросов и в крылатую поговорку: «Пошла, контра, в штаб Духонина». С Дутовым борьба будет более продолжительной и трудной.

В тот же день, 20 декабря, Павлов сообщил в Челябинск о том, что возле узловой станции Полетаево белоказаки завязали перестрелку с эшелоном моряков. Балтийцы выскочили из вагонов, развернулись в цепь и бросились в атаку. Дутовцы не выдержали, отстреливаясь, стали отходить к станции Еманжелинской.

У Еманжелинской белоказаки встретили эшелон ружейно–пулеметным огнем.

И снова балтийцы оставили теплушки и пошли на врага. Бой продолжался несколько часов. Моряки с трех сторон окружили Еманжелинскую.

Казаки взорвали водокачку, разобрали рельсы и отступили к станции Нижне–Увельской.

Восстановив путь, вечером 22 декабря летучий отряд двинулся в сторону Троицка.

У Нижне–Увельской попали под обстрел неприятеля. Павлов разделил отряд на три группы. Одна наступала вдоль полотна железной дороги, две обходили Нижне–Увельскую. Взять в кольцо и уничтожить врага не удалось— резвые кони унесли казаков к Троицку. Балтийцы починили путь и двинулись дальше. В ночь на 25 декабря Северный летучий отряд ворвался в Троицк.

Блюхер радовался этой новой крупной победе на обширном белоказачьем фронте. Бойцы сводного Челябинского отряда отправили на запад эшелоны жизни: хлеб, который с таким нетерпением ждали Москва и Питер.

Теперь нужно было закрепить успех — освободить Оренбург, столицу мятежников. По предложению председателя Челябинского ревкома Блюхера все красногвардейские отряды были брошены на оренбургское направление. Для обеспечения безопасности Троицка был оставлен 17–й Сибирский полк.

7 января 1918 года красные бойцы начали наступление. Атакующих поддерживал метким огнем бронепоезд. В упорном трехдневном сражении под станциями Сырт и Каргала красноармейцы и матросы разгромили противника.

Весть о победе долетела до Смольного. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин в своем обращении к народу 23 января 1918 года сообщал: «…Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся. Все правительственные учреждения в Оренбурге заняты советскими войсками. Властью на месте объявлен Оренбургский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов»[9].

Банды Дутова были разбиты, но не уничтожены. Они откатились к Верхнеуральску.

Вскоре Блюхер узнал о их передвижении, получив из Троицка телеграмму. В ней говорилось, что отряды белоказаков окружают город. Полковник Половников предложил председателю Троицкого Совета во избежание кровопролития распустить 17–й Сибирский полк по домам. Ответ на ультиматум Половников ожидал к 20 часам 19 января 1918 года.

Блюхер взглянул на часы — без четверти шесть. Как долго шла телеграмма! Что же делать? Собрать совещание — потеряешь дорогое время. Надо действовать. Вызвал секретаря:

— Товарищ Гозиоский! Разыщите Байбурина и передайте приказ: сводному отряду немедленно выступить в Троицк на помощь гарнизону.

Затем Блюхер написал телеграмму в Троицкий Совдеп, в которой предлагал ультиматум Половникова отклонить, провести мобилизацию и любой ценой отстоять город. Сообщил, что из Челябинска вышел сводный отряд Байбурина. Будут высланы дружины из других городов и заводов.

Перечитал. Последнюю строчку вычеркнул. Еще не известно, готовы ли эти отряды. О новой авантюре дутовцев надо сообщить в революционные комитеты Самары, Уфы, Томска и в центр — в Комиссариат по военным и морским делам. И самому Ленину — сейчас в Петрограде проходит III съезд Советов. Нужно копию направить президиуму съезда. Торопливо составил текст: «В связи с занятием Оренбурга советскими войсками контрреволюционеры отступают к Троицку. Контрреволюционным казачеством организуется восстание под Троицком. Под Троицком сосредоточен многочисленный казачий отряд силою до 4000 при орудиях и пулеметах. Совдепу казаками предъявлен ультиматум о разоружении 17 Сибирского полка. Челябинским военно–революционным комитетом на помощь Троицкому Совдепу спешно посылается отряд… Через два часа истекает срок ответа на ультиматум. Спешим на помощь. Своих сил недостаточно ввиду отсылки отрядов в Оренбург. Необходимо спешно выслать поддержку»[10].

Подписал. Отнес телеграммы. Приказал:

— Передайте немедленно!

4

Троицк стойко держался. Троицк отражал атаки казачьих сотен. Троицк требовал — помогите!

По призыву Коммунистической партии на борьбу с Дутовым вышли рабочие дружины Южного Урала, возглавляемые профессиональным революционером, боевиком 1905 года Эразмом Самуиловичем Кадомцевым.

Белорецкий отряд большевика Александра Михайловича Чеверева 25 марта 1918 года внезапно и стремительно атаковал Верхнеуральск и вышвырнул дутовцев из города.

Эту добрую весть Василий Блюхер получил в пути.

Назначенный командующим Восточными отрядами, он вел боевые эшелоны на Троицк. Это была тяжелая, ожесточенная война на рельсах. Белоказаки взрывали мосты, разворачивали рельсы, валили телеграфные столбы. Расстреливали и вешали железнодорожников.

Командующий Восточными отрядами Блюхер вынужден был прибегнуть к суровым мерам воздействия. По казачьим станицам и заимкам был расклеен приказ № 14 от 30 марта 1918 года: «Объявляю Троицкую железную дорогу на осадном положении. За порчу железнодорожного пути и мостов, порчу телеграфного и телефонного сообщения возлагаю ответственность на близлежащие станицы, поселки и заимки…»[11]

На следующий день в штаб к Блюхеру пришли три казака. Сняли шапки. Опустились на колени. Седобородый казак в заплатанном полушубке робко попросил:

— Не вели казнить, вели миловать.

Блюхер поморщился:

— Вы что, подаяния пришли просить? Встаньте! Садитесь к столу и рассказывайте толком, зачем пришли?

Казаки переглянулись и не сдвинулись с места.

Блюхер прочел сводку, полученную от командира 1–го Пермского сводного полка Костарева, глянул на безмолвных ходоков и скомандовал:

— Встать!

Казаки вскочили. Прижимаясь друг к другу, шеренгой шагнули к столу. Седобородый сказал виновато:

— С Кичигинской мы. Послали станичники. Велели: просите у товарища генерала Блюхера пощады. Не мы столбы пилили. Видит бог, не мы. Не все с Дутовым…

Старик торопливо вытащил из кармана приказ и положил на стол.

Блюхер взял листок тетрадной бумаги, написал:

«Атаману и жителям Кичигинской станицы.

Немедленно!

Вместо подпиленных столбов поставить новые.

Выслать 50 человек для исправления пути». Подписал приказ, притиснул печатью, передал седобородому:

— Вручите атаману. Пусть зачитает на станичном круге. Срок для выполнения приказа… три часа.

— Слушаемся, господин генерал. Все будет сделано в лучшем виде.

— Какой я вам генерал! Поверили дутовпам, будто меня большевики в Германии купили. Русский я, поняли, русский. Из-под Рыбинска. Был рабочим, солдатом, а сейчас вот поставили

командующим Восточными отрядами.

— Все передадим. И мы видим… Совсем не генерал. Мигом, на рысях.

— Не разрушать, а охранять дорогу надо. Ваша. Народная.

Не прошло и минуты — копыта звонко ударили о мерзлую землю.

Блюхер прислушался. Торопятся. Старик, видать, неглупый, веско намекнул: «Не все с Дутовым». Об этом надо серьезно подумать. Посоветоваться с комиссарами групп и дружин. Обратиться к казакам Оренбургского войскового округа с призывом оказать помощь Советской власти в борьбе с Дутовым. Есть казаки бедные и богатые. Вон под Верхнеуральском действуют отряды братьев Кашириных — сплошь казачьи. Пусть будет больше таких отрядов.

И, не откладывая это важное дело, Блюхер решил поговорить о воззвании со своим другом комиссаром Соломоном Яковлевичем Елькиным. У него есть опыт. Старый партийный работник, боевик 191)5 года, по юности избежал виселицы и был осужден на двадцать лет каторги.

Елькин одобрил предложение Блюхера и посоветовал:

— Надо это дело поручить Николаю Гурьевичу Толмачеву. Умница, прекрасный журналист. Поднабросает текст, а потом мы коллективно обсудим, отшлифуем, размножим и пустим по станицам и заимкам.

Прошло несколько дней, и Обращение штаба войск, действующих против Дутова, пошло к оренбургскому казачеству. Это был документ большой агитационной силы, обращенный к казакам–фронтовикам и трудовой бедноте:

«…К вам, братья, наше слово…

Идите к нам с открытою душою и всегда найдете поддержку 160–миллионной остальной такой же бедноты, как и вы… Долой царских опричников и холопов! Долой иуд и каинов, продающих и убивающих за жалкие серебреники свободу трудового народа!

Казаки! Так протяните же руки, ваши братские руки, через головы этих подлецов. Окружим их тесным железным кольцом…

Ловите Дутова, ловите дутовцев, ловите всю эту бежавшую к нему сволочь и приводите их к нам для справедливого народного суда…»[12]

«Окружим их тесным железным кольцом» — эти слова принадлежали Блюхеру. Для достижения цели он не жалел сил.

Смелый удар по врагу нанесли екатеринбургские дружины у Черной речки (в 12 верстах юго–западнее Троицка). Рабочая пехота сражалась мужественно и разгромила хорошо обученные, отчаянно храбрые сотни Дутова.

И сразу же Блюхер двинул отряды на Троицк. Кольцо окружения города распалось. Станицы, прилегающие к полотну дороги, сдали оружие. Красногвардейские части вступили в Троицк.

Допросив пленных и ознакомившись с захваченными документами, Блюхер пришел к выводу, что надо иметь сильную конницу, способную окружить и уничтожить умело маневрирующих, неуловимых дутовцев. Следует увеличить и использовать для этой цели казачий отряд бывшего есаула Николая Дмитриевича Каширина.

Штаб Блюхера разработал операцию по ликвидации противника. Восточные отряды должны были одновременно наступать на Дутова в северном, восточном и южном направлениях. Западную линию фронта прикрывали красногвардейские отряды Э. С. Кадомцева и М. В. Калмыкова.

11 апреля боевые группы перешли в наступление. Через неделю Блюхер замкнул кольцо окружения. Теперь он не сомневался в успехе. Командиры групп ежедневно сообщают о занятых станицах, о трофеях и пленных. Победа близка. И вдруг неожиданная, обрывающая радость сводка — в ночь на 19 апреля Дутов со своей отборной сотней прорвался у станицы Наваринской и помчался в сторону Орска.

Блюхер приказал — догнать и добить.

И по бездорожью, через разлившиеся ручьи и речки Екатеринбургский отряд Бобылева помчался за Дутовым. Вскоре Блюхер получил оперативную сводку за 23 апреля. В ней сообщалось, что отряд настиг Дутова в поселке Бриенском. Сбили засаду, вступили в бой. Стрех сторон окружили поселок, но взять в «мешок» не удалось. Резвые кони вынесли Дутова и его офицеров в просторные Тургайские степи.

«Надо продолжать преследование», — решает Блюхер и выезжает в Бриенский. Оттуда мчится в Ново–Уман–ский. И там узнает горькую правду: не догнали Дутова, следы потеряны в степи.

В конце апреля Блюхер выехал в Троицк. Болела голова, слипались покрасневшие веки, ныли старые раны. Надо выспаться, отдохнуть хотя бы два–три дня.

Не пришлось. Только вернулся в Троицк, вручили телеграмму — немедленно прибыть в Екатеринбург для доклада о ликвидации дутовщины.

Дорога до Екатеринбурга длинная, мучительная. Приехал. Доложил уральским областным организациям о боевых операциях против белоказаков. Одобрили. Похвалили. Заседание кончилось поздно вечером.

Спускаясь с лестницы, Блюхер почувствовал нарастающую боль в бедре. По ноге поползло что-то густое, липкое. С трудом доковылял до извозчика. Тот посмотрел на бледное, мокрое от пота лицо, посочувствовал:

— Ой, худо выглядываешь, гражданин хороший. Куда везти-то?

Морщась от боли, Блюхер вполз в бричку, попросил:

— В главную больницу. И если можешь, папаша, кати полегче. Не тряси, пожалуйста…

5

Прошло три дня; в палату к Василию Блюхеру явился областной военный комиссар Филипп Иванович Голощекин. Присел к койке, тихо спросил:

— Ну как, Василий Константинович, пришел в себя?

— Спасибо врачам, заштопали мои старые болячки. И отоспался, считай, за два месяца.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Голощекин. Достал из кармана какую-то бумагу, прочел, осведомился: — А тебя здесь не обижают?..

— Почти здоров. Вы что-то не договариваете. Давайте начистоту…

— К сожалению, хорошей новостью не могу порадовать. Тяжелое положение под Оренбургом. Просят прислать подкрепление. Денек еще полежи, а десятого зайди ко мне. Поправляйся, поправляйся…

Для Блюхера эти слова прозвучали иначе: «Вставай, вставай». Если бы не война, можно лежать месяца два–три. Пока не зарубцуются окаянные раны. Ничего не поделаешь. Надо.

Блюхер поднялся. Опираясь на койку, сделал два шага. Пошатнулся. Ноги какие-то немощные, словно их подменили.

— Больной! Кто разрешил? Ложитесь в постель.

Блюхер присел.

— Виноват, сестрица. Решил подразмяться немножко. Послезавтра на фронт. Принесите-ка костыли.

— На костылях… в атаку. Хорош вояка!

Утром Блюхер сказал лечащему врачу, что завтра должен быть в областном комиссариате.

— Мне уже докладывали о ваших упражнениях с костылями. Не собираюсь уговаривать. Вы сами себе укорачиваете жизнь. Свалитесь на фронте. Не выполните задания.

Блюхер помолчал. Врач по–своему прав. Эти окаянные

болячки могут подкосить в самую трудную минуту. Но надо ехать…

10 мая, опираясь на костыль, Блюхер пришел к военкому. Голощекин обрадовался:

— Воспрянул духом! Спасибо. Мандат ждет. Бери и действуй.

Блюхер прочитал: «Предъявитель сего товарищ Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначается главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом.

Всем начальникам отрядов на означенном фронте предписывается точное и беспрекословное подчинение всем распоряжениям товарища Блюхера»[13].

Свернул удостоверение, положил в карман. Выразительно произнес:

— Главнокомандующий без войска!

Голощекин нахмурился:

— Отсюда возьмете Первый Уральский полк Красной Армии. Только что сформировали по новому декрету Совнаркома. Рабочие. Добровольцы.

— А командный состав?

— Кадровые офицеры. Мы с ними заключили договора на шесть месяцев. Кроме Первого Уральского примите здесь екатеринбургский эскадрон, а в Челябинске—рабочий отряд Елькина и батарею. Заверните в Самару. Может быть, еще у Куйбышева возьмете отряд или батарею. Присылайте чаще донесения.

И на следующий день эшелоны двинулись в путь.

В Самаре Блюхер встретился с Куйбышевым. Рассказал о своих былых фронтовых делах, о назначении главнокомандующим, о трудной дороге. Попросил подкрепления. Куйбышев выслушал внимательно, что-то записал в тетрадке, сказал улыбаясь:

— Главком! Скажи, пожалуйста, главком! Вот тебе и писарь сто второго запасного! А помнишь разговор вот у этого стола в ноябре прошлого года? Как ты тогда оробел!

— Я и сейчас немножко робею, товарищ Валериан. Вам могу сказать все, что думаю. Вы для меня ближе отна родного. Кое–чему я за это время научился. И почитал, и посмотрел, и повоевал. И все-таки это громкое звание, «главком», меня как-то давит. Ведь у меня за спиной всего–навсего двухклассная сельско–приходская школа. Все самоучкой беру. А здесь еще раны раскрылись. Гак некстати… И знаете, что меня всегда выручает, как бы приподнимает, это наше партийное надо. Сам Ленин говорит нам — надо! Отступать некуда. Или мы их разобьем, или

они нас скрутят. Извините, если что не к месту сказал или лишнее…

— Все вроде к месту. Главная мысль выражена с большой ясностью: надо. Это у всех у нас в крови. И мне бывает трудно, кажется, силы на пределе, и вот тут появляется надо. Словно второе дыхание. И помогает преодолеть слабости, свойственные каждому человеку. Ведь мы не железные. Мы самые обыкновенные люди… А теперь от общего разговора перейдем к конкретным делам. У нас нет отряда, но мы его организуем и пошлем вслед за вами. В предельно короткий срок.

— Спасибо, Валериан Владимирович!

— Это тебе спасибо. И за то, что зашел, и за то, что до всего доходишь самоучкой. Пиши, как и прежде. Обо всем пиши. Как говорил — начистоту.

Куйбышев проводил Блюхера до двери, сильно пожал руку:

— Счастливого пути, Василий Константинович!

И снова стучат колеса, мелькают деревни и города. И снова неприятные разговоры с железнодорожным начальством о первой очереди, о срочной отправке. И когда не помогает мандат главкома, выручает маузер. Стоит только намекнуть. Эшелоны торопятся, эшелоны идут полным ходом до Борской. А здесь хмурый, неразговорчивый начальник станции предупреждает:

— Обложили казачишки линию. Не знаю, проскочите или под откос пустят. Глядите сами. Не мне вас учить, товарищ главнокомандующий.

— Да я не гордый. Поучи, пожалуйста.

— Не моего ума дело.

Блюхер не спеша вернулся в штабной вагон. Развернул карту.

До Оренбурга еще далеко. Фронт, оказывается, ближе, чем думали. Нужно собрать командиров, комиссаров, посоветоваться.

Совещание было коротким. Блюхер рассказал о сигнале начальника станции, изложил свое мнение — надо прорываться к Оренбургу. Попросил высказаться.

Присутствующие молча переглянулись. Прошло несколько тягостных минут.

Молчание злило Блюхера. В чем дело? Ошеломлены новостью или не согласны с выводом?

Встал заместитель командира 1–го Уральского стрелкового полка Павлищев:

— Гражданин главнокомандующий, по–видимому, удручен пассивностью собравшихся. Все объясняется просто. Обсуждать-то, в сущности, и нечего. Нужен боевой приказ, в котором будут определены исполнители и сроки.

— Иван Степанович прав, — сказал начальник штаба

Бартовский. — В боевой обстановке дебаты излишни. К тому же мы не располагаем разведывательными данными, на основе которых можно строить оперативные выводы.

— Вывод один — надо пробиваться к Оренбургу, — подытожил неприятный разговор Блюхер. — Через час выступаем на Бузулук.

Все ушли. Блюхер свернул карту. Упрекнул самого себя: «Надо было собрать одних коммунистов. С этими наемными военспецами пока нет общего языка. И будет ли — покажет время. По–своему они правы. Сейчас, наверное, злословят по адресу главнокомандующего, который не командует, а митингует. Ладно, учтем и этот урок».

Через час эшелоны двинулись на Бузулук. На станции Котлубанской по теплушкам ударили из пулеметов. Блюхер выскочил из вагона. Осмотрелся. Откуда и кто стреляет — не видно. А очереди поливают платформу, бойцы мечутся, сбивают друг друга, падают. Начинается паника.

Справа повелительно и громко прозвучала команда:

— Батальон, становись! Смирно!

И все устремились на этот голос.

Блюхер увидел Павлищева. Высокий, стоит не сгибаясь, лицо спокойное, мужественное, и в голосе сила и власть:

— Винтовки на руку! Вперед, за мной!

И, не оглядываясь, побежал к большому кирпичному зданию, в котором засели белогвардейцы. И все устремились за ним. По станции покатилось яростное, затяжное, уверенное «ура».

Блюхер вернулся в вагон. Он еще слышал голос Павлищева. Как это все просто и уверенно сделано. Одной уставной командой напуганная толпа превращена в боеспособную войсковую часть. Бывший подполковник знает свое дело. Для него война — ремесло.

В дверь постучали.

— Войдите, — насторожился Блюхер.

Павлищев подошел, доложил:

— Засада противника уничтожена. Захвачен пулемет и двенадцать винтовок. Путь свободен.

— Спасибо, Иван Степанович!

— В таких случаях говорят: благодарю от лица службы, — улыбнулся Павлищев. — Я выполнил свою элементарную обязанность. Если нет замечаний…

— Только одно — ваш полк пойдет головным.

— Слушаюсь!

Сбивая засады и разъезды, эшелоны пришли в Бузулук. Здесь получили подкрепление — влился красногвардейский отряд

офицера большевика Георгия Васильевича Зиновьева.

18 мая Сводный отряд миновал станцию Новосергиевскую и остановился. Белоказаки разрушили железнодорожное полотно, сожгли станционные постройки, подпилили телеграфные столбы.

Восстанавливая путь, вели бой. Несколько часов отбивали атаки у станции Татищевской. Вышли из эшелонов, опрокинули наступающих и отогнали на семь верст. И только вернулись к полотну железной дороги и залезли в вагоны, как снова подняла тревога:

— Казаки у насыпи! В ружье!

Пустили в ход пулеметы и орудия. Всадники ускакали.

Поднимаясь в штабной вагон, Георгий Зиновьев сердито сказал Блюхеру:

— Это не война, а сплошная трепка нервов. Надо вылезать из вагонов, маневрировать, в поле бить противника.

— Я сам об этом давно думаю. Вот прорвемся к Оренбургу и сдадим эшелоны железнодорожникам. Все сядем на коней.

23 мая заняли станцию Сырт и соединились с оренбургскими красными отрядами. И тут выяснилось, что распрощаться с эшелонами очень трудно: нет повозок и полевых кухонь. Блюхер пожалел, что второпях не взял обозное имущество в Екатеринбурге. Да и в Челябинске все это добро лежит на складах. Послал телеграмму Голощекину с просьбой срочно выслать повозки, походные кухни, котлы. Ответили довольно быстро: «Вы находитесь на войне и просите кухню, повозки, котлы и ложки. Вы забываете, что на войне — по–военному».

Блюхер показал телеграмму Зиновьеву, сказал, не скрывая обиды:

— Что значит, «на войне — по–военному»? Брать у населения в долг без отдачи? Озлоблять людей? Я на это не пойду.

— Да ты не горюй. В Оренбурге разживемся обозным имуществом. Давай-ка подумаем, как быстрее ликвидировать вновь воскресшее войско Дутова.

IV. НА ЛИНИИ ОГНЯ

1

К концу мая обстановка резко изменилась. Восстал чехословацкий корпус, следовавший по Сибирской магистрали во Владивосток для отправки на родину. 27 мая белочехи захватили Челябинск и начали наступление на Троицк. 8 июня пала Самара.

Назначенный командующим Оренбургским фронтом Г. В. Зиновьев направил сводный отряд Блюхера навстречу белочехам под Бузулук. До Бузулука дойти не удалось. На полпути Блюхер встретил отступающих защитников города. Шли и ехали. Цеплялись за крыши вагонов и висели на буферах и подножках. Раненые вместе со здоровыми. И у всех грязные, обросшие волосами суровые лица.

Бойцы Челябинского отряда рассказали Блюхеру о гибели своего командира Соломона Елькина. Он отходил последним, прикрывал отступающих. Погиб пулеметчик. Елькин отодвинул убитого и повел огонь — скупо и точно. Цепь атакующих залегла, но вскоре нахлынула вторая. Елькина обошли со всех сторон. Он стрелял расчетливо и экономно, а когда кончились патроны в пулеметных лентах, выхватил револьвер. Пять пуль — в набегающих. Шестую — в висок.

В памяти Блюхера всплыли дни совместной работы в Челябинском ревкоме и в Совдепе, создание первых отрядов. Вспомнил яркие, беспощадно разящие меньшевиков и эсеров выступления Елькина на митингах и собраниях. Его ненавидели враги. Его любили товарищи. Только так и мог умереть боевик, двенадцать лет носивший на каторге кандалы, Соломон Яковлевич Елькин.

Вместе с отступающими из-под Бузулука Блюхер прибыл днем 28 июня в Оренбург. А вечером его вызвали в штаб комфронта на совещание командиров отрядов и городского партийного актива. Решалась судьба города и его защитников.

Командующий фронтом Георгий Зиновьев, обстоятельно изложив обстановку, пришел к выводу:

— Воинские части следует эвакуировать в Ташкент. Это самый безопасный и целесообразный путь.

Его мнение поддержали большинство присутствующих.

Блюхер сердито щипал карандаш и думал о том, что надо идти на север, поднять рабочих и вместе с ними пробиваться к Красной Армии. Об этом нужно сказать, хотя, пожалуй, никто и

не поддержит.

Блюхер встал, заговорил медленно, с трудом подбирая нужные слова:

— Да надо сказать, что товарищ Зиновьев выступал довольно убедительно и вроде правильно. А я не могу с ним согласиться. Почему? Видите ли, не всегда безопасный путь является целесообразным. Нужно все прикидывать с точки зрения пользы для общего дела. Считаю более полезным маршрут на север. На Челябу и Екатеринбург. Мы пойдем по тылам белых, отвлечем на себя какие-то части противника и тем самым поможем в эти трудные дни Красной Армии. Мы постепенно объединим отрезанные рабочие отряды и пробьемся к своим. Это не легкий путь. Пойдем по линии огня, а не по линии наименьшего сопротивления.

Зиновьев хотел что-то сказать, но неожиданно попросил слово командир Южного отряда Николай Дмитриевич Каширин. Молодцеватый, в офицерском, еще свежем мундире, стремительно прошел к карте.

«Сейчас расчехвостит меня по всем правилам военного искусства», — насторожился Блюхер.

Каширин окинул взглядом сидящих, предупредил:

— Все сильно устали, я буду предельно краток. Присоединяюсь к мнению командира Уральского отряда Блюхера, хотя оно и было беспомощным с точки зрения стратегических выкладок. Конечно, мы можем воспользоваться самым легким путем — откатиться на Ташкент, не потеряв ни одного человека. Но потеряем самое существенное— воинскую честь. Смотрите.,.

Каширин выхватил клинок и острым концом его коснулся Троицка:

— Вот здесь остался отряд Николая Томина — семьсот штыков и сабель. В Верхнеуральске стоят части Ивана Каширина — без малого две тысячи человек. Далее, Белорецкий отряд имеет примерно семьсот красногвардейцев, а Баймакский — полтысячи. Предполагаю, что в этом густо населенном районе есть и другие боевые дружины, о существовании которых мы еще не получили сведений. Мы не имеем морального права оставлять боевых друзей в беде, обрекать на гибель. У меня, к сожалению, отрядик небольшой, но я поведу его на север. Пойду вместе с Блюхером.

— А что скажет товарищ Калмыков? — поинтересовался Зиновьев.

Командир Богоявленского отряда, стеклодув, бывший унтер–офицер Михаил Васильевич Калмыков порывисто встал, сказал угрюмо:

— Не время разговорами заниматься. Воевать надо. Я пришел

с Урала и пойду к своим.

— Ну что ж, каждый выполняет свой долг так, как подсказывает разум и совесть, — подытожил совещание Зиновьев. — Возможно, и Ташкент будет фронтом. Значит, и там будем полезны. Верховное командование решит, как целесообразнее использовать наши части…

Из штаба Блюхер направился в отряд. Собрал бойцов. Доложил свой план похода на север, предупредил о неизбежных трудностях и предложил:

— Кто чувствует себя слабым и желает податься на Ташкент, может выйти из строя. Задерживать не буду.

Шеренги не шелохнулись.

Блюхер не спеша прошел с правого на левый фланг, потом выдвинулся на середину и, окинув потеплевшим взглядом бойцов, произнес:

— Благодарю от имени Революции за мужество и пролетарскую сознательность. И еще — за доверие, которое вы все оказали мне. Сегодня спать десять часов. Завтра умыться, привести в порядок обмундирование, обувь и оружие, приготовиться к длительному походу.

…Отряды Василия Блюхера и Николая Каширина двигались в направлении Ак–Мечеть — Магнитная — Верхнеуральск. В пути узнали, что Верхнеуральск оставлен красными. Каширин помрачнел;

— Как-то там мои родные… Выбрались или погибли…

И рассказал об отце Дмитрии Ивановиче, который 25 лет был бессменным выборным верхнеуральским атаманом, не признал диктатуры Дутова и вместе с сыновьями перешел на службу Советской власти. Рассказал о братьях Иване, Петре и Алексее и о сестрах Марии и Евдокии. Говорил с любовью и грустью.

Блюхер попытался успокоить товарища:

— Наверное, все ушли в Белорецк. Иван Дмитриевич имеет сильный отряд. В обиду своих не даст…

Каширин несколько минут ехал молча. Желая отвлечься от тяжелых дум, сказал:

— Обидно, что Калмыков ушел на Богоявленский завод. Я знаю его. Удивительной храбрости человек. За боевые заслуги на германском фронте был пять раз награжден.

— Видно, не мог уговорить своих ребят. Пошли защищать жен и детей. Местнические настроения будут мешать объединению отрядов.

— Очень трудно уходить и бросать все, что дорого с колыбели…

— Трудно, но надо. Война!

— Вам-то что… Вы пришлый человек… Терять нечего.

«По–своему прав, — подумал Блюхер. — Все командиры местные, уральские. Один я ярославец. На месте видно будет, как действовать».

16 июля 1918 года Блюхер и Каширин прибыли в Белорецк, где сосредоточились отошедшие из Троицка и Верхнеуральска боевики.

Горели костры. Бойцы варили кашу, стирали белье, чинили разбитые в походе сапоги. Город был сизым от дыма.

Вечером в доме управляющего Белорецким заводом собрались командиры отрядов. У дверей поставили часовых, чтобы не пускали посторонних, берегли тайну.

Первым о боевых операциях Верхнеуральского отряда рассказал Иван Каширин. Высокий, широкоплечий, красивый, он говорил очень красочно и взволнованно. Завершил речь выводом:

— Настроение моего сводного отряда — наступать на Верхнеуральск и далее на Екатеринбург.

— Правильно! Это единственный путь, — поддержал своего командира начальник штаба Енборисов.

«Далеко не единственный, — чуть было не воскликнул Блюхер, но сдержался. — Идти через казачьи станицы — это растерять свои силы. Одни погибнут в боях, другие завернут домой и останутся с родней. Надо двигаться по рабочим районам Урала. Там можно рассчитывать на пополнение и поддержку».

И когда дошла очередь, Блюхер напомнил о боях под Оренбургом и выдвинул предложение о походе через уральские заводы в направлении Красноуфимска, где и соединиться с Красной Армией.

Своим выступлением Блюхер остался недоволен — говорил сбивчиво, тихо. Видимо, помешала усталость и трудно преодолимое раздражение. А может, кто и поддержит?

Поддержал Николай Дмитриевич Томин, командир Троицкого отряда. Говорил он отрывисто, нервозно, постукивая черенком плетки по голенищу сапога. Сообщил о том, что послал для связи с центральной Россией двух человек, но сведений от них еще не получил. Что касается плана действий, то поход на Верхнеуральск — Троицк нельзя одобрить — людей потеряем., а ничего не добьемся. Нужно стремиться к центру…

Слово взял Николай Каширин:

— Мой отряд желает похода на Верхнеуральск и Троицк. Подавляя контрреволюционные силы здесь, мы тем самым приносим пользу общему делу. Удел храбрых — сражаться на более опасном участке. Удел храбрых как можно больнее поразить врага. Нельзя не учитывать и настроения бойцов,

желающих освободить родные места.

Блюхер выступил снова. Вглядываясь в усталые лица командиров, заметил, что его слушают невнимательно и, может быть, даже не одобряют. В таких случаях надо подчиняться большинству, иначе неизбежен разлад и раскол. Этого только и ждут враги. И, придя к такому выводу, Блюхер призвал товарищей:

— Главная задача — сохранить силы. Нужно укрупнить отряды. Создать единое командование и действовать, сообразуясь с обстановкой.

Совет командиров решил: объединить все силы в сводный Уральский отряд. Армию партизан разбить на три отряда: Троицкий, Верхнеуральский и Уральский.

Тайным голосованием совет командиров выбрал главнокомандующим Николая Каширина, а его заместителями — Василия Блюхера И Ивана Каширина.

На следующий день Блюхер получил приказ войскам сводного Уральского отряда о переходе в наступление на Верхнеуральск. Внимательно прочитал дважды. Красным карандашом подчеркнул все, что касалось его отряда.

Блюхер вышел на улицу. К крыльцу подскакал старик с длинной, по пояс, бородой. Спросил:

— Слушай, парень, а где штаб командующего отрядом?

Блюхер посмотрел на него — на казака не похож, а в седле сидит как впаянный. И вроде не связной.

— А зачем тебе штаб, дедушка?

Старик вспылил:

— Молокосос! Ты что, мне допрос чинишь? Я командующего спрашиваю. Значит, по делу.

Блюхер улыбнулся:

— Я командующий отрядом. Блюхер.

Старик окинул взглядом выгоревшую на солнце гимнастерку, побуревшие сапоги стоявшего перед ним солдата, сказал сконфуженно:

— С виду-то не похож. Не солиден внешним-то обликом. Однако не серчай. Хочу вот поступить добровольцем. Я с Тирлянского завода приехал.

Блюхер вызвал связного:

— Отведи к командиру челябинской батареи. Пусть зачислит.

Старик, ничего не сказав, тихо поехал за связным.

«С характером дед, — проводил добровольца благодарным взглядом Блюхер. — Лет за шестьдесят, а не усидел. В батарее полегче будет, поспокойнее».

20 июля части сводного Уральского перешли в наступление.

На девятый день, опрокидывая заслоны противника, пробились к главным позициям белых — к горе Извоз, прикрывающей Верхнеуральск.

Уральский отряд Блюхера вышел к горе Извоз по Верхнеуральскому тракту. Залегли. Тишина. Томительная, затяжная тишина. Блюхер в бинокль осмотрел равнину, прилегающую к высоте, долго вглядывался в лысоватую, темно–коричневую, опаленную солнцем вершину. Выгоднейшие позиции. По–видимому, ждут, когда мы двинемся, и срубят залповым и пулеметным огнем. Надо выслать разведку, но кто решится пойти по открытой, насквозь простреливаемой поляне?

Блюхер встал, подошел к цепи 1–го Уральского полка, сказал:

— Товарищи, надо узнать, есть ли на горе белые. Кто пойдет добровольно?

Никто не отозвался.

Блюхер подождал, спросил:

— Так что же, добровольцев-то нет?

— Есть!

Отталкиваясь от теплой земли сильной ладонью, поднялся широкогрудый дружинник с длинной, по пояс, бородой. Глянул смелыми черными глазами:

— Только разрешите на коне. Скорей доскачу.

— Цель крупнее. Опаснее.

— Кому-то надо идти! Здесь все молодые, а я уже поработал, пожил…

Боец спустился с тракта в кустарник. Прошла минута, и вот он вылетел в лощину, нещадно нахлестывая молодую, резвую лошадь. Копыта рвали сухую землю. Облачко пыли докатилось до высоты и стремительно поползло вверх. И тогда Извоз–гора ожила. В упор по всаднику хлестнули пулеметы. Лошадь взметнулась на дыбы и рухнула на камни.

«Потрясающей смелости человек, — изумился Блюхер, высматривая в бинокль пулеметные позиции белых. — А лицо знакомое. Борода по пояс. Да ведь это тот, с Тирлянского завода…»

Неслышно подошел Павлищев, сказал восхищенно:

— Изумительная храбрость.

— Нашей породы — рабочий. Позиция прояснилась. Труднейший случай.

— Нужна огневая поддержка. Хотя бы пятиминутная артиллерийская обработка позиций противника, главным образом его проволочных заграждений.

Блюхер сдвинул густые брови, на лоб набежали морщинки:

— Не можем. Боеприпасов в обрез. Предупредите — вести

только прицельный огонь.

— Может, прибегнем к глубокому обходному маневру?

— На флангах действуют отряды Ивана Каширина и Николая Томина. По замыслу главкома они наносят вспомогательные удары.

Блюхер взглянул на часы:

— Пора. Чей батальон пойдет головным?

— Первый. Бусяцкого.

Павлищев, подтянутый, свежевыбритый, написал приказание, подозвал связного:

— Передайте командиру первого батальона Бусяцкому. Об исполнении доложите мне.

Блюхер еще раз осмотрел огромную каменистую гряду, прикрывающую Верхнеуральск, подумал с болью и горечью: «Трудно атаковать в лоб пулеметы. Многие лягут на этой окаянной горе. И даже если возьмем ее, врага не победим. Местные казаки говорят, что за Верхнеуральском генерал Ханжин собрал восемь кавалерийских и два пехотных полка».

Подбежал связной, доложил:

— Приказание передал. Комбат Бусяцкий вызывает ротных. Просит поддержать огнем артиллерии.

— У нас мало снарядов, — хмурясь, сказал Блюхер. — И путь еще очень далек. Одна надежда на штыки и «ура».

Павлищев нашел нужным заметить:

— Артиллерийский пот спасает пехотную кровь. Никакое «ура» не заглушит пулеметы.

Блюхер промолчал — командир полка Павлищев прав.

Развернутый в цепь первый батальон быстро поднялся и двинулся к темно–коричневой горе. Бежали, подбадривая себя испытанным русским «ура». У каменистого, жесткого подножия Извоза атакующих встретили прицельным пулеметным и ружейным огнем. В частой, свирепой пальбе заглохло «ура».

Без команды, разрозненными группками первый батальон отошел на исходные позиции.

Павлищев вытер мокрое лицо:

— Я сам поведу второй батальон.

Он легко, уверенно поднял батальон в атаку, бывший подполковник Иван Павлищев. Он что-то кричал, но голоса не было слышно: оглушительно били винтовки, торопливо глотали ленты пулеметы. Извоз–гора стала сизой от порохового дыма.

Бойцы 1–го Уральского двигались широкой цепью, пригнувшись к знойной земле и вскинув винтовки. И только на флангах пулеметчики вели огонь по вражеским позициям.

Блюхер видел, как, выбросив вперед руки, падали лицом на

жесткую землю бойцы, но цепь не замечала потерь, катилась неудержимо вперед. И вот она достигла подножия горы и медленно, упорно поползла вверх.

«Хорошо идут, очень хорошо, — радовался Блюхер. — Только бы зацепиться за высоту, а там можно подбросить подкрепление». Извоз–гора зашевелилась. Затихли пулеметы и винтовки. Казачья лавина ринулась в контратаку. Их было в четыре раза больше. Сама гора помогала им. Они обрушились на поредевший батальон уральцев и сбросили в лощину.

К Блюхеру торопливо подошел Павлищев. Его лицо было темным от пота и пыли. Тяжело дыша, сказал:

— Нужно вводить весь полк. Пробиваться на узком участке. Атака должна быть непрерывной.

— Согласен. Пусть бойцы отдохнут. Сейчас выяснится обстановка у Каширина и Томина.

Связной главкома привез приказание — фланговые отряды ведут ожесточенный бой, необходимо продолжать атаки всеми силами и взять гору Извоз.

Блюхер передал Павлищеву, жадно пившему воду:

— Сейчас прикажу челябинской батарее выпустить шесть снарядов по пулеметным позициям противника. Это подбодрит боевиков. Как только ударят орудия, поднимайте весь полк в атаку.

И вот снаряды взметнули комья земли и осколки гранита на гребне горы. Еще не осело облако пыли и дыма, а цепи уральцев уже пересекли поляну и ринулись на высоту.

Враги опрокинули первую цепь. Накатилась вторая, за ней третья, и в смертном рукопашном бою уральцы захватили гору Извоз. Первым вышел к Верхнеуральску батальон Д. Д. Бусяцкого.

Успехом увенчалось наступление Троицкого отряда Николая Томина. Троичане вышли на Миасский тракт. И на правом фланге верхнеуральцы прорвали позиции противника и отбросили его на высоты за городом.

Победа не радовала Блюхера. Много убитых и раненых. Самого главнокомандующего Николая Дмитриевича Каширина увезли в Белорецк на повозке — пуля пробила ногу.

В штабе, допросив пленных, Блюхер выяснил, что противник сосредоточил за Верхнеуральском восемь кавалерийских и два пехотных полка[14]. Их готовит к наступлению командир Уральского корпуса опытный и смелый генерал Ханжин, специально приехавший для ликвидации «каширинского войска».

И еще пленные показали, что 25 июля красные оставили Екатеринбург. Эту тяжелую весть подтверждали также захваченные документы и газеты.

Вечером заместитель главкома Иван Каширин собрал командиров на совещание. Выступления были краткими. С горечью говорили о понесенных потерях и о том, что бойцам розданы все патроны. Осталось их полсотни на винтовку и штук триста на пулемет. Упрекали друг друга, почему не выяснили обстановку, пошли на город, в который входить нельзя — попадешь в капкан. И только бывший хорунжий Енборисов и его друг Каюков не унывали, перебивали ехидными репликами, шутили, смеялись.

Совет командиров решил: в Верхнеуральск не входить, оставить занятые позиции, отойти в Белорецк и там выработать новый план боевых действий.

Командир Верхнеуральского пехотного полка Каюков подошел к Ивану Каширину, сказал озабоченно:

— Время темное, я проскачу, проверю службу на позициях. Все ли в порядке.

— Если что заметишь, сразу доложи. Соблазн большой, как бы к женам да детишкам не укатили казаки.

— Да что вы, Иван Дмитриевич. Если замечу — собственной рукой распылю.

Вместе с Каюковым вышел Енборисов. Взяв две сотни казаков, они поскакали к переднему краю. У проселочной дороги, ведущей к белоказакам, Енборисов и Каюков вырвались вперед. Кавалеристы придержали коней. Каюков обернулся, махнул рукой, крикнул:

— А ну, станичники, кто к женам и матерям — за мной! — И зло огрел коня плетью.

Дрогнули казачьи сердца. Пятьдесят всадников пришпорили коней и понеслись вслед за Каюковым и Енборисовым. А остальные постояли у дороги и повернули назад к штабу.

Узнав об измене, Иван Каширин решил ускорить отход на Белорецк и разослал связных по отрядам. Своему адъютанту Михаилу Дмитриевичу Голубых приказал:

— Сворачивай канцелярию и вези в Белорецк. Увидишь Блюхера и Томина, передай — отход будет прикрывать Верхнеуральский стрелковый. Я буду с ними…

Вскочил на коня. Ускакал…

В арьергард Каширин поставил 6–ю роту. Ротному Иванчикову сказал:

— Примешь атакующих на себя. Бейся до последнего. Лучше потерять полсотни, чем пять тысяч. Понял?

— Понятнее и не скажешь, — кивнул головой Иванчиков.

— Держи всех в полной боевой. Этот гад Каюков все выболтает. В любую минуту могут сунуться.

— Привычные. Не проспим…

Белоказаки навалились на рассвете.

Иванчиков развернул роту в цепь, приказал:

— Бачурин! На середину тракта. Без команды не стрелять.

Евлампий Бачурин легко снял пулемет с телеги, попросил номерного расчета:

— Неси весь запасец… А подводчику накажи — пусть удирает от греха подальше…

Привычно и ловко вставил ленту, лег на живот, раскинув ноги, и плотно поставил локти. Прищурив глаза, осмотрел лощину. Пожалел, что белые идут редкой цепью и часто припадают к земле. Много патронов сожжешь впустую. А ротный не спешит, ждет, когда подойдут ближе. Вот уже слышно, как ругаются, грозят беляки. Пора, пожалуй, пора.

Залп гулко прокатился по лесу. Тревожно заржали кони. Бачурин наметанным глазом определил: не тот прицел взяли стрелки, недолет. Не нажимая на рукоятки, повел тело пулемета слева направо, приговаривая:

— Приколачивай гадов, приколачивай…

Три с половиной года провел Евлампий Бачурин на германском фронте. Четырежды был ранен. Пулеметное дело освоил прочно. И сейчас вел огонь не спеша, прореживая цепь атакующих, привычно кричал товарищам:

— Приколачивай вражье племя, приколачивай!..

И стрелки–верхнеуральцы хладнокровно и сноровисто брали атакующих на мушку, зря патронов не жгли — в обозе не возьмешь, ушли подводы на Белорецк.

Казаки не выдержали, залегли, поползли к лесу.

Бачурин плюнул на кожух. Слюна зашипела. Хотелось пить. Пулеметчик поднес фляжку к губам, но раздумал и напоил пулемет. Услышал тревожный голос:

— Смотри, Евлаха, снова вылезли.

— Снаряжай ленты, приколачивай, приколачивай…

Номерной заглянул в шапку, предупредил:

— На ленту, от силы на полторы осталось. Ты поскромнее, Евлаша, это самое… приколачивай… занять-то негде.

И снова Бачурин повел огонь. Очереди были короткими: три–четыре патрона. Радовался, когда замечал — падают и не встают.

Стрелки скупо поддерживали пулеметчика — кончались патроны.

Отбили атаку. Белоказаки отошли в лес. Командир атакующих понял: лобовой атакой пулемет не возьмешь— и послал полсотни казаков в обход позиции.

Всего лишь до взвода шло на Бачурина. Это были опытные

вояки, меткие стрелки. Пули звонили о щит «максима», пули хлестали по тракту, высвистывали: «Пригнись!»

Бачурин расстрелял ленту, поторопил товарища:

— А ну давай живей… Ползут, гадюки, конца края нет.

Номерной не отозвался.

Пулеметчик оглянулся, увидел: на лбу и на спине друга багровые пятна… Взял ленту. Встретил бегущих длинной очередью. Передние упали. Задние скатились с дороги. Швырнули несколько гранат. Они не долетели — взорвались на тракте.

Бачурин услышал:

— Сдавайся — не тронем.

— Попробуй возьми! — И пулеметчик не спеша повел тело пулемета слева направо. Лента кончилась. Бачурин торопливо разобрал замок и разбросал его части. Вытащил гранату.

— Ну что, взяли, гады! — И лег на горячий пулемет. И когда белоказаки подбежали вплотную, вырвал чеку гранаты. Взрыв прогремел суровым салютом.

Так вошел в бессмертие бывший сапожник, солдат большевик Евлампий Бачурин.

2

2 августа 1918 года в особняке управляющего Белорецким заводом собрались командиры полков. Спорили долго, жарко. Наметили новый план прорыва к Красной Армии. Вместо раненого Николая Каширина главнокомандующим выбрали Василия Блюхера.

Прежде чем закрыть совещание, Блюхер предупредил командиров:

— Надо все деньги, мануфактуру, продовольствие собрать в армейский фонд. Об этом напишем приказ. Готовьте отряды, запасайтесь всем необходимым в дальнюю дорогу. Завтра выступаем.

Адъютант главкома Михаил Дмитриевич Голубых распахнул окно:

— Накурили, дышать нечем.

Выждал, когда все командиры ушли, сказал улыбаясь:

— А я, знаете ли, интересную байку в белогвардейской газетке вычитал. Сообщают, что из Москвы приехал в Белорецк нанятый за огромные деньги бывший немецкий генерал фон Блюхер. И еще обещают: тот, кто застрелит Блюхера или живым доставит в штаб, получит награду двадцать тысяч рублей.

— Двадцать тысяч, говоришь? Не очень дорого. Видно, мало били, дешево ценят, — катая карандаш по бумаге, заметил Блюхер. — Повеселил немножко — спасибо. А сейчас займемся приказом.

…Никто не отдыхал в этот тревожный день. И бойцы и командиры понимали: впереди трудная дорога, нужно где-то найти подводы, запастись продовольствием и фуражом, раздобыть хотя бы по паре белья.

У огромного пруда копошились дружинники: мылись, чинили обмундирование и обувь, чистили оружие.

Блюхер встретил бегущего куда-то Томина:

— Ну, как дела?

— Стараемся. В двадцать часов никак не уложиться.

— Надо! Твой отряд выступает первым.

Блюхер прошел к секретарю партийного комитета Белорецка Козлову, попросил;

— Иван Петрович, выручай. Поднимай народ на подмогу нашим командирам.

— Все на ногах, товарищ Блюхер. Боевое имущество на Металлургическом полностью отремонтировали. Хлеб пекут во всех домах. Шьют рубахи, готовят бинты. Все сапожники чинят обувь. Одним словом, все, что в наших силах, сделаем. И уйдем с вами.

Блюхер потер ноющие виски, тихо сказал:

— Надо мобилизовать всех врачей и сестер. А вот семьи боевиков не возьмем… Тяжело, но иначе нельзя.

— Я понимаю. Поговорим с народом. Кое–кого оставим для работы в подполье.

— Сам-то как решил?

— Пойду боевиком в Белорецкий полк.

— Вот это хорошо. Организуешь политическую работу. Белорецкий полк уходит последним. Пусть бойцы лишние сутки с родными побудут. Ну, до встречи в походе.

На дороге к штабу Блюхера догнал усталый верховой, доложил:

— Товарищ Блюхер! Командир шестой роты Верхнеуральского полка Иванчиков. Белые сильно жмут. Наши заставы поредели. Всего в деле второй батальон.

Блюхер вскочил в штаб, приказал:

— Голубых, разыщи Ивана Каширина! Пусть прикажет Погорельскому поднять в ружье первый и третий батальоны и двинуть на помощь второму. Скажи так: любой ценой удерживать противника, пока не закончим эвакуацию города.

На правом берегу Белой, сокрушая деревья, тяжело ахнули

взрывы.

«Пристреливаются по заводам, — определил Блюхер. — Устроят мясорубку. Слишком много, людей собралось в Белорецке. Надо, не ожидая полной готовности армии, постепенно выводить отряды на Стерлитамакский тракт».

И только сейчас Блюхер почувствовал всю полноту ответственности за все отряды, за огромный обоз беженцев, за раненых.

Блюхер подозвал связного башкира Ягудина, приказал:

— Найди Томина и передай: полк Кононова через час должен выступить в поход.

Теперь Блюхер думал лишь о том, как отстоять Белорецк. Совсем недавно белоказачий отряд прорвался в город, зарубил нескольких обозников, но был разбит местными коммунистами и ранеными бойцами, которыми руководил вставший с постели Николай Каширин. А сейчас к городу подошли крупные силы противника с пулеметами и артиллерией. Удержит ли напор врага Верхнеуральский стрелковый? Решил на помощь пехоте выдвинуть челябинскую батарею.

Многочисленные атаки на Белорецк были отбиты.

Последним оставил город Белорецкий социалистический полк.

Шли на Серменево, Узян, Кагу. Впереди 1–й Оренбургский казачий имени Степана Разина полк, за ним — 1–й Уральский стрелковый, а замыкал колонну Верхнеуральский отряд Ивана Каширина.

Тарахтели патронные двуколки и походные кухни, ломовые телеги и легкие брички, низкие крестьянские повозки и громоздкие старинные тарантасы. Позванивали котелки, дребезжали ведра, цокали копыта. Плакали дети, и ругались подвозчики. Мычали коровы, и хрюкали свиньи. Тяжело пыхтели грузовики, таща на буксире привязанные веревками легковые автомобили. И все это, сливаясь, громыхало по густым горным рощам.

Шли русские, украинцы, татары, башкиры, латыши, чуваши, вотяки, марийцы. Шли интернационалисты — венгры, немцы, китайцы, чехи. Партизанская армия растянулась на двадцать верст.

От жары и пыли трудно было дышать. А когда 6 августа приблизились к вершине Уральского хребта Ала–Тау, разразился ураган. Могучий ветер выворачивал вековые сосны и валил на дорогу. Ливень хлестал по лицам шатающихся от усталости людей. Негде укрыться и обсушиться. Давно уже кончился печеный хлеб…

Спустились в солнечную долину Зигана. Навстречу изнуренным бойцам вышли башкирки с горячими розоватыми лепешками. Зазывали в избы и юрты, откуда струился вкусный запах жареной баранины. Сытно позавтракав, бойцы повеселели.

Два дня партизанская армия приводила себя в порядок, отдыхала.

С полным напряжением работал главный штаб. От движения на Стерлитамак, занятый крупными силами противника, пришлось отказаться. Блюхер вместе с Николаем Кашириным наметили фланговый марш вдоль реки Белой к Богоявленску для соединения с окруженным белыми отрядом Михаила Калмыкова.

Блюхер понимал — здесь начинаются самые трудные испытания.

Командир 1-го Уральского стрелкового полка Иван Степанович Павлищев

На рассвете 10 августа задремавшего главкома поднял ординарец Павлищева.

Командир 1–го Уральского полка сообщал о том, что к селу Петровскому подходила разведка врага. Застава обстреляла белых кавалеристов и захватила в плен раненого прапорщика. Тот показал, что их основные силы находятся в пяти–шести верстах от села Петровского и готовятся к наступлению.

Блюхер написал Павлищеву: «Держитесь крепче. Утром я двину отряды на Богоявленск. Со стороны Стерлитамака мне нужен надежный заслон. Ни в коем случае не сдавайте Петровского»[15].

Павлищев развернул два батальона во ржи у села, а третий оставил в резерве.

В полдень цепи противника двинулись на Петровское. Шли

быстро, строго держа равнение. Их встретили залповым огнем. Атакующие стали продвигаться короткими перебежками. Две сотни чехов по ржи скрытно подошли к 5–й роте уральцев и кинулись в рукопашную. Бойцы не выдержали, стали отходить.

Наблюдавший за боем Иван Павлищев поднял резервный батальон и повел в контратаку. Удар был стремительным и смелым. Отступавшие боевики остановились и вместе с товарищами бросились на врага.

Три версты уральцы преследовали белочехов. Половина вражеского отряда осталась во ржи.

В тот же день Блюхер направил отряды на Богоявленский завод. Пришли в полдень. В большом поселке почти нет мужчин — все держат фронт в окрестных селах.

Разместились в заводской конторе. К Блюхеру пришел невысокий, загорелый, с пробивающимися усиками юноша и отрекомендовался:

— Венедикт Ковшов — начальник штаба Богоявленского отряда.

— Прошу, садитесь. Рассказывайте.

— Воюем третий месяц. Измотались до крайности. Прошу — подмените, если можно.

— И можно и нужно, — охотно согласился Блюхер.

Достал полевую книжку и написал приказание командиру 1–го Уральского Павлищеву о смене отряда Калмыкова. Передав листок адъютанту Михаилу Голубых, спросил Ковшова:

— А как у вас боеприпасы, сохранились?

— Все, что получили по весне из Уфы, храним исправно. Три тысячи винтовок, триста тысяч патронов, восемьсот пятьдесят трехдюймовых снарядов. Все припрятали. А сами перебиваемся трофеями.

— Вот это порадовал. А мы, надо сказать, подрасстреляли боезапас. А как по части медикаментов?

— Чего нет, так нет. Нижние рубахи рвем на бинты.

— А где сам Калмыков?

— На позициях. Послал связного. Скоро примчится Давно вас ждет.

Ковшов ушел. Блюхер покатал карандаш по столу, улыбнулся:

— Хорошо, что пошли сюда. Молодец Калмыков Вот тебе и унтер, а воюет, как генерал.

И когда в штаб вошел запыхавшийся Калмыков и что-то хотел сказать, Блюхер бросился к нему, обнял, расцеловал:

— Встретились. Наконец-то снова встретились. Будем воевать вместе!

— Куда путь держишь?

— На Зилим — Иглино.

— Правильно! По пути надо снять осаду с Архан гельского завода. Отряд Дамберга с трудом отбивается.

Просил помощи, а мы сами из последних сил держимся.

— Возьмем с собой и Дамберга. Сколько там у него?

— Объединишь наших два отряда — получишь около трех тысяч дружинников. Полтысячи конных, а остальные— пехотка. Три пушечки имеем, только без прицельных приспособлений.

— А что, если ваши дружинники не захотят уходить из Богоявленской республики? Ведь придется оставить жен и детей…

Калмыков крутанул черные длинные усы, сказал угрюмо:

— Договаривай, Василий Константинович, договаривай до конца. За вами по пятам идет третья Оренбургская казачья дивизия Ханжина. Свою злость здесь выльют. Спалят. Я их знаю. Племянника моего, Петю Калмыкова, пятнадцатилетнего парнишку, захватили под Кассельской. Хотели узнать, где наши. Выкололи глаза, отрезали язык, всего штыками искололи и повесили для устрашения. Лежит в городском саду Петька. Его здесь все знают.

— Понимаю. Все понимаю. Ты не видел, каким мы обозом обросли. Более трехсот раненых везем. А впереди переправы и главные бои. Если мы возьмем беженцев в Богоявленском и Архангельском, превратим армию в цыганский табор. Все погибнем…

— Я соберу народ. А ты и скажи про это самое. Напрямик. В самые глаза…

— Скажу. По–рабочему — начистоту. Только я плохой оратор.

— Не ради краснобайства. Ради самой жизни. Сюда все придут вечером.

В восьмом часу вечера заводской сторож застучал палкой по чугунной доске. Раньше это было сигналом — пора на работу. А сейчас старик играл боевую тревогу. И к большому серому дому с облезлыми колоннами двинулись люди. Шли семьями, опускались на траву, рассказывали о прожитом и пережитом. У крыльца, вставленные в фонари, тускло горели десятилинейные лампы.

Трое рабочих прикатили огромную бочку и поставили вверх днищем у крыльца.

Михаил Калмыков тронул Блюхера за рукав:

— Трибуну подали. Начнем…

И первым поднялся на бочку. Кратко рассказал, откуда взялась партизанская армия, как она шла, куда пойдет завтра, и предоставил слово главнокомандующему Василию

Константиновичу Блюхеру.

По толпе пробежало:

— Блюхер. Блюхер.

— По обличью видать — русский. А одежка-то худая. Вот тебе и главный!

Блюхер осмотрел огромную толпу: жен, припавших к мужьям, угрюмых стариков, сидевших на притоптанной земле, детей, прикорнувших на отцовских плечах, и стало не по себе. Не радость, а горе смотрело в упор. Надо вернуть этим людям мужество, уверенность в победе. Легко говорить о победе, когда наступаешь, занимаешь деревни и города. И как трудно подобрать надежные, верные слова, когда приходится оставлять родных и близких людей на расправу врагу. Блюхер поправил маузер, снял фуражку и начал с того, чем кончил Михаил Калмыков.

— Да, надо сказать, что идем мы не легким путем. По каменистой, острой, как рашпиль, горной дороге, да босые, оборванные, голодные. Ноги в кровь избили. Сзади белоказаки напирали, спереди чехи наскакивали. Не было у нас покоя ни днем ни ночью. Все время под пулями да снарядами. Кругом лес. Чего проще — свернул с тракта и поминай как звали. И что вы думаете? Ни один боевик не ушел, а влились в нашу армию многие. Не было у нас дезертиров и не будет, потому что мы из самого трудового народа.

Слушали внимательно. Слышно было, как всхлипывали женщины, глухо покашливали мужчины, свистел в старой аллее ветер. И, почувствовав молчаливое одобрение, Василий Блюхер заговорил о недавнем прошлом, о стеклоделательном заводе фабриканта Пашкова, о двенадцатичасовом рабочем дне у раскаленных печей, о стеклодувах, умирающих в тридцать лет.

— А будет ли лучше? Говорят, Ленина-то убили…

Блюхер вздрогнул. Порывисто повернулся на голос.

Кажется, это сказала женщина. Неужели это правда? Ленин жив — живы и мы. Как же нам без Ленина?.. Не может быть такого страшного бедствия. Блюхер резко махнул рукой, как бы отсекая слова:

— Не верьте, товарищи! Это наши враги распространяют слухи, что сдана Москва и убит Ленин. Наш Владимир Ильич жив! Ленин всегда будет жив. Его нельзя убить. Он в нашем сердце, и с ним мы непобедимы. Я верю, Ленин все знает и о нашей армии и о вашем заводе. Думает о нас и не оставит в беде. А мы все думаем о Ленине и обещаем ему, что не сдадим на склад винтовки, пока не очистим нашу землю от иноземных и местных врагов. Мы отступаем, с болью душевной оставляем вас

— наших братьев и сестер. Даю вам слово, твердое, рабочее слово, что мы скоро вернемся. Урал будет наш, Урал будет советским навсегда!

Командир Богоявленского отряда Михаил Васильевич Калмыков

Блюхер соскочил с бочки. Не спеша прошел на крыльцо и сел рядом с Николаем Кашириным.

Наступила тишина, продолжительная, тяжелая.

К нехитрой трибуне подошел пожилой сутулый длиннорукий рабочий.

Калмыков шепнул Блюхеру:

— Костя Калашников. Прямой и жесткий. Лишнего не скажет.

— Молчите? Что это вы так присмирели, стекольного дела мастера? — громко спросил Калашников. — Разве мы не ждали Блюхера и Кашириных? Очень ждали. Собирались вместе с ними на север? Очень собирались. Так в чем же дело, други–товарищи? А дело-то в том, что пришла беспощадная минута и надо выбирать: что тебе дороже — революция или семья?.. Я люблю и жену и детей. Ну как их не любить? Кровные! А революция не делает скидки на семейное положение, приказывает — иди, Калашников, с Блюхером до Красной Армии. И я пойду. Иначе нельзя, други–товарищи. Нли мы с революцией и с партизанским войском, или останемся здесь, на Усолке, с белогвардейской сволочью. Середины нет.

Нет серединки! И я зову вас от самого чистого сердца — встанем за революцию, за Ленина, други–товарищи. И нечего здесь разговоры крутить, душу наизнанку вы ворачивать. Нет на это самое времени и терпения. Ставь. Михаил Васильич, вопрос

на голоса…

Калмыков поднялся, высокий, могучий, предупредил:

— Поход будет длинным и тяжелым. Через горы и реки. И со всех сторон неприятель. Семьи придется оставить здесь. Пусть схоронятся по деревням, разбредутся по родным и знакомым. Устроить что-то вроде старого подполья. Решение эго, понятно, не легкое. И потому надобно сделать небольшой перерыв. На полчаса там или на часок. Посоветуйтесь с женами и родителями и в совесть свою рабочую загляните. А потом сойдемся сюда снова…

Толпа растаяла в темной аллее. Садились на сырую землю. Ветер приносил на крыльцо приглушенные голоса.

— Уйдешь, а над нами будут измываться… Как над Петюшкой Калмыковым…

— Поезжай к маме. Продержись как-нибудь до весны.

Женщина в белом платке укачивала завернутого в одеяло первенца, исступленно просила:

— Не уходи, Тимоша, не уходи, родненький. Ну куда я без тебя с таким малюткой? Не ходи… Не пущу я тебя…

— Ну что ты, Таня… Не могу я остаться. Все идут, как же иначе?

К пожилому рыжебородому рабочему прижались пятеро ребятишек. Жена стояла на коленях, о чем-то сквозь слезы просила и все время терла рукавом лицо. А он торопливо и неловко целовал детей и говорил:

— Ну ладно, обойдется как-нибудь. Ну ладно, обойдется…

Николай Каширин вытянул онемевшую раненую ногу, сказал морщась:

— В жизни многое видел. И всякое на войне бывало. Но вот в такую жуть в первый раз окунулся.

Блюхер сцепил на коленях ладони:

— Такое испытание не каждый может перенести. И те, что пойдут с нами, станут надежнейшим пополнением. Не дрогнут. Более страшного, чем этот час, у них в жизни не будет.

С трудом оторвался от ступеньки Михаил Калмыков, шепнул чуть слышно:

— Я пройду к своим. Скажу, чтоб не очень-то убивались.

Из темноты выплыла крупная белая на перевязи рука Томина. Плетка выбила злой марш на голенище:

— Ох и отольются наши слезы! Свинцовой слезой отольются.

…В одиннадцатом часу старик сторож ударил колотушкой в чугунную доску. Металл гудел тревожно и зычно. И люди семьями двинулись к крыльцу.

Калмыков, бледный, суровый, с трудом унимая нервную

дрожь, произнес:

— Товарищи! Кто за то, чтобы пойти с Блюхером, прошу голосовать.

И взметнулись вверх широкие, крупные, шершавые ладони и розовые, маленькие, детские ладошки…

— Против?

Калмыков выждал, вздохнул шумно:

— Нет. Значит, единодушно. А теперь о семьях. Кто за то, чтобы оставить здесь, в Богоявленском?

И первым вскинул большую, сильную руку. И медленно, словно поднимая низко нависшую грузную тучу, поползли вверх рабочие руки…

Калмыков дважды поклонился народу, выпрямился во весь рост, расправил широкую грудь:

— Спасибо вам, земляки, что не дрогнули в этот тяжкий час. Не потеряли воинского достоинства и чести. И вам спасибо, жены и матери наши. За поддержку. За все доброе. А теперь ступайте по домам и собирайтесь в дорогу. Времени у нас маловато.

Блюхер соскочил с крыльца, поднял руку:

— Товарищи, ваш полк выходит последним. Даю вам на домашние дела еще два дня. О часе выхода сообщит командир полка Калмыков.

3

Армия двинулась на Архангельский меднолитейный завод. Здесь Блюхера встретил Владимир Дамберг. С заметным латышским акцентом доложил о том, что в составе отряда налицо семьсот штыков, триста сабель и два орудия.

— А каково настроение в отряде? — поинтересовался Блюхер.

— Собираются пойти через Кунгур на Ригу и Ревель. Во! У нас главная сила — латыши, бежавшие от немцев во время войны, и эстонцы–поселенцы.

— Ну что ж, от Кунгура до Риги рукой подать, — улыбнулся Блюхер. — Значит, пойдем вместе. Готовьте отряд к переправе через Сим. Свяжитесь с командиром Верхнеуральского отряда Иваном Кашириным.

Владимир Дамберг быстро вышел.

Блюхер сел к столу, развернул большую карту. Внимательно осмотрел район трехречья — Белой, Сима и Зилима. Прикинул расстояние до Иглино. Озабоченно сдвинул густые брови. Получается что-то вроде «мешка». Прижмут с трех сторон к широкой и глубокой реке Белой. Устроят мясорубку.

Неслышно подошел начальник штаба Леонтьев, глянул на красный карандаш, уткнувшийся в реку Сим, догадался:

— О переправе думаете, Василий Константинович?

— Есть о чем подумать. Армия выросла: шесть стрелковых, три кавалерийских полка. Сотни раненых и беженцев. Тысячи повозок. Надо немедленно организовать переправы. Главную, через Сим, вот здесь, в районе Бердиной Поляны, и отвлекающую внимание противника— на Белой, у села Шареева.

— Подождите секундочку, я возьму бумагу.

— Пишите: в район Бердиной Поляны выходят Верхнеуральский и Архангельский отряды. Троицкому отряду произвести демонстративную переправу через Белую у села Шареева и вести разведку в сторону Уфы. Далее, Богоявленскому отряду занять деревню Зилим. Немедленно разошлите распоряжение: всем командирам приказываю строжайшим образом экономить патроны и снаряды, обстреливать лишь ясно видимые цели, группы или цепи противника, не допускать стрельбы по одиночным людям.

Опираясь на костыль, в штаб вошел Николай Каширин. Лицо бледное, остроскулое.

— Вот кстати, Николай Дмитриевич, — обрадовался Блюхер. — Присаживайтесь к карте, послушайте некоторые соображения.

И не спеша изложил план форсирования реки Сима.

Каширин посоветовал:

— Главное направление следует усилить Первым Уральским полком. По–видимому, в район переправы противник стянет основные силы.

— Согласен. Сам я сейчас проеду в Ирныкши к Томину. Посмотрю, может быть, там сложится благоприятная обстановка для переправы. Вы остаетесь за меня здесь.

Командир Южного отряда Николай Дмитриевич Каширин. Снимок 1917 г.

Захватив взвод конных разведчиков и своего ординарца башкира Ягудина, Блюхер выехал в Ирныкши.

На пути встретил Николая Томина, который со штабными работниками направлялся к реке. Миновав цепи 17–го Уральского полка, всадники направились к опушке леса. Впереди ехал Ягудин. Слева из рощи оглушительно ударил залп, заговорили пулеметы. Лошадь Ягудина упала на землю. Ординарец с трудом поднялся и, припадая на правую ногу, побежал к Блюхеру. Пулеметчик догадался, что перед ним командиры, и длинной очередью полоснул по всадникам. Застонал и опрокинулся навзничь стоявший рядом с главкомом разведчик. И сразу же рухнул на покрасневшую траву гнедой Блюхера. Василий Константинович не растерялся и успел вытащить ноги из стремян. Ягудин подвел коня. Блюхер вскочил в седло и помчался к деревне. Остановился за добротным высоким домом. Подъехал Томин. Сердито постукивая нагайкой по голенищу, сказал:

— Не могу понять, откуда их черт занес. Подошли вплотную.

— Надо прикрыть Ирныкши. У вас есть резерв?

— На окраине деревни батальон Сокача. Интернационалисты — надежные бойцы…

В соседний дом врезался снаряд и вырвал стену. Еще несколько взрывов потрясли улицу. Крыши запылали.

Тревожно заржали кони подводчиков. Обоз гремящей лавиной ринулся к Архангельской дороге.

Блюхер приказал Томину:

— Открывай ответный огонь!

Томин ускакал. Вскоре показались бойцы резервного батальона и заняли позиции слева и справа от интернационалистов. Почти одновременно рявкнули четыре орудия, поддерживающие защитников Ирныкшей.

Противник, прикрываясь ползущим от деревни дымом, подошел на сто шагов. Тогда худощавый, почерневший от пыли комбат Сокач крикнул:

— Начинай! Работай!

Лежавший рядом с ним пулеметчик Ли Хун–чан поправил сползшую на глаза казачью фуражку с синим околышем и рассмеялся:

— Пошла душа в пятку. Машинка хао! Шибка хао![16]

Пулемет Льюиса зарокотал, срезая выбежавших из–за кустов атакующих. История этого пулемета была известна всему Троицкому отряду, слышал о ней и Блюхер. Маленький босоногий стрелок Ли Хун–чан очень завидовал пулеметчикам. Ничего не сказав командиру, ночью пробрался в деревню, занятую противником, отцовским кривым ножом зарезал казака, взял у него пулемет, шапку, сапоги, коня и прискакал в отряд. И теперь Ли Хун–чан один прикрыл полосу в триста шагов.

Чуть правее Ли Хун–чана лежали за бруствером из дерна его друзья — венгры Сугак, Мадьяр и Гостя — и вели точный огонь по атакующим. Едкий дым наползал на защитников деревни, выжимал слезы из их глаз.

До вечера интернационалисты и бойцы 17–го Уральского полка отбили восемь атак. С наступлением темноты вражеские части отступили за реку Белую. Позже белогвардейские газеты сообщили о тяжелых потерях под Ирныкшами среди солдат и офицеров Уфимского добровольческого полка. Среди погибших был сын уфимского губернатора.

Во время боя Блюхер получил донесение от Калмыкова, извещавшего, что противник при поддержке орудий и четырех бомбометов ведет непрерывные атаки Зилима. Отряд оставил горящую деревню и занял оборону в версте от нее, на опушке леса.

Блюхер приказал Калмыкову удержать позиции под Зилимом, ни шагу назад не отступать. И калмыковцы с честью выполнили приказ главкома — обескровленные части белогвардейцев вынуждены были отойти от Зилима.

Блюхер вернулся в штаб, где получил радостную весть от командира 1–го Уральского полка Павлищева: «Брод в районе Бердиной Поляны удобен, но довольно глубок — примерно такой

же глубины, как через речку Инзер у Лозинской. Почва дна реки — песок и глина. Считаю, что весь отряд и артиллерия перейдет этим бродом через Сим»[17].

Блюхер приказал Павлищеву: «Архангельский отряд с этого момента в вашем распоряжении. Форсировать Сим необходимо сегодня же. Примите к этому все меры»[18].

К району Бердиной Поляны Блюхер двинул обозы и раненых и выехал сам. Прошедший накануне дождь испортил дороги. На десятки верст растянулись обозы. Ночь была темной, только багровые зарева пожарищ над Зилимом, Ирныкшами и Бердиной Поляной освещали хмурое небо.

А в это время командир 1–го Уральского полка Павлищев вел бой у самой переправы. Попытка с ходу форсировать Сим не удалась. Противник поставил плотный огневой заслон. Потеряв несколько бойцов, уральцы отхлынули на левый берег. Повторные попытки были бессмысленны — немногие всадники успели бы добраться до берега. После тяжелого раздумья Павлищев послал связного к Дамбергу с приказанием: конному отряду переправиться через Сим в районе хутора Александровского и прочно закрепиться на правом берегу.

Исполнительный и смелый командир, Владимир Дамберг внезапно бросил две сотни конников через бурный холодный Сим. Бойцы вырубили сторожевое охранение белых и помчались к Бердиной Поляне. Белогвардейцам пришлось оттянуть большую часть своих сил на атакующую конницу красных. Только этого и ждал Павлищев. Он переправил через Сим пехотную разведку с отрядом кавалерии, а затем и стрелковый батальон.

В этот момент в район боя прибыл Блюхер с работниками главного штаба. Узнав об успехе Павлищева, главком приказал немедленно перебросить на правый берег всю пехоту и артиллерию 1–го Уральского полка и Архангельского отряда, расширить плацдарм и держать круговую оборону, пока не переправятся все части, обозы и беженцы.

Отправив связных, Блюхер подозвал своего адъютанта Михаила Голубых, осмотрел его, как будто видел впервые, сказал:

— Надо строить мост. Чем тебе помочь?

Голубых пожал плечами:

— Всем. Гвозди нужны, топоры, проволока.

— Гвоздей и проволоки нет. Топоры сам найдешь.

Голубых посмотрел на мутную, бурно текущую реку, попросил:

— Саперов мало. Дай роту стрелков.

— Роту пришлю. Постарайся за двадцать часов построить мост. В твоих руках тысячи жизней. Постарайся, Миша.

— Постараюсь!

Блюхер с работниками штаба уехал.

Голубых глянул на свои синеватые от копировальной бумаги руки, и перед ним встали тысячи повозок, стонущие раненые, беспомощные дети, женщины, старики. Он должен спасти их от гибели, построить мост. Но как это сделать? За всю свою жизнь он не построил и забора, а здесь — мост, через который пойдут люди, повозки, орудия.

Голубых позвал саперов в кустики:

— Садитесь в круг.

И рассказал о приказе главкома построить мост за двадцать часов. Именно за двадцать — иначе погибнут тысячи людей.

Саперы переглянулись. Молоденький рыжеватый боец в материнской жакетке спросил:

— Как же это?.. Голыми-то руками? Мост — это не скамейка…

Чубатый черноусый казак сказал сердито:

— Не такие уж мы голые… Гвоздочков ящичек запасли. Молотки есть. И пилы есть. Топоров маловато, и вот проволоки нет. Так это можно в обозе у земляков попросить. Вместо проволоки можно крепить вожжами. Разрешите, я съезжу, товарищ Голубых.

— Поезжай. А вы, товарищи, начинайте готовить бревна и жерди.

И под рев орудий и винтовочные выстрелы саперы принялись за работу. Через час подошли стрелки. Командир представился:

— Пятая рота Первого Уральского полка по приказу главнокомандующего Блюхера прибыла в ваше распоряжение. Докладывает командир роты Лазарь Лукьянов.

— Очень хорошо. Заготовляйте материал, подтаскивайте к берегу. Промерьте дно реки.

— А инструменты?

— Есть инструменты! — воскликнул подъехавший чубатый казак. — Беженцы сложились и выделили девятнадцать топоров и четырнадцать вожжей. Один дед даже всплакнул: «Как это я теперь кобылой управлять-то буду? Новые, ременные, им цены нет. И не отдать нельзя. Обчее дело, большой нужды!»

— Молодец! Будет мост! — обрадовался Голубых.

Вечером к строителям прискакал Блюхер. Посмотрел на работавших в студеной воде бойцов, зябко поежился:

— Черт возьми! И костра нельзя разжечь. И водочки нет для обогрева…

Вытащил портсигар, быстро и ловко смастерил дюжину самокруток, подозвал Голубых.

— Миша, раздай мокрым. Пусть нутро погреют. Не мох и не листья, настоящий «Феникс». И меняй, меняй людей: одних в реку, других в лес. Как бы не заболели после такого купанья.

— Простуду вышибем работой. Жаль, табачку маловато.

— Все, что имел, выскреб. Ну как, уложитесь?

— Трудно… Выкладываем все силенки.

Работали двадцать четыре часа, не отдыхая. И поставили мост.

Счастливый шатающийся от усталости Михаил Дмитриевич Голубых написал Блюхеру коротенькое донесение: «Постройка моста закончена. Остаюсь с командой на мосту до окончания переправы».

И главком Блюхер двинул части и обозы на правый берег Сима.

Первыми перешли по шаткому, стонущему мосту пехотинцы–верхнеуральцы Ивана Каширина. И сразу же вступили в бой. За ними переправились бойцы Троицкого отряда и тоже пошли в атаку.

На левом берегу Сима Блюхер оставил Богоявленский полк и Верхнеуральский конный полк Семена Петровича Голунова, приказав им отражать атаки белогвардейских частей с тыла.

Адъютант В. К. Блюхера Михаил Дмитриевич Голубых

Переправа продолжалась несколько часов. Особенно трудно было перевезти раненых. Их было более трехсот. Начальник санитарной части — невысокий, худощавый, ловкий Михаил Ефимович Федосеев стремительно шел от повозки к повозке и решал, кому как перетащиться по неровному, тряскому мосту. Легкораненым предложил слезть и с помощью санитарок и беженок пройтись пешком. Для тех, кто не мог двигаться, велел

положить больше свежей, мягкой травы, а тяжелораненых приказал переносить на носилках. Начальнику помогала молоденькая раскрасневшаяся медицинская сестра Нина Петрова.

Блюхер похвалил Федосеева:

— Спасибо, Михаил Ефимович! Чуткая, большая у вас душа.

— Ну что вы, — смутился Федосеев. — Это вам спасибо, что бойцов бережете, раненых пока что немного. Сквозь такой огонь, такую беду выводите тысячи людей.

Огонь на правом берегу усиливался. Блюхер руководил боем. По его приказу 17–й Уральский полк Александра Кононова теснил врага у деревни Родники, а 1–й Уральский Ивана Павлищева атаковал Слутку. На колонию Балажу шли латыши и эстонцы Владимира Дамберга. В резерве главком оставил конный полк имени Степана Разина.

Блюхер понимал: это сражение решающее. Или победят партизаны, или их прижмут к реке и уничтожат. Местность ровная, полки как на доске. А противник зацепился за высоты у Слутки и Родников. Ведет частый прицельный огонь, патронов не жалеет. Надо скорее сбить врага, открыть дорогу армии.

И снова отличился 1–й Уральский полк Павлищева. Первым пробился к высотам. Отразил две штыковые контратаки.

Напряженно следивший за атакующими, Блюхер уловил наметившийся перевес своих сил и подал сигнал Александру Карташеву в атаку.

Молодцеватый, плотный, красивый казак Тарутинской станицы Александр Ермолаевич Карташев выхватил саблю, и по лощине прокатился злой, повелительный бас:

— Пики к бою! Шашки вон! В лаву марш–марш!

И всадники дали волю застоявшимся резвым коням. Доскакав до высоты, полк по одному слева развернулся в лаву. Гулко били копыта, ржали кони, свистели и звенели клинки. Белые солдаты не выдержали и побежали на Ново–Троицкое и Нагаево. Многих из них настигла, смяла, срубила конная лава.

Это была большая победа, открывшая дорогу на станцию Иглино.

Последними перешли на правую сторону саперы Михаила Голубых и уничтожили мост.

4

На карте Иглино было помечено маленьким красным квадратиком. Блюхер прикинул расстояние от станции Иглино до Уфы — примерно 33 версты. Близко.

Узнав о наступлении на Иглино, белочехи немедленно двинут на этот участок резервные силы, расквартированные в Уфе. По железной дороге могут курсировать бронепоезда. Что же предпринять? Надо перехитрить, обмануть противника. Красным карандашом Блюхер как бы прощупал населенные пункты, лежащие рядом с Уфой: Ураково, Юрмаш, Загорское. Ближе всех к Уфе село Юрмаш. Не больше десяти верст. А что, если ударить одним полком на Юрмаш? Вот всполошатся в Уфе! Всех поднимут на оборону этой белогвардейской столицы. А тем временем главные силы пересекут полотно у Иглино. Легко сказать — пересекут. Здесь решится судьба всей армии. И об этом должны знать и командиры и боевики.

Блюхер достал большой лист бумаги в мелкую клетку, размашистым красивым почерком написал Обращение к личному составу партизанской армии. Перечитал, красным карандашом старательно подчеркнул слова: *«…Всем боевикам и командному составу необходимо приложить все усилия для выполнения поставленной задачи по прорыву, помня, что наша неудача поставит нас в безвыходное положение, успех же сулит нам выход и соединение со своими войсками, обеспеченный тыл, налаженное довольствие и базу снабжения огнестрельными припасами. Командному составу разъяснить боевикам важность предстоящей операции…»*[19]

И не только командный состав должен вести разъяснительную работу. Надо поднять коммунистов–агитаторов.

Блюхер разбудил спящего на лавке Голубых:

— Слушай, Миша, это обращение надо быстренько размножить и разослать по полкам и специальным командам. И еще задание: передай секретарям партийных ячеек — пусть поговорят с народом о прорыве позиций белых у Иглино.

Теперь нужно было решить, кому поручить выполнение боевого плана. На главное направление надо поставить Верхнеуральский отряд Ивана Каширина. Рейд на Юрмаш, а по существу на Уфу, следует поручить Томину. Ударить внезапно, нагнать страху — это ему по душе. Противник может по железной дороге подбросить свежие части из Златоуста. Надо лишить его этой возможности. Поручить командиру Архангельского отряда Дамбергу овладеть селом Ново–Троицкое и разъездом Кудеевка, взорвать путь и мост через речку Улу–Теляк.

Блюхер вызвал начальника штаба Леонтьева и продиктовал приказания командирам отрядов.

Вечером Блюхер решил проверить, проводятся ли политические беседы.

Было тепло. Радовала тишина, такая редкая и такая

желанная. У колодца на траве сидели и лежали бойцы. На высоком камне удобно расположился агитатор в выцветшей солдатской гимнастерке и вел неторопливый рассказ. И первая услышанная фраза заставила Блюхера затаиться, сесть на землю.

— …И поехали мы с Пашей Федосеевым в Москву, к самому Владимиру Ильичу Ленину. Колесили мы, колесили, прибыли в столицу. И сразу подались к коменданту. Глянул в наши документы, понял, на что целимся, и определил в гостиницу. В бывшие номера Михеева, что на Тверской улице. Утречком получили пропуска в Кремль. Полетели на полный разгон. Дошли до комнаты, в которой Ленин сидит, и вот тут шибко оробели. Ведь это же не простой человек — Ленин!

— Что и говорить. Ленин один на весь свет, — сказал боец в сером пиджаке и в соломенной шляпе.

— Да, потерлись мы немножко у двери и вошли этак бочком, бочком. И видим — навстречу нам поднимается человек. Росту, скажу прямо, небольшого, но плотный такой, коренастый, и приветливо так, ну как старый добрый знакомый, улыбается и протягивает руку. И, поверьте, как-то сразу снял все страхи. Дело пошло как нельзя лучше. Усадил нас Ильич, расспросил, откуда мы и зачем пожаловали. Интересовался, как мы Дутова из Верхнеуральска выгнали и в Тургайские степи шуганули. И еще просил про наши рабочие отряды рассказать: и сколько бойцов, и много ли среди них партийных, значит большевиков. И что-то все записывал и легонько так поправки делал, когда мы сбивались или чего-то не договаривали. И смекнули мы, что Ленин знает наши уральские дела куда лучше нас. Сколько мы вот так, по душам, беседовали, сказать не могу, только вытащил Владимир Ильич часы из жилетки, покачал головой и говорит: «Извините, товарищи уральцы, сейчас я должен пойти на совещание. Приходите завтра, часиков так к восьми. Пропуск будет заказан». И проводил до двери. Вышли мы, понятно, довольные, а тут комендант подскочил и вручает нам два билета на оперу «Русалка». Так нежданно–негаданно в первый раз в Большую оперу попали и слушали знаменитых артистов: Шаляпина, Неждановy, Собинова. Из театра вышли поздно. И вот на Кузнецком мосту навалилась на нас большая неприятность. Зацапали патрульные. «Кто такие, — вопрошают, — почему с оружием разгуливаете?» Мы им мандаты суем. А они шибко грамотные: «Верхнеуральское разрешение в Москве силы не имеет». И повели нас, голубцов, до пикета. Идем, а все внутри кипит. Коснись каждого из вас — как это оружие отдать? Загорелся я, напираю на начальника: «Мы по государственному делу прибыли к самому Ленину. Разрешите, позвоню кому

следует». Начальник говорит: «Звоните!» И тут нам шибко–здорово повезло. Слышу в трубке голос, такой приятный и с легкой картавинкой. Я, значит, нервозно жалуюсь, а он выслушал и спокойно так говорит: «Передайте трубочку начальнику». Тот вскочил, в струнку вытянулся. Слышим: «Так точно. Будет исполнено, товарищ Ленин. Извините, что побеспокоили в такой неприемный час». И верно, полночь. Вся Москва сны смотрела, а Ленин не спал, потому как он за нас с вами и за всю страну в ответе. И что вы думаете — начальник машину дал — до нашей гостиницы. Тут мы с Пашей и смекнули: наверное, это Ленин посоветовал нас подвезти, время-то неспокойное. Сам-то начальник не догадался бы на такую мелкую сошку внимание обратить. Ни чинов у нас, ни титулов, простые рабочие люди. И вот вы, товарищи дружинники, задумайтесь над этим самым моментом. Вникните в корень. Ленин тем и велик и дорог нам, что всем сердцем, всей душой болеет за трудовой народ, это значит, за нас с вами. Я думаю, в этом и есть главная сила Ленина. Вникли? А теперь дальше пойдем. На чем я остановился-то?

— Прикатили на машинке в гостиницу.

— Ага, совершенно верно. А утром опять пошли на прием. И знаете, с чего начал разговор Владимир Ильич: с ночного происшествия — и попросил показать разрешение на оружие. Прочел и отмечает: «Порядок есть порядок. Не обижайтесь, пожалуйста. Документы дооформим по всем правилам патрульной службы». И начал расспрашивать про отряд и командира. А командующим к этому времени был у нас Николай Митрич Каширин. Мы его показали по совести, ничего не утаили. И тут Владимир Ильич щурит хитро глаз и спрашивает: «А вы доверяете Каширину? Ведь он сын атамана, офицер?» Я подтвердил: «Доверяем. Хоть он из богатой семьи, а пошел с беднотой и бьет дутовцев и в хвост и в гриву».

— Так и сказал?

— Понятно, сказал. Владимир Ильич улыбнулся: «Это великолепно: сын атамана честно служит Советской власти». А потом мы говорили о том, как исполком связан с поселками и станицами и как вербуем добровольцев в красные дружины. И дошли до хлеба насущного. И тут Ленин в лице заметно изменился и прямо приказывает нам: «Весь хлеб взять на учет. И в скирдах и в амбарах у богатеев. Это нужно сделать незамедлительно. Это архиважно, товарищи уральцы. Москва и Питер голодают. Да, кстати, вам талоны на питание выдали?» Отвечаем: «Выдали, да только супчик жидковат. Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой. Хорошо, что свои харчишки

захватили». Ленин наклонил голову и говорит: «Вот, вот! Сами убедились, как скверно питаются москвичи. Приедете на Урал, расскажите землякам, как мы тяжело живем, и попросите от моего имени, от имени Совнаркома ускорить отправку хлебных эшелонов в центр страны. Это самая важная, первоочередная задача». Дошло время и до нашей просьбы. Владимир Ильич пообещал направить на Урал оружие и боеприпасы и распорядился выдать нам пять миллионов рублей на военные и хозяйственные дела[20]. Пожелал доброго пути и успехов. И руку пожал, вот эту самую.

И выбросил вперед ладонь —широкую, грузную, желтоватую от давних, затвердевших мозолей. Потом не спеша достал платок, вытер лицо.

Кто-то тихо попросил:

— Товарищ Константинов, а как дальше-то было?

— Дальше все яснее ясного. Получили мы в Госбанке пять миллионов. Подумать только, доверие-то какое— пять миллионов! Сами, конечно, не повезли. Отправили в Верхнеуральск с конвоирами. А сами подались до дому. Приехали двадцать второго мая под самую-то чехословацкую заваруху. И малая война стала большой. К чему я завел этот длинный разговор? По народу контра пускает подлые слухи: дескать, Ленин сбежал за границу и в Москву вернулись старые порядки. Я знаю Ленина и такую гнусность отметаю начисто. Ленин в Кремле. Ленин на своем посту. Ночами не спит, голодает вместе со всеми и думает, как скорее разбить неприятелей всех мастей и установить мир, по которому все мы шибко соскучились. Ленин и про нас понятие имеет. И верит нам и надеется на рабочих Урала. Надо все это сердцем понять. И выполнить свой долг. Завтра мы пойдем в решающий бой и вырвемся из этого окаянного кольца на волю. Получим боеприпас и со своими пойдем на Урал. До победы. Так ли я говорю, товарищи дружинники? Может, вопросы есть какие?

— Правильно сказано.

— Все ясно. Пока не победим, дома не быть.

Блюхер потер онемевшую ногу, выждал, когда бойцы стали расходиться, подошел к Константинову.

— Слушал вас и радовался. Это и есть агитация фактами. Вы сегодня еще разок выступите. Счастливый вы человек, с Лениным разговаривали.

— Да я рассказываю-то не все гладко…

— Хорошо, хорошо. Простите, как вас зовут?

— Василий Алексеевич.

— Благодарю вас, Василий Алексеевич.

— Так ведь я коммунист. Сегодня все партийные выступают. Решается вопрос жизни или смерти.

— Только жизни! — твердо произнес Блюхер.

Красногвардеец Василий Алексеевич Константинов

Пропала усталость. Верно сказал Константинов — сегодня все партийцы выступают. И Блюхер с радостью и глубоким волнением как бы увидел беседующих с дружинниками своих верных и постоянных помощников на трудном тысячеверстном пути — старых большевиков Петра Зудова, Леонида Вейнштока, Петра Опарина. Они участвовали в трех революциях, встречались с В. И. Лениным, им есть что рассказать бойцам. В этот час взволнованно и горячо зовут бойцов к победе Петр Гузаков, Сергей Попов, Ефим Михеев, Иван Козлов, Федор Сызранкин, Никита Шкаев, Василий Федин, Федор Ландграф, Егор Кандалов, Венедикт Ковшов, Василий Зудов, Николай Беляков, Владимир Колобаев, Александр Еарабарда, Федор Калмыков, Михаил Федосеев, Григорий Пивоваров, Михаил Дублистов, Матля Шойхет и сотни других агитаторов. На венгерском языке разговаривает с земляками Иштван Сугак, на китайском— Ли Хун–чан, на латышском — Карл Матуз, на эстонском — Пауль Варес, на башкирском — Сибагат Нуркиев.

…Вдохновленные призывами большевиков, на рассвете 29 августа бойцы пошли в бой.

Умело используя лощину, рейдовая группа Троицкого отряда ворвалась в село Юрмаш.

Напряженно, тяжело проходило сражение на позициях у станции Иглино. Разведав местность, Иван Каширин приказал командиру Белорецкого полка Алексею Пирожникову атаковать станцию.

В бинокль Каширин видел, как первый батальон спустился с пригорка и двинулся к полотну железной дороги. Стояла какая-то непонятная, мирная тишина. И, ободренные этим безмолвием, дружинники побежали к насыпи.

Тишину оборвали шесть пулеметов. Каширин видел, как смертельный кинжальный огонь разрезал батальон на три части. И сразу же из окопов выскочили белочехи и кинулись на дружинников. Шли уверенно, выдерживая равнение, вскинув поблескивающие на солнце винтовки. И, ошеломленные гибелью товарищей, потерей командиров, белоречане дрогнули и покатились назад к деревне Алаторке. И Каширин тревожно подумал о том, что эта толпа увлечет, потащит за собой резервный батальон.

Коммунист Алексей Пирожников не растерялся. Он поднял резервный батальон и повел навстречу белочехам. Все видели командира полка, слышали его суровый голос:

— Даешь Иглино! Бей гадов! Ура!

И русское «ура» загремело над равниной и остановило отступающих бойцов первого батальона. Круто повернув назад, они составили дополнительную цепь. Обстановка резко изменилась. Белочехи замедлили шаги. Остановились. И, увидев это, Иван Каширин крикнул связному:

— Пулей лети к Голунову! Передай—-пора!

Прошло несколько томительных минут, и сотни Годунова вылетели из рощи и ударили во фланг врага…

В 5 часов Иван Каширин послал донесение главкому, в котором сообщал, что Верхнеуральский отряд занял станцию Иглино и линию железной дороги у деревень Черенкова и Кирилловка. Противник оставил 80 убитых, 150 раненых и 70 пленных. Захвачено три пулемета, обозы, склады зерна и хлеба.

А в это время Блюхер с работниками главного штаба находился в поселке Михайловском и не предполагал, что совсем близко, в деревне Калтыманово, кипит ожесточенная схватка. Сюда, прикрываясь лесом, пробрался крупный отряд белых и неожиданно напал на заставу, состоявшую из полуроты 17–го Уральского полка. Отстреливаясь, горсточка уральцев стала отходить на поселок Михайловский. Прикрывать товарищей остался пулеметчик старый солдат–сибиряк Ефим Кручинин с номерным молоденьким Леонтием Шестаковым. Пулемет установили у овина. Кручинин решил хоть на несколько минут задержать наступающих. Позади — штаб главнокомандующего, все имущество армии, тысячи беженцев, больные и раненые. Один расчет: выиграть полчаса, а там, глядишь, подоспеют наши и отгонят белых. Ефим Кручинин сказал номерному:

— Я буду отбиваться, пока не изведу все патроны. А ты, Леонтий, если робеешь, ступай в Михайловский, пока еще можно.

— Что ты! Одного не оставлю. Буду помогать.

Длинной очередью Кручинин как бы перечеркнул выбежавшую на поляну цепь противника. Уцелевшие солдаты отпрянули в кусты И открыли частую пальбу по огневой позиции красных. Ефим Кручинин молчал. Ему хотелось выманить белогвардейцев из укрытия и снова встретить их метким огнем. Подбадривая себя руганью и прерывистым «ура», несколько солдат несмело выкатились на луг. Кручинин молчал. Но как только цепь стала густой и нахально смелой, сибиряк ровно повел тело пулемета слева направо и опрокинул атакующих.

Из фляжки напоил горячий кожух и еще раз загнал белогвардейцев в кустарник. Заряжающий передал последнюю ленту, предупредил:

— Снаряжать больше нечем. Может, к мертвым белякам сбегать, собрать…

— Срежут. Вот что, сынок, тикай! Помирать лучше одному. Лети к Томину, торопи наших.

Леонтий Шестаков припал к плечу наводчика, торопливо прошептал:

— Побежим вместе. По гумнам. За скирды, стога сена, только и видели.

— Сказал — сгинь! Я здесь старшой…

И, припадая к земле, Леонтий Шестаков побежал к гумнам.

Кручинин перешел на короткие очереди. Пулемет, не дожевав ленты, затих. Ефим Кручинин догадался — перекос патрона. Отдавать пулемет жалко. Придется попрощаться с «максимом» по примеру Евлампия Бачурина. А беляки кричат совсем рядом. Наводчик вытащил гранату–бутылку и метнулся к снопам соломы. Солдаты подскочили к огневой позиции. Ефим Кручинин снял кольцо и бросил гранату под пулемет. Последнее, что услышал, — грохот взрыва. В старого солдата стреляли, его кололи штыками, били прикладами. Он и мертвым был страшен, Ефим Кручинин.

Захватив Калтыманово, белые подошли к реке Таушу и повели наступление на поселок Михайловский.

Несколько снарядов, брошенных наугад, вызвали панику в обозе беженцев. Сталкиваясь, ломая оглобли и колеса, повозки помчались из поселка.

У главкома Блюхера не было ни одного бойца в резерве. Впервые он пожалел о том, что бросил в сражение все свои силы. Приказал побледневшему, нервно крутившему жесткие усы ординарцу Ягудину:

— Мигом отыщи Томина. Пусть всех поднимает в ружье и ведет сюда.

Ягудин выбежал. Он долго рыскал, загнал коня, но не нашел Томина.

Услышав частую ружейную и пулеметную стрельбу в Калтыманово, Николай Томин с ординарцами помчался в хутор Дубовку, где стояли две сотни кавалерийского полка Степана Разина. Влетев в хутор, Томин крикнул:

— По коням, ребята, по коням! За мной!

И, не дожидаясь, когда сотни примут боевой порядок, поскакал в сторону Калтыманова. Опасался, как бы не опоздать. Помахивая саблей, торопил конников.

В лобовую атаку Томин не пошел, ударил внезапно по левому флангу атакующих. Разницы развернулись лавой, и две сотни ослепительно белых клинков взметнулись над покрытыми пеной, храпящими лошадьми…

К Блюхеру, стоявшему у крыльца дома, подскакал злой Ягудин, виновато сказал:

— И туда искал… И сюда искал. Как сквозь землю свалился Томин.

— Свалился на белых, — улыбнулся Блюхер. — Слышишь, как свищут и ахают…

Через полчаса Томин прислал связного. На его гимнастерке ярко рдела кровь.

— Вы что, ранены? — спросил Блюхер.

— Да нет. Это чужая кровь. Командир отряда Томин передает, что Калтыманово отбили. Зарубили восемьдесят беляков да в плен взяли двадцать шесть и еще два пулемета, патронную двуколку, три телефона, винтовки и кое-что еще по мелочи.

— Кто был в деле?

— Известно кто. Мы — разницы.

— Передай Томину и всем разницам мою благодарность, — с нескрываемой радостью произнес главнокомандующий и торопливо прошел в штаб.

Ягудина попросил:

— Принеси-ка водички. В горле что-то пересохло.

А когда тот притащил тяжелое ведро, зачерпнул полный ковшик и, запрокинув голову, долго пил удивительно вкусную, разгоняющую усталость холодную воду.

Во второй половине дня поступили донесения от всех командиров. Хорошие вести прислал не только Каширин. Владимир Дамберг сообщил, что Архангельский отряд с боем перешел линию железной дороги и продвигается к хутору Ново–

Надеждинский. Командир уральцев Иван Павлищев передал, что боевое задание выполнено и все пункты, обозначенные в оперативном приказе, заняты и прочно удерживаются.

Блюхер сказал начальнику штаба Леонтьеву:

— Позовите Николая Дмитриевича Каширина, будем думать о последнем — завершающем.

Дверь распахнулась, и в хату вбежал Иван Каширин. По его запыленному, разгоряченному лицу, оставляя светлые бороздки, текли крупные капли пота. Шумно дыша, сел на лавку, блеснул озорной улыбкой:

— Слушай, Василий Константинович, пусти нас в Уфу. Десять верст всего ходу. Пленные показывают, сильная у них там паника, дрожит белая кость. Я в момент наведу там порядок, разгоню всех контриков. Давай команду!

Блюхер посмотрел на мужественное, вдохновенное, красивое лицо Каширина, покатал по столу карандаш, сказал тихо:

— Не сомневаюсь — возьмешь Уфу. И наведешь порядок. Только не это сегодня главное, Ваня. Надо как можно скорее соединиться с Красной Армией. П патроны на исходе и снарядов очень мало. Зато число раненых с каждым днем увеличивается. Не можем мы распылять силы. Твой отряд — самый крупный и боеспособный. Пойдешь на Красный Яр. Вместе с Павлищевым вы должны обеспечить переправу через реку Уфу всей армии. Дело трудное. Я надеюсь на тебя и на твоих бойцов, Иван Дмитриевич.

Каширин покачал головой.

— Жаль. Разворошил бы я это осиное гнездо. Момент очень подходящий. Но ты, как главком, по–своему прав. Задерживаться долго на линии железной дороги нельзя. Подтянут подкрепления со всех сторон. Ладно, поеду к своим…

В дверях Иван Каширин столкнулся с братом Николаем. Порывисто притянул к себе, поцеловал острую скулу:

— Коля, старейший, умнейший, здравия желаю. Как нога-то, заживает?

— Заживет! Ковыляю понемножку. А ты молодец! Иглино взял лихо. Как там наши в обозе?

— Давно не видел. Все — «ура» и «ура». Побриться и то некогда.

5

По приказу Блюхера Уральский отряд Павлищева первым форсировал Уфу. За ним через полноводную реку переправились казачий полк Годунова и Верхнеуральский пехотный

Погорельского. Эти части должны были отвоевать плацдарм и удерживать его, пока не переправится вся партизанская армия.

В большую башкирскую деревню Красный Яр стекались обозы, повозки с ранеными и беженцами.

Блюхер понимал, какая грозная опасность вновь нависла над измученными отрядами. Командование противника подтянуло свежие части. Они наступают с тыла и с фронта, прижимают усталых красных бойцов к Уфе. Надо уводить армию из-под удара, переправлять на правый берег.

Блюхер прошел к реке, обшарил в бинокль гладкую равнину, болотца, окруженные кустами:

— Широка и глубока, окаянная. И задерживаться нельзя — отбиваться нечем.

Обернулся к адъютанту Голубых.

— Надо немедленно строить мост. Быстро и прочно. Бери саперную команду. Ни одного бойца больше не получишь. Жмут со всех сторон, только успевай отбиваться. Даю двадцать четыре часа.

— Да что ты, Василий Константинович, смилуйся! Ведь я не колдун, обыкновенный смертный, — взмолился Голубых. — Река Сим поуже и поспокойнее, а там кроме саперов целая рота работала. И мачтовый лес рядышком. А здесь кругом ни черта нет.

— Надо приложить все силы. Возьми у казначея Сандырева деньги. Покупай сараи, гумна, нежилые избы. Не скупись. Можно сказать — строишь мост победы. Постарайся привлечь к делу беженцев и местных жителей. Действуй, действуй!

Голубых понял: разговоры бесполезны, и поспешил к Сандыреву. Нашел его и начальника снабжения Пономаря у лавки купца Бовина.

Рослый, могучий, с пышными, холеными усами казначей Сандырев стоял в тесном кольце башкир и на трескучей лучине жег какие-то замусоленные бумаги.

Голубых наклонился над ухом Пономаря:

— Чего это он палит?

— Долговые записки купца Бовина. Мы здесь провели ревизии и его лавочку заприходовали. Нашли полный сундук мужицких расписок. Всю округу в лапах держал, мироед!

Хлопья пепла черными бабочками разлетались по кругу, садились на изумленные и радостные лица.

Сандырев уничтожил последнюю пачку, громко объявил:

— Вот мы, большевики, и рассчитались за вас с кровососом Бовиным. Можете спокойно идти по домам.

Костлявый седобородый старик подошел к Сандыреву и,

приложив ладони к груди, рвущимся голосом произнес:

— О, агайлар! О, интэшлэр! Жамагат, спасибо! — и низко поклонился.

Сандырев смутился:

— А вот это лишнее, отец. Я ведь не Бовин…

И тут Голубых стремительно вошел в круг, помахал рукой, требуя внимания, и, напрягая голос, объявил:

— Товарищи! От имени главнокомандующего Блюхера прошу вас оказать нам посильную помощь в строительстве моста через Уфу.

Башкиры о чем-то оживленно заговорили по–своему.

Голубых решил, что его не поняли, и почти дословно, только медленнее повторил свой призыв.

И тот же старик перевел землякам, о чем просит молодой большевик. Толпа быстро стала расходиться.

Старик поспешил успокоить удрученного Голубых:

— Не тоскуй. Придут. Много рук придут. Вы нам помогай, мы вам помогай. Гуляй за реку…

Взволнованный, радостный Голубых поспешил на берег, где уже визжали пилы и стучали топоры. Не прошло и десяти минут, как на переправу со всех сторон пошли люди. Несли доски. Волочили на тележных передках годами береженые бревна.

За деревней тяжко ахнули разрывы снарядов. Жалобно зазвенели стекла. Смолкли топоры и пилы. Все повернулись назад, тревожно всматриваясь в оседающее грузное облако пыли и дыма.

— Работайте, товарищи! Работайте! —жрикнул Голубых.

И пропало минутное оцепенение. Строители снова взялись за топоры, пилы, молотки…

А в это время в штабе Блюхер читал донесение командира Троицкого отряда Николая Томина. Весть была тяжелой. Томин сообщал, что белые непрерывно атакуют Ново–Кулево. Цепи противника подошли на сто шагов. Нет патронов. Три раза бойцы ходили в контратаки и штыками отбрасывали обнаглевших белогвардейцев. Синим карандашом были старательно подчеркнуты слова:

«Прошу прислать две тысячи патронов, так как бойцы израсходовали почти весь запас. В противном случае не ручаюсь за исход боя».

— Две тысячи патронов! А где их взять? — хмуро спросил главком темного от пыли ординарца. — Пусть полагается на штыки и сабли. Так и передай Томину.

Ординарец провел рукавом по лицу, сказал угрюмо:

— Без патронов я не уйду, товарищ главнокомандующий. Вы

характер Томина знаете. В момент сюда погонит. В первый раз просим. Стало быть, шибко худо на фронте.

— Утешил! — Блюхер не спеша подошел к столу, написал распоряжение. — Вот отдашь заведующему складом. Получишь полторы тысячи. И передай Томину, пусть больше за патронами не присылает, а берет у белых.

— Благодарствую, — гаркнул ординарец, боком ударил в дверь и вылетел на улицу.

Блюхер дважды пересек избу, спросил начальника штаба Леонтьева:

— От Ивана Каширина были донесения?

— Пока нет. По–видимому, нет ничего отрадного. Расплющат нас с двух-то сторон… в лепешку.

— Выстоим. Не в первый раз. Только бы мост поставить…

В дверь грохнули сапогом.

— Опять за патронами! — поморщился Блюхер. — Заходи, заходи…

В избу ввалился казак в длинной мокрой шинели, сообщил:

— От Ивана Каширина.

— Что у него? Письменное донесение?

— На словах передам, — тяжело дыша, сказал казак. — Крепко жмет вражья сила. Тысяч пять, а може, и больше…

— Ну и выдумщик! Что просит Каширин?

— Пехотки надобно подбросить на тот берег.

— В резерве никого нет. Передай Каширину: биться до последнего. От верхнеуральцев зависит судьба всей армии.

Ординарец вылетел за порог, подбежал к коню, вскочил в седло, хлестнул плетью…

Блюхер посмотрел в небольшое оконце. Что делать? Выдержит ли Томин? Можно ли снять какие-то части с левого берега? Сейчас — нельзя. Белоказаки упорно атакуют. Судьба армии зависит от строительства моста.

Главком надел фуражку и торопливо зашагал к берегу. Увидел огромную шевелящуюся толпу. Скрипели повозки, ржали лошади. Белыми птицами взлетали щепки. Пилы жадно грызли бревна. Блюхер без труда определил — работа выполнена примерно на одну четверть. За сутки, пожалуй, мост не сделать. И материал подержанный. Выдержит ли мост обоз раненых, беженцев и артиллерию?

Подбежал Голубых. Мокрая гимнастерка прилипла к лопаткам. Шумно дыша, доложил:

— Купил два дома. Еще три сарая разобрали. А главное, народ тащит и тащит. С миру по бревнышку да по досочке. Вот жаль, скоб нет… Гвоздей новых…

В воду рухнул снаряд. Взрыв взметнул высокий столб воды. Брызги окатили Блюхера и Голубых.

Люди припали к земле. Седой старик что-то крикнул по–своему. Башкиры быстро встали. Их руки нашли топоры и пилы.

Голубых попросил:

— Уходи, Василий Константинович. Справимся, не беспокойся…

С правого берега докатилась частая пулеметная и ружейная стрельба.

— Никогда еще так трудно не было, — тихо сказал Блюхер. — Как-то там держатся Каширин и Томин…

— Вывернутся. Завидной храбрости командиры.

Блюхер посмотрел на часы, покачал головой и пошел в штаб.

А в это время Иван Каширин, развернув прибывшую пехоту для обороны района переправы, приказал Семену Голунову послать разведку и выяснить, какие силы прикрывают наступающих вдоль берега Уфы белых.

Командир Верхнеуральского отряда Иван Дмитриевич Каширин

Разведчики вернулись довольно быстро и сообщили, что тыл противника ничем не прикрыт. Доложив об этом Каширину, Семен Годунов попросил заменить спешенных кавалеристов стрелками и послать конницу в тыл врага. Каширин одобрил смелый план Голунова.

Рейдовую группу возглавил один из самых отважных и смекалистых командиров казачьего полка Федор Андрианович Вандышев.

Прошло двадцать минут. Два полка белогвардейцев при поддержке пулеметов и четырех орудий непрерывно атаковали окопавшихся верхнеуральцев. Кончались патроны. Годунов

посмотрел на часы. Пора! По времени Вандышев должен быть в хуторе Дребневском. Подал команду:

— Приготовиться к атаке!

У противника было значительное численное преимущество. Верхнеуральцы и белоречане понимали — отступать некуда, сбросят и потопят в реке. Дружно поднялись и пошли вперед. И белые встали, развернулись в цепь.

Крики «ура» с той и другой стороны заглушил свист и нарастающий цокот копыт. Красные конники с тыла врезались в ряды белогвардейцев. Началась беспощадная рубка…

Затяжной бой закончился полным разгромом наступающего противника.

В тот памятный час эскадронный Федор Вандышев получил от товарищей звание «обходного генерала».

Иван Каширин написал рапорт:

> «Главкому товарищу Блюхеру. 3.1Х.19 часов.
>
> Доношу, что, несмотря на упорное сопротивление, белые разбиты. Двести человек взято в плен. Остальные изрублены и утонули в реке. Наши трофеи — три орудия и шесть пулеметов. Потери выясняются.
>
> Командующий Верхнеуральским отрядом Иван Каширин»[21].

Передал ординарцу:

— Пулей лети!

На столе Блюхера лежало донесение от командира Уральского отряда Ивана Павлищева. Он сообщал: «Противник непрерывно атакует части. Бьет с фланга, пытается прижать к Уфимке. С большим трудом сдерживаем напор. Опасаюсь за исход боя».

Главком приказал связному:

— Передайте Павлищеву — Казанку удержать любой ценой.

К Блюхеру подошел работник штаба Никифор Баранов, глухо сказал:

— Неустойка кругом. А если ворвутся в Красный Яр? Секретные дела надо сжечь.

— Подожди. Только собери на всякий случай.

Дверь распахнулась. Вошел смеющийся казак.

— Ты что зубы скалишь? Нашел время! — пристыдил его Баранов.

— А что мне плакать, что ли? Мы, верхнеуральцы, беляков разбили вдребезги. Во привез!

И казак передал Блюхеру рапорт Ивана Каширина.

Главком прочитал, потряс руку казаку:

— Спасибо, дружище. Сто пудов с сердца снял. Передай Ивану Дмитриевичу Каширину — вся армия благодарит за победу!

В избу торопливо вошел адъютант главного штаба Яков Суворов. Приминая длинные курчавые волосы, что-то шепотом передал Блюхеру.

Улыбка сошла с лица главкома:

— Вот что, сейчас же лети к Томину. Патронов ему дадим. Две. Нет, три тысячи. Заслужил. Пусть держится из последних сил.

Суворов ушел.

Пригибаясь в дверях, в избу вошел связной.

Блюхер вскочил, бросился к нему:

— Как там Павлищев?

— Все покончили!

— Как это «покончили»? Отряд разбит?

— Да нет, товарищ главнокомандующий! Наши белых разбили. Случай помог. Поймали связного беляков с важным приказом. Ихний командующий решил стянуть все силы, ударить в левую сторону и сбросить, значит, нас в Уфимку. Тогда Павлищев сам перешел в атаку с левой-то стороны, а две роты послал в тыл. Неприятеля вдрызг разбили! И самое дорогое выскажу — захватили пятьдесят тысяч патронов.

— Вот выдумщик!

— Вот те крест. Только Павлищев просит не отбирать. Могут новые беляки наскочить.

…Томин допрашивал только что захваченных в плен двух оренбургских казаков. Они рассказали, что за атакующей пехотой стоят в полной готовности несколько конных полков, которые сразу же войдут в прорыв и вырубят красных.

И тогда Томин приказал командиру 17–го Уральского полка Александру Кононову гранатами и штыками отбросить врага от Старо–Кулево. В бою отличилась 2–я рота. Бойцы встретили набегающих белогвардейцев гранатами и яростно кинулись в рукопашную.

Противник отошел на три версты.

Адъютант штаба 30–й дивизии Виктор Сергеевич Русяев

…В это же время по только что построенному мосту началась переправа. Блюхер сам следил за порядком. У одного беженца на мосту слетело с телеги поврежденное осколками колесо. Движение приостановилось. На берегу сгрудились сотни подвод. Горбатый мост угрожающе затрещал. Блюхер крикнул:

— Осади назад! Назад! — и побежал к беженцу. Тот пристраивал колесо.

— Ты что делаешь? — с трудом сдерживая ярость, спросил Блюхер. — Устроил пробку.

— Не шуми! Вот сейчас починю и поеду.

Блюхер подозвал трех боевиков:

— Распрягите! Повозку в воду!

Всхлипывая, беженец влез на коня.

Блюхер почувствовал себя неловко:

— Не горюй, батя, заплатим. Купишь новую телегу.

— Сам виноват. Всех задержал. Прости старого дурака, — и беженец ткнул пятками в мохнатый живот коня. — А ну, пошел, голубок, пошел!

Последними уходили из Красного Яра кавалеристы–разинцы и саперная команда Михаила Голубых. Мост облили керосином, подожгли.

Башкиры стояли на берегу, плакали:

— Ай, большевик, что сделал большевик. Такой большой мост. Один день жил мост.

Махая фуражкой, Голубых прокричал:

— Мы скоро вернемся. Построим новый. Ждите нас, товарищи!

…Рано утром 12 сентября 1918 года разведывательный отряд, возглавляемый коммунистом Виктором Сергеевичем Русяевым, у деревни Тюйкно–Озерской встретился с передовой заставой 6–й

роты 1–го советского Бирского полка 5–й Уральской дивизии.

Беспримерный рейд завершился — бойцы–южноуральцы пришли к своим.

Не скрывая гордости и радости, главнокомандующий Василий Константинович Блюхер отправил в Совнарком В. И. Ленину, в Пермский областной комитет и всем, всем, всем телеграмму:

> «Приветствую вас от имени южноуральских войск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1–го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17–го Уральского стрелковых полков, 1–го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхнеуральского казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче–Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полуторатысячный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом»[22].

V. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

1

Вести о рейде по тылам врага армии южноуральских партизан пронеслись по всей Советской республике. Член Уральского Совета и Уральского комитета РКП (б) старый большевик А. П. Спунде 19 сентября 1918 года беседовал с В. И. Лениным о героическом походе южноуральцев от Белорецка до Кунгура. Владимир Ильич попросил Спунде прислать подробные сведения о главнокомандующем армией Блюхере. В тот же день Спунде написал письмо, в котором дал высокую оценку боевой деятельности Василия Константиновича Блюхера как по ликвидации дутовщины, так и в организации и проведении рейда. От имени руководителей Уральской областной партийной организации А. П. Спунде просил о том, чтобы:

> «1) Блюхер с его отрядами был бы отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай;
>
> 2) чтобы он получил командный пост такой, который дал бы ему возможность руководить III армией. Указывают на III армию, так как т. Блюхер тесно связан с Уралом, в частности с казачьей молодежью, и потому здесь он был бы максимально полезен…»[23]

Революционный Военный совет 3–й армии обратился с ходатайством к Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о награждении В. К. Блюхера орденом Красного Знамени. В нем говорилось: «Без снарядов, патронов и снаряжения Блюхер ведет своих героев, пролагая свой путь чаще всего штыками. Разбивая отряд за отрядом, он пользуется взятой военной добычей для новых наступлений и новых побед. Он рвет путь между Златоустом и Уфой на 44–й версте и тем облегчает казанскую операцию… Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии.

Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение.

А поэтому Военный совет ходатайствует о награждении Блюхера революционным орденом Красного Знамени»[24].

Ходатайство уральских большевиков и Реввоенсовета 3–й армии было удовлетворено. Вопрос о награждении Блюхера разбирался на заседании ВЦИК 30 сентября 1918 года. Председательствующий Я. М. Свердлов предложил первым орденом Красного Знамени наградить главнокомандующего Южноуральской армией Василия Константиновича Блюхера. Это предложение было принято единогласно и на следующий день опубликовано в газете «Известия».

Первым поздравил Блюхера командующий 3–й армией Рейнгольд Иосифович Берзин.

Поблагодарив командарма, Блюхер счел своим долгом заметить:

— Чувствую себя неловко. Почему-то я один хожу в именинниках. Больше того — в вождях. Самой высокой награды заслуживают Иван Каширин, Николай Томин, Иван Павлищев и Михаил Калмыков. И особенно мой заместитель, первейший помощник в походе — Николай Дмитриевич Каширин[25].

…19 сентября Военный совет 3–й армии телеграфировал главнокомандующему вооруженными силами Республики И. И. Вацетису:

> «3–я армия переживает критические минуты. 4–я дивизия в районе Красноуфимска окончательно разбита… В 3–й дивизии в районе железной дороги Шамры — Кунгур полное разложение… В 1–й дивизии после боев осталось только 3 тысячи штыков в районе Алапаевска. Во 2–й дивизии в районе Тагила до 900 надежных штыков…
>
> Шлите срочно резервы»[26].

Полки, сводного Уральского отряда В. К. Блюхера по приказу командарма Берзина были включены в состав 4–й Уральской стрелковой дивизии. Ее начдивом стал В. К. Блюхер, а его заместителем — Н. Д. Каширин. Бригады приняли Иван Каширин, Иван Павлищев и Николай Томин.

4–я Уральская дивизия получила приказ «занять пункты по линии Богородское — Суксунское — Осиновское и вести наступление на Красноуфимск — Бисертский завод с целью захватить Западно–Уральскую железную дорогу у ст. Гробово-Шемаха.

В то же самое время ввиду критического положения 3–й дивизии в районе Пермской ж. д. оказать активную помощь по ликвидации наступления противника по Пермской ж.-д. и для активного перехода нашими частями в наступление на ст. Кузино»[27].

Командующий 3–й армией Восточного фронта Рейнгольд Иосифович Берзин

Полки 4–й Уральской дивизии отбили многочисленные атаки противника и перешли в наступление. 27 сентября Блюхер доложил, что части дивизии заняли Молебский завод.

Через три дня враг был выбит из Нижнего и Верхнего Иргинских заводов. Продолжая наступление, части дивизии 1 октября взяли большое село Богородское. После ожесточенного боя полки 1–й бригады ворвались в город Красноуфимск.

Это были первые победы, наступившие после полосы поражений на фронте 3–й армии. Командарм Берзин прислал на имя начдива Блюхера телеграмму: «Приветствую в лице Вашем ваши доблестные войска за новую победу, взятие Красноуфимска. Результаты этой победы наш заклятый враг скоро почувствует. Вперед, без страха и сомнения, славные герои революции! От лица службы благодарю. Берзин»[28].

4–я Уральская дивизия отбросила вражеские полки за линию рек Сылвы, Батама, Бисерти, Уфы. Значительно улучшилось положение всей 3–й армии, однако ее дивизии сильно нуждались в пополнении бойцами и боеприпасами и действенной помощи 4–й Уральской оказать не могли.

Блюхер постоянно изучал силы противника. Глубокая тревога охватила начдива, когда он узнал, что белогвардейцы сосредоточили против его измученных полков свежие дивизии. Бойцы 4–й Уральской вырвались вперед и держат огромный фронт. Нет уверенности в том, что фланги надежно прикрыты. Обстановка подсказывает — дальше наступать нельзя, могут отсечь и уничтожить. О своих опасениях начдив докладывает

командарму. Тот согласен с выводами Блюхера: в армии только одна боеспособная дивизия — четвертая, она должна сорвать наступление противника на кунгурском направлении.

Остановить врага! Только мужество и стойкость боевиков Урала могут спасти истекающие кровью малочисленные дивизии 3–й армии. И начдив Блюхер вновь напоминает своим бойцам — смело и отважно защищайте каждую позицию. Ни шагу назад!

И уральцы стояли так, как приказал начдив.

У села Осинцево боец Богоявленского полка Игнат Комаров первым ворвался в окоп, штыком заколол наводчика и заряжающего, повернул пулемет и открыл меткий огонь по белогвардейцам.

Красноармеец Архангельского полка Ахмет Купов по–пластунски подполз к вражеской огневой позиции и, подняв гранату–лимонку, крикнул:

— Сдавайся, пока живы!

Пулемет «максим» и пять пленных захватил Ахмет Купов.

Рядовой того же полка коммунист Бабушкин с восемью товарищами был окружен взводом чехословаков.

— Возьмем в штыки, ребята! В штыки! — воскликнул Бабушкин. Сильный, рослый красноармеец штыком и прикладом уложил пять солдат. Подвиг героя рождает героев. В рукопашной схватке бойцы одолели врагов, отбили два станковых пулемета и сразу же пустили их в дело — били в упор по бегущим в атаку и рассеяли вражескую цепь.

Узнав о подвигах бойцов–героев, начдив Блюхер посоветовал военному комиссару А. Л. Борчанинову:

— Организуйте беседы о Комарове, Купове, Бабушкине и других храбрецах. Об их подвигах должна знать вся дивизия.

В полночь 17 октября враг повел наступление насело Богородское. Внезапная атака была отбита. Через час около двух тысяч белогвардейцев снова двинулись на Богородское и окружили село. Бой был затяжным, яростным, беспощадным. О его исходе Блюхер сообщил по дивизии: «…Наши части разбили противника окончательно. На месте осталось не менее 100 убитых, не считая раненых. Для преследования брошена кавалерия. Конница противника, пытавшаяся прикрыть бегущих, опрокинута и частью изрублена. Преследование продолжалось до позднего вечера. Захвачены пленные, оружие и предметы боевого снаряжения»[29].

Каждая победа достается тяжелой ценой. Просматривая ежедневно сводки потерь, начдив Блюхер с глубокой болью прощался с боевыми друзьями–товарищами. Вот уже месяц стоят уральцы на линии огня. Ни умыться, ни согреться, ни починить

обмундирование и обувь. Даже у сильных сдают нервы. Командир Богоявленского полка, человек несгибаемой воли, редкого самообладания и храбрости, Михаил Калмыков со слезами на глазах рассказывал, как погибли под Осинцевом командир 1–й роты родной брат Федор и самый юный боец Петр Воронов. И в памяти Блюхера встала незабываемая ночь прощания дружинников с родными в Богоявленском заводе. Как будто вчера это было: привел коммунист Воронов шесть сыновей, молодец к молодцу, и сказал, не скрывая гордости:

— Бери, Федор Васильевич, всех нас добровольцами.

И вот уже нет большевика ротного Федора Калмыкова. И нет младшего брата в большой дружной семье Вороновых. Тают полки. Гибнет несгибаемая гвардия Южного Урала. Слишком неравные силы встречаются на опаленных огнем рубежах. И начдив Блюхер просит командарма Берзина усилить дивизию хотя бы двумя полками.

Ответ командарма предельно краток — резервов нет, все на фронте.

Усиливаются морозы. Нет глицерина и вазелинового масла, и главная огневая сила — пулеметы все чаще и чаще отказываются работать. А противник вводит в бой все новые и новые части. Не менее трех дивизий сдерживают уральцы. 24 октября 1918 года два полка белогвардейцев навалились на сводный батальон, возглавляемый Михаилом Калмыковым. Три дня отбивали атаки. Белое командование подбросило новые силы, обрушив их на левый, плохо прикрытый фланг. Калмыков вынужден был отвести бойцов на новые позиции.

Прочитав донесение Калмыкова, начдив Блюхер вызвал своего заместителя Николая Каширина и военкома Оскара Калнина. Показав на стулья, попросил:

— Присаживайтесь, товарищи. Подумаем, что делать.

— А что случилось?

— Калмыков отступил.

— На войне всякое бывает.

— Калмыков никогда без приказа не отступал. Значит, пришел предел физическим силам. Это нам с вами сигнал — решайте, пока не поздно, как спасти дивизию. Наш левый фланг не прикрыт. Нам надо выравнивать линию фронта — отходить.

Николай Каширин осторожно заметил:

— Не только левый, но и правый фланг явно не надежен. Наши полки обескровлены. И все-таки, прежде чем принять решение об отступлении, нужно обратиться с просьбой к командарму о выделении хотя бы двух свежих полков в наше распоряжение.

— Мы просили — нам отказали, — угрюмо сказал Блюхер.

— Попросим еще. Может быть, подошли резервы.

В тот же день Блюхер обратился в Реввоенсовет 3–й армии с просьбой прислать не менее двух полков пехоты. Не получив ни одного бойца, Блюхер приказал командирам бригад отвести полки на позиции по реке Сылве. Это было единственно правильное решение. Сократив линию фронта и заняв выгодные оборонительные рубежи, 4–я Уральская в предельно короткий срок привела в боевой порядок свои части.

Объезжая бригады, Блюхер почувствовал, как вновь заныли старые раны. Комбриг Павлищев, здороваясь с начдивом, покачал головой:

— Ой, как вы скверно выглядите, Василий Константинович. В чем только душа держится?

— Надо выполнять свой долг, Иван Степанович. Надо. Докладывайте обстановку.

— Вначале попьем чайку. Подкрепитесь с дороги. Не беспокойтесь. Позиции удобные, держим прочно…

В канун первой годовщины Октября полки 4–й Уральской вновь перешли в наступление. 14 ноября белогвардейцы были выбиты из села Урминское. Двое суток кипел бой на подступах к Молебскому заводу. Укрепленные позиции были прорваны. Разбиты 6–й Чешский, 25–й Екатеринбургский и 27–й Камышловский полки. Красные флаги взвились над Молебским заводом.

Революционный Военный совет армии приветствовал героев: «С радостью мы узнали, что соединенными усилиями 1–го Уральского и Богоявленского полков противник раздавлен и Молебский завод взят. Вы с гордостью можете сказать, что исполнили свой долг перед Революцией. Ваше мужество и стойкость послужат примером для других частей армии.

Именем Революции Военный совет объявляет вам свою сердечную благодарность»[30].

Бессонные ночи, напряженные боевые дни свалили Блюхера. Снова открылись раны. Медицинская комиссия, обследовавшая начдива, отметила: «В области левого тазобедренного сустава спереди… тянется рубец размером 30 см в длину и 20 см в ширину.

Часть повздошной кости раздроблена и части ее удалены при операциях.

Движения в области сустава ограничены во все стороны.

При непродолжительной ходьбе появляется боль в пораженном месте».

Врачи настаивали на госпитализации. Блюхер попросил

краткосрочный отпуск. Перед отъездом в родную Барщинку начдив обратился к бойцам и командирам с теплым, сердечным словом: «…Уезжая, я душой остаюсь с вами. Дни боевого счастья будут моими днями, и уверен, что по возвращении встречу у вас тот же бодрый дух, ту же тесную семью, которую не поколеблют никакие испытания суровой борьбы за счастье пролетариата. От всей души желаю вам боевого счастья и славы!»[31]

2

Мать обрадовалась:

— Вася, сынок, ты ли это? Почитай, с полгода ни слуху ни духу не было. Думали, не отслужить ли панихиду. Слава богу, живой. А ты чего с дубинкой-то? Раненый или как?

— Это царские раны покоя не дают. Когда много хожу, сильно болят рубцы. Вот отдохну немножко, поправятся.

— Худущий ты. Гляжу и не признаю. Во всем обличье нос да глаза остались прежние. Где ты сейчас, Васенька?

— На Восточном фронте, мама.

— Солдат или фельдфебель какой?

Василий улыбнулся:

— Командир. Начальник дивизии.

— Ну а если по–старому, в каком будешь чине?

— Да что-то вроде генерала.

Мать замахала руками:

— Ну и насмешил! Посмотри-ка на самого себя, генерал. Гимнастерка выгорела, сапожонки ободранные, разбитые. Я два раза видела генерала. От него блеск на версту. Ты об этом соседям не брякни, засмеют. Садись-ка к столу, я тебя тюрей угощу.

— У меня деньги есть. Купи что-нибудь.

— Сейчас ничего не купишь. Всем власть хороша, только вот есть нечего.

Василий ничего не сказал, сел к знакомому столу.

Мать проворчала:

— В божий угол-то и не глянешь?

— Бога нет, мама. Но ты особенно не горюй, проживем и без него.

— Вижу, как живете. Сахара нет, мыла нет, керосина нет.

— Все будет, потерпи немножко, все будет…

В избу вошел невысокий коренастый краснощекий Павел. Ахнул, увидев брата, кинулся на шею, поцеловал в щеку:

— Живой, я говорил, что живой! Насовсем отпустили или на

побывку?

— В отпуск. За тобой приехал. Поедем белых бить.

— А что! Поедем. Хоть завтра!

— Никуда не пущу. Одного покалечили, теперь и другого. Не пущу, — сердито сказала мать. — Все разлетелись в разные стороны. Одна осталась.

Василий почувствовал себя виноватым. Ничего не писал и ничего не посылал домой. А ведь она ждала весточки, думала, плакала. Нехорошо, очень скверно. Приехал и подарка не привез. Надо Павла наладить в Рыбинск, пусть купит что-нибудь на базаре.

Павел смотрел широко открытыми влюбленными глазами на старшего брата и не мог дождаться, когда же он пообедает и будет рассказывать о том, что видел и пережил на фронте. Как только мать вышла в сени, шепнул:

— А я с тобой все равно удеру. Что мне здесь зря пропадать. От девок и баб проходу нет. Ни парней, ни мужиков. Все на войне. Подожди, и тебе тоже достанется.

— Да я не из пугливых, — рассмеялся Василий. — Ты лучше расскажи, как живете? Землю-то поделили?

— А как же, по новому закону. По справедливости. Земли много. Может, по весне приедешь? Станем жить вместе… Женишься…

— Не знаю, что будет по весне, но домой, пожалуй, не вернусь. Куда партия пошлет, туда и поеду…

— А может, в Барщинке-то лучше? Исхудал ты, страшный весь.

— Болею.

— Ничего, вылечим. Меду достану, свинины. Здорово помогает.

И верно — достал. Принес бутылку самогонки.

— Первач! Хватим на радостях. За встречу!

— Не пью. Доктора запретили.

— Им видней. Да ты ешь, ешь, поправляйся. И ни про что не думай…

«Весь в маму и рассуждает точь–в-точь, как она, — усмехнулся Василий. — Да разве можно не думать о друзьях южноуральцах, ведущих непрерывные бои под Кунгуром! Разве можно спокойно лежать в теплой пахнущей яблоками и квашеной капустой хате, если родную землю со всех сторон атакуют враги! Трудное, смертельно опасное время».

Тягостно вынужденное безделье. Днем можно читать. Спасибо Павлу, в волости достает и приносит газеты и книги. А с наступлением темноты приходят соседки, и начинаются

домашние разговоры о лошадях, коровах, поросятах и прочей живности.

Павел уговорил — свел на вечеринку. Посмотрел на перезрелых невест и поющих похабные частушки юнцов, и стало не по себе. Медленно входит новая жизнь в старую Барщинку. Ничего, прибудут фронтовики, все переменится. Злился на зудящие раны, на немощное, старческое тело.

И все-таки деревенское густое молоко, мед и сало помогли. В первых числах декабря Василий Блюхер выехал на фронт.

Своего помощника Николая Каширина начдив 30–й (дивизия получила новый номер) Блюхер не нашел в штабе.

— Николай Дмитриевич на передовых позициях, — не скрывая тревоги, доложил начальник штаба Цветков. — И комиссары уехали в бригады. Плохие дела у нас. Колчак проводит поголовную мобилизацию и гонит полки на фронт. Появились лыжные батальоны, которым нельзя отказать в нахальстве и смелости. Не успеваем отбивать атаки. Соседняя, двадцать девятая дивизия потеряла более половины своего состава. Отступаем. Наши фланги открыты.

— Покажите последние оперативные сводки, — попросил Блюхер.

Читал, нервно пощипывая карандаш. Дивизия в тяжелейшем состоянии. Много убитых, раненых, обмороженных. Мороз в тридцать градусов, а бойцы в старых разбитых ботинках. Теплых портянок и тех нет. Горячей пищи не имеют и хлеба получают четверть фунта на день. И все-таки держат фронт. Похоже, что высшее командование Республики недооценивает пермское направление. А именно здесь Колчак наносит главный удар.

Блюхер, конечно, не знал, что еще 13 декабря 1918 года Председатель Совнаркома В. И. Ленин указал Председателю Реввоенсовета Республики: «Пермь в опасном положении. Считаю необходимым послать подкрепление. Питер может дать полки советской бедноты, их там два, или другие, по указанию Реввоенсовета. Предлагаем Вам сделать надлежащие указания возможно скорее. Предлагаем указать Реввоенсовету на огромную важность Кизеловского района Перми, снабжающего углем заводы и всю железную дорогу. Потеря Кизела остановит движение»[32].

Эта телеграмма была подписана также Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым.

Главнокомандующий И. И. Вацетис отдал распоряжение направить в 3–ю армию стрелковую бригаду. Кроме того, главком приказал командармам 2–й и 5–й перейти в наступление и отвлечь от Перми часть войск белогвардейцев.

Эти меры оказались недостаточными и запоздалыми.

Противник сосредоточил крупные силы в районе Кунгура. У деревни Верхние Исады белогвардейцы окружили и уничтожили 1–й морской Кронштадтский полк.

Блюхер выехал на самый трудный и опасный участок— к Нижним Исадам. Измученные непрерывными кровопролитными боями, части отступали. Начдив ввел в сражение последний резервный-—Белорецкий полк. Командир полка А. В. Пирожников с марша повел бойцов в атаку. В рукопашной, жаркой схватке белорецкие рабочие разбили наступающих и отбросили на 20 верст.

Эта маленькая победа обрадовала Блюхера. Приведя части в порядок, он вывел их на выгодные для обороны Кунгура рубежи. Семь дней и ночей бойцы доблестной 30–й дивизии защищали Кунгур. Силы были неравными. Генерал Гайда все время бросал в атаки крупные свежие части. Днем 21 декабря белогвардейцы заняли Кунгур.

Начдив приказал отходить медленно, задерживаясь на каждом рубеже и селении, ни в коем случае не отрываться от флангов соседей.

Установить связь с соседями было очень трудно. Измученная, обескровленная 29–я дивизия и только что сформированная 4–я Уральская дивизия не могли остановить превосходящие силы противника. В ночь на 25 декабря колчаковцы ворвались в Пермь.

Тяжелая весть ошеломила Блюхера. Фронт 3–й армии разорван на части. Сейчас надеяться на пополнение полков дивизии нельзя. Да и полков, по существу, нет — есть сводные батальоны. Их надо как-то подкрепить, иначе они превратятся в роты. Единственный выход — расформировать 5–ю, 6–ю и Архангельскую бригады и влить их бойцов и командиров в другие части. За счет сокращения штабных и тыловых подразделений значительно увеличится количество активных штыков. Начдив провел перестройку в боевой обстановке. Бригад стало меньше, а дивизия боеспособнее.

Молодой полководец Василий Блюхер на собственном опыте убедился: главное зло на войне — это отсутствие должного взаимодействия между соединениями. Сколько раз соседи оставляли неприкрытыми фланги и ставили в смертельно опасное положение бригады 30–й дивизии. Так было, когда 2–я бригада 29–й дивизии, не выдержав ударов белогвардейцев, оставила село Усть–Сына и не предупредила об отступлении комбрига Ивана Павлищева. Опытный командир вовремя разгадал намерение противника прорваться в тыл его полкам и доложил об этом начдиву. Блюхер приказал Павлищеву отойти к западному берегу Камы.

Крайне сложная, тяжелая обстановка создалась на осинском направлении. На позиции 1–го Красноуфимского полка навалилась 7–я дивизия противника. Блюхер понял замысел генерала Гайды: любой ценой разгромить красноуфимцев, ворваться в город Осу и, форсировав Каму, выйти в тылы красных. Трудно, очень трудно задержать превосходящие силы противника (и особенно лыжников), если в резерве нет ни одного штыка. И самое скверное — нет должного контакта с частями 2–й армии (В. И. Шорина), которые до сих пор не заняли участок, указанный разграничительной линией.

После долгого, мучительного раздумья поздно вечером 8 января 1919 года начдив Блюхер приказал комбригу 1 И. К. Грязнову: «…Упорно оборонять занимаемый участок и подступы к Осе. В случае же невозможности больше держаться на указанной линии, медленно отходить, задерживаясь на каждом рубеже, на фронт: Ерзовка (Поташки)—Петухово — Беляево включительно, который и оборонять, обеспечивая правый фланг дивизии от могущего быть обхода противника, в случае разрыва с частями 2–й армии. Вести самую широкую разведку и наблюдение за движением противника в западном направлении от г. Осы.

Считаю нерадением перед Республикой, что до сих пор командармом 2 не занят участок, указанный последней разграничительной линией между 2–й и 3–й армиями, и не оказана помощь, за счет имеющихся армейских резервов, частям 1–й бригады, в частности 1–му Красноуфимскому полку, изнемогавшему в боях с 7–й дивизией противника в районе г. Осы, и всю ответственность за могущий произойти прорыв возлагаю на командарма 2»[33].

В этом же приказе начдив Блюхер определил пункты, опираясь на которые части должны были создать прочную оборону на западном берегу Камы.

Используя выгодные естественные рубежи, начдив Блюхер остановил продвижение противника на всем вверенном ему участке. Наконец-то представилась возможность вымыть бойцов, прожарить их обмундирование, починить обувь. Короткая передышка преобразила изнемогающие от усталости и холода полки.

В середине января Блюхер выехал в Огерский завод к комбригу Грязнову и вместе с ним разработал операцию по разгрому гарнизона противника у села Дворецкое. Этот населенный пункт защищала слывшая непобедимой и пользующаяся особым вниманием адмирала Колчака усиленная штурмовая бригада.

18 января Блюхер пожелал Грязнову:

— Стукни, Ваня, за всех нас. Не считайся с громкими титулами, бей по флангам крепче.

И на следующий день комбриг Грязнов неожиданно перешел в контрнаступление и, разгромив «непобедимых штурмовиков», занял село Дворецкое. Как нужна была эта небольшая победа! Она пролетела по фронту армии, вдохновляя бойцов на стойкость, на подвиги. Воспрянула духом пополненная 29–я стрелковая дивизия и тоже пошла вперед. С обнаглевшего противника сбили спесь, выгнали из Нытвенского завода и станции Менделееве. Рано сбросил со счетов адмирал Колчак 3–ю советскую армию. Она жила, залечивала раны и отважно сражалась за каждую пядь родной земли.

Комбриг 1 30–й стрелковой дивизии Иван Кесарьевич Грязнов Снимок 1925 г.

24 января 1919 года Военный совет Восточного фронта послал в 30–ю дивизию приветствие: «…Второй день 29–я и 30–я дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3–й армии. Реввоенсовет всегда был уверен, что временные неуспехи частей 3–й армии не могли сломить ее революционного духа, мужества, и теперь как нельзя лучше неожиданный для противника переход в наступление подтвердил эту уверенность…»[34]

3

31 января 1919 года Василия Константиновича Блюхера назначили помощником командующего 3–й армией.

Зима 1919 года была тяжелой, смертельно опасной для армий Восточного фронта.

Стремясь во что бы то ни стало соединиться с войсками интервентов и белых на севере, главнокомандующий Колчак создал крупные, хорошо вооруженные и обмундированные войсковые соединения и бросил их в наступление.

4 марта Сибирская армия генерала Гайды, насчитывавшая более 48 тысяч штыков и сабель, обрушилась на плохо прикрытые позиции между 2–й и 3–й армиями и двинулась на Оханск и Осу. К исходу дня помкомандарма В. К. Блюхер получил тревожные донесения из родной 30–й дивизии, которой сейчас командовал Н. Д. Каширин. Она приняла на себя главный удар врага. На следующий день поступили тяжелые вести из соседней, 29–й дивизии.

По приказу командарма С. А. Меженинова Блюхер выехал в район боев. Попытки организовать прочную оборону и отстоять Оханск и Осу не увенчались успехом. Используя численное превосходство, умело маневрируя ударными группами лыжников, командир 1–го Сибирского корпуса генерал Пепеляев 7 марта занял Оханск. На следующий день части Степного корпуса генерала Вержбицкого ворвались в город Осу.

Над полками 29–й дивизии нависла угроза окружения. Командование 3–й армии вынуждено было отводить части назад — в район станций Бородулино — Юлезино на железнодорожной линии Пермь—Глазов.

Дальнейшее продвижение белых на север угрожало крупному железнодорожному узлу — городу Вятке. Главное командование Красной Армии решило создать на Восточном фронте несколько укрепленных районов, опираясь на которые можно было бы остановить наступающие в глубь страны дивизии противника и затем перейти в контрнаступление. Комендантом Вятского укрепленного района был назначен помощник командующего 3–й армией Блюхер.

В начале апреля Блюхер выехал в Вятку, Долго не мог успокоиться и сосредоточиться на новом, совершенно незнакомом деле. С глубокой грустью вспоминал друзей–товарищей, павших в последних суровых боях. Особенно тяжело воспринял весть о гибели комбрига Ивана Степановича Павлищева. Сколько раз водил бойцов в атаки этот храбрый, самоотверженный и умный командир и побеждал врага. Бывшего подполковника Павлищева сразили осколки вражеского снаряда на огневой позиции под Глазовом. Блюхеру был дорог этот сугубо военный, большой силы

воли человек, у него многому научился. Без школы Ивана Павлищева и помощи Николая Каширина он не мог бы стать главкомом партизанской армии.

Вятка встретила колокольным звоном двадцати трех церквей и двух монастырей. После ружейно–пулеметной стрельбы и артиллерийской канонады елейно–малиновый звон показался странным и кощунственным. На улицах нарядная веселая публика. Забавляются, как будто и нет войны. И этот город церквей и монастырей, кожевников и винокуров необходимо превратить в укрепленный район, который должен стойко держать левый фланг фронта и связывать его с северным. Пока ничего нет, все нужно начинать сначала. Сроки строительства предельно жесткие, надо немедленно разрабатывать план строительства фортификационных укреплений, создавать участки, вести работы.

Блюхер поселился в бывшем купеческом особняке по Орловской улице, дом 18. В губернской публичной библиотеке и в городской бесплатной библиотеке–читальне имени А. С. Пушкина отобрал все, что имелось по инженерному делу. Литературу изучал вечерами и постепенно освоил основы фортификационных работ.

За десять напряженных суток Василий Блюхер превратил Вятку в военный лагерь. В состав гарнизона вошли: 1–й рабочий полк тылового ополчения, Вятский отдельный караульный батальон, 1–й Вятский резервный рабочий батальон, 8–й продовольственный полк, легкий артиллерийский дивизион трехбатарейного состава и броневой взвод. Людей нужно было обмундировать, накормить, разместить, обучить военному делу. Не хватало командиров. В 1–м рабочем полку тылового ополчения на 2412 новобранцев имелось всего 12 командиров.

Укрепленный район был разделен на четыре районных участка: Слободской, Вятский, Орловский и Котельнический. Блюхер не сидел в штабе, объезжал обширный фронт строительных работ, устранял недостатки, поощрял отличившихся и наказывал нерадивых. 28 мая он вместе с представителем ЦК РКП (б) Ю. М. Стекловым приехал в город Слободской. Комендант участка, бывший начальник оперативного отдела штаба Верхнеуральского отряда, Сергей Петрович Попов толково и обстоятельно доложил о ходе работ.

— Едем на место, —сказал Блюхер. — Проверим «неприступность позиций» собственными глазами…

Долго ходил по траншеям, осматривал с высоток окружающую местность. Измазался в грязи. Следовавший по пятам худощавый и уже немолодой Стеклов взмолился:

— Хватит вам резвиться, Василий Константинович. В пот загнали.

— Не все ладно, — строго сказал Блюхер. — Плохо используются командные высоты. Надо производить в первую очередь работы, повышающие обороноспособность позиции. Вот, смотрите, участок перед нами оборудован хорошо, а замаскирован скверно, да и обзор и сектор обстрела совершенно незначительны. Все надо делать так, как будто самому придется воевать и отбивать атаки белогвардейцев. А вы как думаете, товарищ Попов?

— Совершенно верно. Да вот инженерных работников мало. Один за всем недосмотришь.

— А надо! Надо напрячь все силы. У Колчака большая и сильная армия. Его только начинают бить.

— Быстро выматываются люди. Скажешь: «Мало сделали, ребята». А они отвечают: «Больно уж харчишки тощие, товарищ комендант. Хвост селедки да полфунта хлеба. Изо дня в день. Еле ноги волочим». И это сущая правда. Спасибо матушке–природе, собираем щавель и еще какие-то съедобные корешки. Записывайте, записывайте, товарищ Стеклов. В Москве будете, передайте товарищу Ленину, как наши люди живут и работают.

— За корешки и щавель благодарю, — улыбнулся Блюхер. — Слободской районный участок — один из лучших. Однако недоделки есть, и их надо срочно устранить. К пятнадцатому июня все работы должны быть закончены.

— Постараемся, товарищ Блюхер. А сейчас поедемте ко мне. Адъютант постарался, где-то две старенькие курицы купил. Кухарка суп варит. Вот только соли нет.

— Это общая, но, безусловно, временная беда, — сказал Стеклов. — Пусть суп будет без соли, главная задача— Колчаку насолить. Поехали, товарищи.

Результаты поездки Блюхер обобщил в приказе по Вятскому укрепленному району № 4 от 30 мая 1919 года. В этом документе были вскрыты характерные недостатки строительных работ и указывались пути скорейшего завершения намеченных планов по всем четырем районам.

Много внимания Блюхер уделял боевой подготовке частей гарнизона. В ночь на 15 июня в районе городского стрельбища за станцией Вятка–вторая было проведено двухстороннее учение 1–го Вятского резервного полка. Занятия прошли успешно. В приказе Блюхер отметил лишь недостаточную активность младших командиров при решении учебных задач. В связи с этим он указывал: «…На всех учениях командирам частей требовать от своих подчиненных проявления инициативы и поощрять таковую,

помня, что исход боя во многом зависит от самодеятельности и личного почина младших начальников»[35].

Блюхер внимательно следил за ходом боевых действий на обширном Восточном фронте. В кабинете висела большая карта. Вечерами Василий Константинович по газетам и сводкам переставлял алые и белые флажки. Алые теснили белых. И это очень радовало. И в то же время было грустно — боевые друзья идут в наступление, а он сидит в тылу. Строит укрепления, которые, может быть, совсем и не понадобятся. И Блюхер пишет рапорт, в котором просит направить его на фронт. Ответ задерживается. Блюхер посылает второй рапорт, где указывает, что работы по Вятскому укрепленному району завершены и он не может больше оставаться здесь, в глубоком тылу, — его место на боевых позициях. И добивается своего. В июле 1919 года ему поручают сформировать 51–ю стрелковую дивизию. Сдав дела по Вятскому укрепленному району Сергею Попову, Блюхер стал отбирать сотрудников для штаба дивизии.

Одну стрелковую бригаду Блюхер укомплектовал из частей и управлений Вятского укрепленного района. Приходилось много ездить, подбирать и проверять людей, хлопотать об их материальном обеспечении.

И в этот памятный день Блюхер возвращался в штаб усталый и недовольный. Дела идут медленно, и неумолимо надвигаются сроки выезда на фронт.

В окно вагона Блюхер увидел белокурую девушку в пестрой клетчатой блузке. Она стояла на перроне, юная, красивая, кому-то махала загорелой рукой и весело смеялась.

Поезд остановился. Блюхер вышел, осмотрелся. И, не увидев девушку, пожалел, что пассажиров много, пропала в толпе.

На следующий день Блюхер увидел девушку в яркой четырехцветной блузке у себя в штабе. Старательно, одним пальцем она переписывала на машинке какую-то деловую бумагу.

Блюхер вызвал адъютанта Баранова, спросил:

— Что это за девица сидит за машинкой? Откуда взялась?

Баранов признался:

— Это я пригласил. Ведь мы давно ищем хорошую машинистку. А она вполне грамотная — кончала гимназию. Дочь учителя.

— А как ее зовут?

— Галина Павловна Покровская. Я ее предупредил— даем испытательный срок. Не справится — уволим.

Блюхер написал на листке: «Галина Павловна Покровская», улыбнулся:

— Не спеши. Я сам проверю.

Подобрал срочные приказания и сам понес на машинку. Галина не заметила, как он подошел, и невольно вздрогнула, услышав:

— Ну как, привыкаете на новом месте, Галина Павловна?

Подняла голову, краснея, сказала:

— Привыкаю как-то медленно. Не знаю, кто составляет эти документы, но в них встречаются ошибочки. И знаете, я переписываю буква в букву и невольно вру. Получается грязно.

Блюхер почувствовал себя неловко. Может быть, это его ошибочки. С грамматикой до сих пор не в ладу. Посоветовал:

— А вы пишите смелее. Скорее научитесь. Предварительно проверяйте текст. Работники штаба спешат и, естественно, ошибаются.

— Постараюсь научиться, — пообещала Галина и склонилась над машинкой.

Василий Константинович посмотрел на юные розовые руки, на чистое, румяное лицо и невольно подумал: «Молоденькая, не больше восемнадцати. Трудно будет в походах и боях. Трудно».

Галина подняла голову, спросила:

— А вы не знаете, главный приехал? Говорят, ужасно строгий. Злой.

— Да, Блюхер приехал. Строгий? Не знаю. Все может быть, все может быть, — сказал Василий Константинович и торопливо прошел в свой кабинет.

Долго сидел, сцепив пальцы. Вот ведь какие встречи бывают! Мысли неподходящие лезут в голову. Не время и не место. И все-таки хороша, очень хороша.

День показался очень длинным. Василий Константинович ушел раньше обычного из штаба. Прошелся по городу, поинтересовался, что идет в местном театре. А что, если взять билеты и пригласить Галину? Ведь на фронте такой возможности не будет. Пусть она сама убедится в том, что главный начальник не такой-то уж строгий и злой человек…

4

Только что сформированная 51–я стрелковая дивизия получила боевую задачу — форсировать реку Тобол и освободить от колчаковцев город Тобольск.

Наступали две бригады. 1–я бригада отбросила противника за Тобол севернее города Ялуторовска, форсировала реку и заняла село Бердюгинское и Петровский завод.

2–й бригаде оказала сильное сопротивление 15–я Боткинская

дивизия противника. После упорных боев 454–й и 455–й полки освободили села Покровское и Сазоновское. Белое командование двинуло против атакующих свою речную флотилию, обладавшую тяжелыми орудиями, и несколько гидросамолетов. Под ожесточенным огнем противника комполка Иван Боряев переправил батальоны через реку Иртыш, разбил 26–й Тюменский полк белогвардейцев и 4 сентября ворвался в Тобольск.

Герои захватили на реке Тавде два парохода. Начдив Блюхер объявил отличившимся частям 2–й бригады благодарность. Пароходы назвали «Спартак» и «Карл Маркс».

Первая победа радовала и настораживала начдива. Полки, продвигаясь вперед, на 300 верст оторвались от штаба дивизии и тыла. Обильные дожди размыли дороги. Тракт Тюмень — Тобольск, по которому снабжались части, превратился в сплошные глубокие ухабы. Повозки застревали в грязи.

Поздно вечером 7 сентября к Блюхеру пришел начальник штаба Манук и, ни слова не говоря, положил на стол телеграмму командующего 3–й армией. В ней предлагалось перебросить 3–ю резервную бригаду в район города Ялуторовска и временно подчинить ее начальнику 29–й дивизии.

Блюхер достал папиросу. Закурил. Развернул карту. Долго смотрел на фронт своей правофланговой соседки. Мацук не выдержал, сказал угрюмо:

— Нельзя отдавать третью бригаду. Мы ее и вооружить-то как следует не успели. Бойцы необстрелянные, и совать в такое пекло…

Блюхер погасил папиросу:

— Запишите для приказа от восьмого сентября: выделение третьей бригады провести срочно с применением подвод и девятого сентября сосредоточить в селе Усть–Ламенское. Не смотрите на меня с такой скорбью. Мне очень не хочется отдавать третью бригаду. Я ее собирался передвинуть в район второй бригады, прикрыть Тобольск. Однако приказы издаются для того, чтобы их выполняли. И обсуждать здесь нечего.

Мацук наклонился над картой и от правого фланга провел к Тобольску жирную отсекающую черту:

— А вот этот вариант вы имеете в виду? Противник потеснил части пятой армии. Перешел в контрнаступление в районе двадцать девятой дивизии. Он может отрезать наши бригады. Что мы тогда будем делать? У нас нет в резерве ни одного бойца.

— Я об этом думаю третий день. Управлять из Тюмени частями под Тобольском нельзя. Я должен немедленно выехать в первую бригаду. Вы останетесь временно исполняющим обязанности начальника дивизии. А сейчас уточним, что нужно

сделать в первую очередь.

Работали до шести часов утра.

Стараясь не шуметь, Блюхер прошел в свою комнату. На кушетке, не раздеваясь, спала Галина Павловна. Чайник, прикрытый маленькой подушкой и плотно заку–тайный платком, был еще теплым. Лежали два ломтика хлеба, намазанные тонким слоем масла.

Блюхер сел на стул, и он предательски заскрипел. Галина проснулась, сказала виновато:

— Ждала, ждала и свернулась. Три раза чайник подогревала. Нельзя так работать, нельзя, Василий Константинович.

— Надо! Обстановка осложнилась. Ну, что смотришь такими грустными глазами? Не волнуйся, все будет чудесно. Только не называй меня Василий Константинович. Как-нибудь попроще.

— Прости, никак не могу привыкнуть. Как все штабные, так и я зову.

Блюхер посмотрел на розовое, юное, милое лицо и решил, что о выезде на фронт скажет только девятого. Впрочем, она узнает завтра вечером, когда будет писать приказ. А если взять ее с собой? Нельзя. Трудный и опасный путь. Первая разлука. Грустно. Тяжело. Поманил рукой:

— Галинка–малинка! Садись рядком — поговорим ладком. Чайку попьем.

— Компанию составлю, но это твоя порция. Не хитри. Ужас, как похудел.

Поцеловала, спросила:

— А как твоя немилосердная спина? Ноет?

Василий Константинович улыбнулся:

— Как увижу тебя, все болячки успокаиваются. Мне очень хорошо с тобой, Галинка–малинка. Хо–ро–шо.

…По дороге на фронт Блюхер узнал, что в районе Усть–Ламенской крупный отряд белой конницы захватил штаб 2–й бригады 29–й стрелковой дивизии. Потерявшие управление части отступают.

Нерадостные вести услышал Блюхер и в штабе 1–й бригады своей дивизии. На пароходах из Томска командир Тобольской группы генерал Франк подвез по Иртышу подкрепления и силой до двух дивизий сбил и отбросил назад 455–й полк. Вскоре в штаб бригады поступили донесения о том, что колчаковцы пробились к Тобольску и заняли его.

Блюхер достал свернутую гармошкой полевую карту и развернул ее на столе. Не спеша прошелся по ней красным карандашом, отмечая пункты, только что занятые противником. И постепенно прояснился замысел опытного и хитрого генерала

Франка — он отсекал вырвавшиеся вперед бригады 51–й дивизии. Для выхода из «мешка» оставался еще не перехваченный белогвардейцами тракт на Тюмень. Это самый короткий путь спасения измученных многодневными боями красноармейцев. Значит, надо собрать полки в один кулак и немедленно отводить их на юг, к штабу дивизии, к базам снабжения.

«А как будет реагировать на такое вот прямолинейное решение генерал Франк?» — задал самому себе вопрос Блюхер. По–видимому, подтянет к тракту полевую артиллерию, пулеметы, а главное, пароходы — плавучие батареи, которые могут свободно маневрировать по рекам Туре и Тавде. И, конечно, будет бомбить отступающих с гидроаэропланов. Может, ввести в дело конницу? Расчленить полки и уничтожить каждый в отдельности?

Выходит, не всякий короткий путь ведет к успеху. Да и будет ли он коротким, если дорога превратилась в вязкое болото и с обозом и ранеными больше десяти верст в день не пройдешь? Значит, надо искать другой выход. А что, если провести что-то похожее на рейд южноуральцев, пройтись по тылам врага на Тобольск, оттянуть на себя дополнительные силы и помочь всей 3–й армии? Понятно, поход будет очень трудным. Кругом враги. Запасы патронов и снарядов подходят к концу. Их надо отбивать у противника. Хлеб и мясо на исходе. Придется питаться одной картошкой. Хватит ли сил и мужества у бойцов? Готовы ли они на такие лишения? Выдержат ли?

Блюхер ознакомил со своим планом комбрига Серебренникова. Тот потер острый небритый подбородок, сказал:

— Бойцы-то выдержат. Народ надежный. Только что будем делать, когда нечем будет отбиваться?

— Пробьемся штыками. Будем действовать, как партизаны— нападать на обозы и склады противника. В этой чертовски сложной обстановке меня тревожит другое: как помешать продвижению белых на Тюмень? Штадив ничего не имеет в резерве. Придется просить командарма, чтобы он вернул нам третью бригаду. Плохо, очень плохо, что мы не знаем подлинной оперативной обстановки на всем фронте.

— Штаб что-нибудь придумает. Пришлет, — не очень уверенно сказал Серебренников.

И он оказался прав. Вскоре в полевой штаб рейдовой группы прибыли связисты: Геннадий Маландин и Александр Вылегжанин. Одетые по–крестьянски, они прошли по глухим лесам и болотам, рискуя жизнью. В доставленном пакете Блюхер нашел оперативные документы.

Начдив горячо поблагодарил связистов:

— Молодцы! Какие вы замечательные молодцы! Такой

страшный путь прошли!

Смелость, находчивость и упорство красноармейцев Геннадия Маландина и Александра Вылегжанина Советская республика отметила высшей наградой — орденом Красного Знамени.

Командарм удовлетворил ходатайство командования 51–й дивизии: потерявшая более половины личного состава 3–я бригада вернулась к своим и заняла оборону на тюменском направлении.

Блюхер стянул отрезанные противником части — пять стрелковых полков, всего 1827 человек, в район села Ашлык. Всю артиллерию, 12 орудий, подчинил командиру 2–го артдивизиона Архангельскому.

В первые дни рейда Блюхер превосходно использовал внезапность нападения. Сбивая гарнизоны противника по реке Вагай, к 4 октября подошли к большой деревне Русаново.

Высланная разведка доложила, что противник занимает выгодные позиции и имеет два ряда окопов.

Блюхер ввел в бой 453–й и 456–й стрелковые полки. Красноармейцы дружно поднялись в атаку и вышли на широкую равнину. Белые открыли сильный меткий огонь из винтовок, пулеметов и орудий.

В бинокль Блюхер увидел, как остановились, словно наткнулись на незримую стену, и поползли назад цепи атакующих. И сразу понял, что на внезапность больше нельзя рассчитывать. С каждым шагом к Тобольску сопротивление врага будет усиливаться. И задерживаться здесь нельзя. Генерал Франк подтянет к Русаново новые части, и тогда придется вести круговой бой. Надо снова атаковать. И Блюхер приказал командиру дивизиона Архангельскому открыть огонь из всех двенадцати орудий, но снаряды беречь, бить только по пулеметным позициям.

Артиллеристы отличились: накрыли три пулемета и заставили замолчать два орудия противника. Стрелковые цепи снова двинулись в атаку. Оставалось пройти полосу в двести шагов. Но это была полоса сосредоточенного смертельного огня, и затяжное, гулкое «ура» круто оборвалось. Блюхер вскочил на коня и поскакал к командиру бригады Серебренникову. Нашел его на опушке леса.

Увидев начдива, Серебренников подбежал и, с трудом подбирая слова, доложил:

— Так что и вторая не получилась… Отошли. Ураганная пальба. В лоб никак не пройти…

Комбриг потупил голову, ожидая резких слов осуждения. Блюхер сказал, не повышая голоса:

— Я все видел. Скажите, вы весь четыреста пятьдесят третий полк ввели в бой?

— В резерве оставался второй батальон. Степана Горшкова.

— Вот это хорошо. О нем я слышал как о смелом и распорядительном командире. Вызовите его сюда.

Круглолицый, загорелый, широкогрудый Горшков подошел и представился по–уставному; Блюхер догадался: видно, побывал на германском фронте, кончал учебную команду.

Начдив порывисто пожал руку комбату, кивнул головой на карабин, висевший вниз дулом:

— Охотник?

— Да, приходилось. У нас в Чердынском уезде громадные леса и болота. С пустыми руками никогда не возвращался.

— Вот и я хочу послать вас в болото. Не одного, понятно, с батальоном. Скрытно, подчеркиваю, скрытно пройдете в тыл и ударите белякам в спину. Да так, чтоб эти окаянные русановцы, как зайцы–русаки, дали стрекача. Задачу поняли?

— Так точно, товарищ начдив. Когда выступать?

— Немедленно. Пойдете в атаку — пустите две красные ракеты. Желаю успеха, Степан Дмитриевич.

Горшков круто повернулся и побежал к батальону.

Заместителю командира полка Ольшевскому начдив сказал:

— Готовьте полк к наступлению, Русаново надо взять.

Комбат Степан Горшков уверенно выполнил приказ. Одновременные удары с тыла и с фронта сломили сопротивление белогвардейцев, и они оставили Русаново.

Блюхера радовали трофеи — 3 пулемета и более 100 тысяч патронов. И в то же время было горько сознавать, что на широкой равнине полегло 200 замечательных бойцов.

Не задерживаясь в Русаново, двинулись дальше и в тот же день заняли Юрт–Иртышскую. Переночевали. Отдохнули.

Командир батальона 453–го стрелкового полка Степан Дмитриевич Горшков

Утро выдалось солнечное. За Иртышом были видны позолоченные купола Софии Премудрой и Успенского соборов. Блюхер пожалел, что у него мало сил. Пленные офицеры показали, что в Тобольск приехал сам верховный главнокомандующий адмирал Колчак. Торопит генерала Франка, с нетерпением ждет, когда будет разгромлена ненавистная 51–я дивизия. Вот ударить бы сейчас по Тобольску, да так, чтобы накрыть верховного главнокомандующего и его свиту! Велико искушение, а приходится обходить Тобольск, сворачивать на юго–запад, на деревню Мамаево.

Прикрываясь густыми лесами, скрытно подобрались к деревне, после короткого, ожесточенного боя выбили вражеский полк и вышли на тракт Тобольск — Тюмень.

Заняв Мамаево, замкомполка Федор Ольшевский сразу же включился в оставленную противником телефонную сеть и подслушал очень важный, поясняющий оперативную обстановку разговор командующего Тобольской группой генерала Франка с командиром 27–го пехотного полка Колесниковым. Не полагаясь на память, Ольшевский записал сведения и поспешил к Блюхеру. Не скрывая торжества, объявил:

— Важные новости, товарищ начдив! Первостепенного значения. Только что выслушал разговор генерала Франка с комполка Колесниковым. Вот их замыслы. Части противника от села Бочалино перебрасываются навстречу нам в деревню Щукино. Позиции у Тобольска спешно укрепляются. Переправы прикрываются бронепароходами. В район боев срочно подтягивается Боткинская дивизия. Тракт в направлении Бочалино охраняется сводным отрядом Колесникова. Он должен

задержать нас любой ценой, пока не подоспеют воткинцы. Какие части входят в этот отряд, кроме двадцать седьмого полка, услышать не удалось.

— Молодец! Теперь надо опередить врага и вырваться из окружения. Мы долг выполнили — в тяжелое для армии время оттянули крупные войсковые части. За нами охотятся не менее двух дивизий. Дорого нас ценит адмирал Колчак! — Блюхер потер ноющие виски, сказал твердо: — Надо идти навстречу опасности — наступать на Щукино. Будем атаковать ночью. Меньше истратим патронов. Четыреста пятьдесят третий полк по–прежнему идет головным.

И в ночь на 6 октября бойцы сводной группы Блюхера выбили 27–й полк противника из деревни Щукино.

За эти два дня генерал Франк подтянул в район боев свежие части и окружил красных бойцов. Об этом белое командование сообщало в листовках, которые густо рассыпали пролетевшие гидросамолеты.

Услышав шум моторов, Блюхер вышел из штаба на улицу. К ногам упал серый листок. Поднял. Крупные буквы еще пахли типографской краской. Читал, с трудом сдерживая нарастающий гнев: «…Вы окружены, спасения нет, и за каждую минуту сопротивления будет беспощадная расправа. Красноармейцы! Сдавайтесь. Уничтожайте ваших комиссаров и командиров, арестуйте и выдайте нам Блюхера, и ваша жизнь будет сохранена…»

Блюхер порвал листок на мелкие клочки. Посмотрел вдоль улицы. Увидел у соседнего дома троих плотно сомкнувших головы красноармейцев Читают, что ли? Подошел, спросил:

— Что, товарищи, изучаете литературу Колчака?

Красноармейцы оглянулись. Один из них, старший по возрасту, в новенькой английской шинели, сказал виновато:

— Бумажка-то подходящая для курева. Давно не имеем ни бумажки, ни табачку. А здесь такая благодать с небес падает. Жаль, махорочки не догадались сбросить. Вот выжимаем кисеты.

Блюхер достал портсигар:

— Закуривайте, товарищи.

Красноармеец в трофейной шинели опустил широкие темные пальцы в портсигар и, прихватив в щепоть половину содержимого, сказал улыбаясь:

— Премного благодарен. А на эту пакость вы и не отвлекайтесь. Эти листки на курево да разве еще на что-нибудь, ежели повернуть чистой стороной. Вот и все назначение…

Блюхер вернулся в штаб. Вызвал командиров полков. Уточнил состав частей, наличие боеприпасов, количество

раненых.

Немногословный, суровый, обладающий большой силой воли командир 454–го полка Иван Боряев угрюмо заметил:

— Патронов на сутки. Если завтра не вырвемся из этого капкана, все погибнем.

Ольшевский, не глядя на осунувшегося, бледного начдива, добавил:

— Хлеба и мяса не выдаем четвертый день. Люди выбились из сил. С трудом держатся на ногах…

— Знаю! Видел! — не выдержал Блюхер. — Положение скверное. Занимаем ничтожно малую площадку — глубиной в три версты. Мы должны пробиться на село Долгоярское завтра, восьмого октября. Девятого генерал Франк введет в бой еще одну дивизию. Она уже плывет сюда по Иртышу. Идите к бойцам. Расскажите все —прямо и честно. И пусть все отдыхают, кроме часовых. Атаковать будем в семь часов. Всеми силами и на узком участке.

Командиры ушли.

У двери Блюхер задержал Ольшевского, предупредил:

— Батальон Степана Горшкова уложите спать. Это мой резерв. На самый страшный случай…

Полки пошли в атаку в 7 часов утра. Белогвардейцы встретили сильным огнем пулеметов и тяжелых орудий.

Поредевшие цепи отступили. И тогда белые перешли в контратаку и ворвались в деревню Мамаево.

Глубина участка, занимаемого группой Блюхера, сократилась до двух верст. Дальше отступать было некуда.

В 9 часов утра духовой оркестр в Мамаево заиграл походный марш. Белые полки развернулись в цепи и двинулись на Куймово. В бинокль Блюхер отчетливо видел, как, развернув знамена, безукоризненно выдерживая равнение, поблескивая на солнце штыками, шагают одетые в новенькие английские шинели и ярко–желтые ботинки солдаты лучшей дивизии Колчака — 7–й Тобольской.

Красноармейцы, прижимаясь к холодной сырой земле, ждали команды. А командиры не спешили, берегли патроны на прицельные залпы. И когда колчаковцы приблизились на полтораста шагов, раскатисто ахнули винтовки, быстро заговорили пулеметы. Лежащий на левом фланге бывалый солдат Полосухин длинными очередями вырубил первую цепь и сразу же перенес прицел на вторую. А с правого фланга разил атакующих лучший наводчик 453–го полка Башкирцев. Упали знамена. Ряды дрогнули и покатились назад к Мамаево.

— Музыка не помогла, — сказал Блюхер стоявшему рядом с

ним Ольшевскому. — Сейчас заиграют на других трубах. Передайте комбатам — пусть бойцы глубже закапываются, земля выручит.

Не прошло и часа, как белые открыли по Куймово стрельбу из тяжелых орудий. Грузное облако пыли и дыма повисло над позициями. Прошли три гидроплана и сбросили бомбы. Одна из них размела дом на околице деревни. Колчаковцы повели наступление с трех сторон. На правом фланге цепь приблизилась на сто шагов и почти целиком полегла, попав под очереди пулемета Башкирцева.

Атаку отбили.

После короткой передышки генерал Франк ввел в бой свежие силы.

…К 4 часам дня отбили шесть атак.

Легкораненые ушли с повозок и вернулись на позиции. Все командиры полков, батальонов и рот находились в окопах и вели огонь по атакующим.

Отбить седьмую атаку помогли артиллеристы. Били прямой наводкой.

Темнело, когда к Блюхеру пришел Ольшевский и тихо доложил:

— Патроны на исходе, товарищ начдив. Что будем делать?

Блюхер приказал:

— Пришлите ко мне комбата Горшкова.

Начдив встал. Трижды пересек избу. Старенькие половицы жалобно охали и ахали. Поморщился, почувствовав резкую боль в бедре. Вот не вовремя. Сел на лавку. Сердито потер немеющую ногу.

В избу вошел Степан Горшков. Хотел доложить, как и подобает, по–уставному, но Блюхер махнул рукой:

— Садитесь и слушайте. Надо повторить русановский маневр. Я беседовал с мужичками — говорят, здешние болота вроде непроходимые. Понимаете — вроде. Осмотрел в бинокль. Вода не сплошная, есть крупные кочки. На них — березки и елки. Если кочка держит деревцо, она и человека выдержит. Это я с детства знаю. Ходил за голубикой и клюквой. Так вот, возьмите самое необходимое, чтобы легче было прыгать с кочки на кочку. Только гранаты не оставляйте. Атаковать будете в темноте. Не распыляйте батальон, держите в кулаке. Легче управлять. И еще не забудьте — пулеметчиков поставьте впереди, и пусть не жалеют патронов. Возьмите в первом батальоне наводчика Полосухина. Я его сегодня видел на деле. Геройский парень. Шумите во всю глотку, рвите гранатами. Пробивайтесь к нам, а мы пойдем вам навстречу.

Горшков встал, подтянутый, спокойный, сильный:

— Разрешите выполнять задание?

— Надеюсь на вас, Степан Дмитриевич, — и Блюхер рывком притянул к себе и потряс за плечи комбата. — Действуйте напористо. Вот–вот должна подойти Боткинская дивизия белых. И все погибнем.

Горшков сердито толкнул ногой дверь, выбежал на улицу.

Блюхер достал из кожанки сухарь. Съел, не потеряв ни единой крошки. Вытащил портсигар и сразу же опустил в карман. Табак кончился еще вчера. Вышел на улицу. Тишина. Ни говора, ни смеха. Отдыхают. Перевязывают раны. Едят вареную картошку. Без хлеба и соли. Думают о начальстве. И, наверное, надеются на чудо. А чудес не бывает. Мало, очень мало осталось в строю бойцов. Надо еще сузить фронт, собрать в одну команду все пулеметы и независимо от того, удастся ли маневр Горшкова или резервный батальон захлебнется в болоте, разорвать кольцо окружения, сосредоточив в полосе прорыва все огневые средства. Понятно, рискованно, но иного выхода нет.

Начдив обошел командиров и передал приказание. Передний край ожил. Подготовился к броску обоз. Раненые заняли свои места в повозках.

Все посматривали на небо. Ждали сигнала Горшкова. Время тянулось медленно. Блюхер нервно потирал ладони, опасаясь неожиданной ночной атаки врага. Успеет ли Горшков? Опередит ли он воткинцев, или горстка героев погибнет, раздавленная стократным превосходством противника?

И вот, распарывая густое черное небо, взметнулась алая ракета. За ней взлетела и рассыпалась угольками вторая. Блюхер приказал Ольшевскому:

— Поднимайте полк. Ведите!

Взрывы гранат и несмолкаемый рокот пулеметов докатились до усталых, голодных, люто ненавидящих врага бойцов, и, собрав последние силы, они кинулись в атаку. И этот двойной, беспощадный, неистовый удар расколол хваленые полки Тобольской дивизии.

Группа Блюхера прорвалась из окружения. Вывезли всех раненых. Вытащили обозы и орудия. Захватили несколько тысяч патронов, более 20 пулеметов и 200 пленных.

Шли на Тюмень, навстречу своей, 3–й бригаде. У села Долгоярского два дня отбивали непрерывные атаки. Генерал Франк направил бронепароходы с десантниками, поставив для них задачу высадиться и перехватить тракт Тобольск — Тюмень.

Блюхер предусмотрел опасность со стороны реки Тобол и приказал Архангельскому вести постоянное наблюдение и огнем

всех орудий отражать неприятеля.

Точными выстрелами один из пароходов был подбит, остальные повернули назад.

10 октября рейдовая группа Блюхера соединилась с полками 3–й бригады.

Начдив приказал комбригу И. Вербицкому:

— Прочно держите фронт. Первая и вторая бригады должны отдохнуть и привести себя в порядок.

17 октября Блюхер вернулся в штаб и вступил в командование дивизией.

Галина Павловна кинулась на шею мужу и, всхлипывая, сказала:

— Жив! Боже мой, жив! Нельзя так, Васенька, нельзя.

— А чего плакать-то, глупенькая? Радоваться надо. От смерти ушли.

— Я и плачу от радости. За эти ужасные дни и ночи всего надумалась. Почти месяц от тебя никакой весточки не было.

— Однако разлука пошла на пользу. В первый раз слышу «Васенька», а не «Василий Константинович».

— Да я по–всякому тебя звала. И сны все такие кошмарные…

— А ты привыкай, Галинка–малинка. Спокойной жизни у нас с тобой не будет. Это я тебе еще в Вятке сказал.

— И опять пойдешь по этим окаянным тылам?

— Если потребует обстановка — пойду.

— Тогда и я с тобой. Больше одна не останусь. Буду сестрой милосердия. Я перевязывать умею. Возьмешь?

— Сестрой — возьму, — улыбнулся Блюхер. — Заговорились мы с тобой. Пойду к Мацуку.

Начальник штаба Мацук просматривал армейскую оперативную сводку. Блюхер присел к столу, сказал:

— Возьмите карандаш. Нужно представить к награждению отличившихся в последних боях. Прежде всего, запишите Степана Дмитриевича Горшкова. Это из четыреста пятьдесят третьего. А вот из четыреста пятьдесят пятого Федор Алексеевич Рязанов, раненный, остался в строю и умело руководил боем. Безусловно достоин награды герой Тобольска командир четыреста пятьдесят четвертого полка Иван Васильевич Боряев. Кроме того, следует отметить разведчика Василия Ефимова, комбата Владимира Хлебникова и двух пулеметчиков — Башкирцева и Полосухина[36]. Прикажите командирам полков представить документы на самых храбрых и умелых красноармейцев и командиров, участвовавших в рейде на Тобольск. За исполнением проследите лично.

— Кстати, нам прислали подарки питерские рабочие. Без вас

я не решился распределять.

— А поблагодарить решились?

— Еще не успели.

— Надо сегодня послать телеграмму в Петроградский губисполком. И чтоб от всей души. Подарки будем вручать перед строем. Пусть новенькие посмотрят, в какую дивизию они попали. А сколько мы получили бойцов?

— В части направлено две тысячи двести пять человек.

— Хорошо! Недельку позанимаются—и в бой.

По приказу командарма 51–я дивизия совместно с другими соединениями перешла в наступление. 22 октября полки 3–й бригады выбили колчаковцев из Тобольска. Блюхер послал им приветственную телеграмму: «…Героям красноармейцам не страшны ни полчища белых, ни непроходимые болота, ни лишения, ни голод, ни холод. Во имя господства труда над капиталом вы бодро перенесли и готовы в будущем перенести все выпавшие на вашу долю невзгоды, горя единственным желанием скорее прийти к заветной цели освобождения рабочих масс от ига капиталистов. Пусть эта победа будет путеводной красной звездой к новым подвигам и послужит залогом дальнейших успехов в борьбе с отчаявшимся в своих силах врагом»[37].

Преследуя отступавшую северную группировку Колчака, бойцы 51–й дивизии 11 ноября заняли город Тюкалинск. А через день освободили город Тару.

Двигаясь вдоль полотна железной дороги, начдив Блюхер видел брошенное новенькое обмундирование, белье, патроны, снаряды, орудия, туши мяса, мешки муки. Здесь же валялись трупы расстрелянных белогвардейцами. Платформы завалены мертвецами в английских шинелях с меховыми воротниками. На станциях живые лежали рядом с мертвыми. Чесались, бредили, стонали. И сердце начдива наполнилось болью — дивизия вошла в страшную полосу тифозной эпидемии. Тиф несли пленные колчаковцы. Тифом болели женщины и дети в селах и городах, по которым проходили бойцы–победители.

В районе Ново–Николаевска (ныне Новосибирск) по приказу Блюхера была организована Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом. Не хватало врачей и сестер милосердия. Не хватало мыла и белья. Лекпомы умирали на своих постах. Более трех месяцев продолжалась борьба с губительной эпидемией. Против тифа и холеры провели поголовную предохранительную прививку.

Тиф победили.

Блюхер приказал комбригам «приступить к усиленным занятиям с компольками и комбатами, а командирам полков в свою очередь — с комротами и комвзводами: по тактике,

топографии, самоокапыванию, решению военных задач, устройству и разбору военных игр»[38].

51–я дивизия училась, готовилась к новым боям.

VI. УНИЧТОЖЬ ВРАНГЕЛЯ

1

На рассвете 7 июня 1920 года войска генерала Врангеля, используя ураганный огонь артиллерии, бронепоездов, танков и броневиков, прорвали оборону частей 13–й Красной армии на подступах к Крыму и ринулись в плодородные долины Северной Таврии. Вырвавшиеся из «крымской бутылки» белые полки устремились на север и северо–восток.

Над Советской республикой нависла серьезная опасность.

Центральный Комитет РКП (б) призывал: «В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте. Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен!»[39]

С белопольского фронта Республика не могла снять ни одного бойца. На Врангеля была переброшена из Сибири 51–я дивизия.

В первых числах августа 1920 года эшелоны 51–й стрелковой выгрузились на станции Апостолово и Николо–Козельск и ускоренным маршем двинулись в район Берислава в распоряжение командующего Правобережной группой войск Р. П. Эйдемана.

В ночь на 7 августа Латышская, 15–я и 52–я дивизии по приказу Эйдемана внезапно форсировали Днепр и в кровопролитном сражении отвоевали плацдарм на левом берегу.

Опытный и смелый командующий группой войск Роберт Петрович Эйдеман понимал, что генерал Врангель примет все меры для ликвидации нарастающей угрозы в Северной Таврии. Необходимо срочно усилить поредевшие ряды защитников плацдарма. Эйдеман приказал Блюхеру немедленно перебросить одну из бригад в Каховку. Начдив послал распоряжение комбригу 153 Б. В. Круглову выдвинуть полки на левый берег Днепра.

В Бериславе Блюхер встретился с командующим Эйдеманом, которого хорошо знал по боевой работе в 3–й армии Восточного фронта. Роберт Петрович сказал, не скрывая радости:

— Наконец-то прибыли, долгожданные. Положение довольно трудное. Пятнадцатая дивизия понесла большие потери. В атаке убиты начдив Солодухин и начарт Зубков. Начдив пятьдесят

второй Германович уже дважды просил подкрепления, но у меня нет в резерве ни одного штыка. Мои земляки–латыши дерутся превосходно. Первыми форсировали Днепр и заняли Каховку. А вы что морщитесь? Устали?

Блюхер улыбнулся:

— Судя по лицу, вы больше устали.

— Четвертые сутки на ногах. Перейдем к вашей дивизии. Нужно ожидать ответный ход Врангеля — он двинет на помощь потрепанному корпусу Слащева резервные силы. Мы не можем потерять плацдарм, отвоеванный такой большой кровью. Вы должны сконцентрировать все части на том берегу и любой ценой удержать оборонительные позиции.

— А они существуют… оборонительные позиций?

— Инженерные работы мы начали утром седьмого августа, но ведутся они малыми силами. Ваша задача в кратчайший срок обнести сетью инженерных препятствий всю сорокаверстную линию обороны от Ключевой на правом фланге и до Екатериновки на левом. Кроме своих частей советую привлекать местное население. Действуйте.

— Старик Суворов говаривал: «Сначала ознакомься, изучи, а затем действуй», — сказал, поднимаясь, Блюхер. — Оперативная группа сейчас же выедет на место.

В ночь на 10 августа Блюхер продиктовал приказ, в котором требовал: «Работы вести круглые сутки, в первую очередь отрыв окопы для стрельбы с колена, начиная с наиболее важных в тактическом отношении пунктов, углубляя постепенно окопы до полной профили. Во вторую очередь следует привести в оборонительное состояние, как опорные пункты, — хутор Терны, высоту 20.9 — с устройством проволочной сети. В третью очередь — установка проволочных заграждений на всем остальном участке оборонительной линии»[40].

Вот когда в полной мере пригодился Блюхеру опыт, приобретенный в Вятском укрепленном районе. Начдив сам проверял, как выполняются приказания. Бойцы в алых рубахах, подаренных московскими рабочими, не только создавали оборонительные рубежи, но и готовились к напряженным, суровым боям.

Блюхер знал, что скоро придется встретиться с конным корпусом генерала Барбовича, которого белогвардейцы считали непобедимым. 11 августа начдив приказал: «Комсоставу и красноармейцам дивизии путем примерных тактических занятий и бесед подготовиться к достойному отпору кавалерийских частей противника, доказав им революционную силу сибирских стрелков. Принять к руководству рассылаемую инструкцию по

борьбе с конницей»[41].

Блюхер видел, как резко меняется равнинная заднепровская земля. Ее перерезают глубокие окопы, в нее зарываются пулеметные и артиллерийские расчеты, ее прикрывают проволочными заборами. Начдив торопил командиров:

— Работайте энергичнее. Больше пота — меньше крови. Об этом напоминайте бойцам. Враг может напасть в любую минуту.

Враг напал 12 августа. Врангель двинул на усталые малочисленные части Правобережной группы кавалерийский корпус генерала Барбовича. Корпус имел огромную огневую силу: в каждом эскадроне до десятка пулеметных тачанок и по два грузовых автомобиля с пулеметами. Генералу Барбовичу придавались бронемашины, танки и авиационный отряд.

Комбриг 153 Борис Викторович Круглов

Белое командование рассчитывало ураганным огнем на левом фланге сбить обороняющихся, прорваться к переправам и ликвидировать плацдарм.

Одновременно в районе Белоцерковки корпус генерала Слащева обрушился на правый фланг 15–й стрелковой дивизии.

Красные бойцы мужественно защищали свои рубежи. Умело используя броневики, Барбович залил огнем позиции 52–й и Латышской дивизий. Неся крупные потери, малочисленные полки стали отходить на Каховку.

Белая конница преследовала отступающих. Над полем сражения торжествующе гремело:

— Даешь переправу!

А в это время начдив Василий Блюхер спокойно и уверенно готовил бригады к отражению конной лавины врангелевцев. 51–я стрелковая пропустила через свои позиции отступающих товарищей и, надежно прикрыв их, спасла от гибели.

Комбриг Круглов донес Блюхеру, что многочисленные конные части у Епифановой балки непрерывно атакуют 457–й Московский полк.

Начдив приказал:

— Стоять насмерть! Отступать некуда!

И по окопам москвичей прошла команда:

— Стоять насмерть! Отступать некуда!

Плотная, зноем опаленная земля хранила своих сыновей. Защитники Епифановой балки остановили атакующие эскадроны. Два дня полк отражал метким огнем конницу и броневики. А на третий день, 15 августа, бросился на врага. Белогвардейцы дрогнули. Москвичи пробились к Могиле Рясной. Лобовые атаки белой конницы бойцы отразили точным залповым огнем. Отборные эскадроны прорвались на стыке двух полков и окружили москвичей. Красноармейцы заняли круговую оборону и, стреляя в упор, отогнали белогвардейцев. И тогда на истекающие кровью батальоны ринулись бронемашины, отмеченные Георгиевскими крестами. Полк таял, но не отступал. Погибли все командиры. Кончились патроны. Бились врукопашную. С гранатами бросались на бронемашины и умирали, пробитые пулеметными очередями.

На выручку горстке храбрецов подоспели два батальона соседнего, 458–го полка и потеснили атакующих. 457–й полк до конца выполнил свой воинский долг, оттянув крупные силы противника и нанеся ему большой урон.

Так же отважно и стойко отражали непрерывные яростные атаки и другие полки 51–й стрелковой дивизии. С наблюдательного пункта начдив Блюхер видел, как мчались к окопам эскадроны Барбовича и, встреченные плотным и точным огнем артиллерии, пулеметов и винтовок, редели, поворачивали назад и исчезали в облаках пыли и дыма. На черной, избитой копытами земле застывали кони и всадники. Врангелевцы не могли преодолеть гряду трупов, протянувшуюся вдоль позиций красных.

Вражеские корпуса перешли к обороне.

Блюхер приказал вывести в резерв и укомплектовать Московский полк. Поблагодарив героев обороны, начдив представил полк к боевой награде. Родина отметила 457–й стрелковый полк Почетным революционным Красным знаменем.

Каховский плацдарм выдержал испытание огнем и железом. О подвигах его защитников узнала вся страна. В Кремле Председатель Совета Труда и Обороны Владимир Ильич Ленин нашел на карте крошечную точку— Каховку и поставил красный флажок.

Отбив наступление противника, 51–я дивизия привела в боевой порядок полки и рубежи обороны.

20 августа в 4 часа утра дежурный по штабу разбудил только что уснувшего Блюхера:

— Товарищ начдив! Срочный оперативный приказ по войскам Правобережной группы.

Блюхер пропустил первых три пункта, нашел знакомую дивизию, прочитал: «Начдиву 51 с приданной ему кавгруппой Саблина и бронеотрядами, совершив до рассвета необходимую перегруппировку, в 12 часов 20.УШ перейти в решительное наступление в общем направле–нии на восток и северо–восток для разгрома группирующейся в районе Дмитриевка — Константиновна, кавалерии противника, захватив левым боковым авангардом Кайры Западные. В резерве иметь не меньше бригады»[42].

Для разработки операции Блюхер выбрал друзей уральцев: Виктора Русяева, Михаила Голубых, Якова Суворова, а также начальника оперативного отдела Николая Датюка и начальника политотдела Федора Строганова. Работали напряженно. Когда уже был составлен оперативный приказ и отданы необходимые распоряжения, в штаб приехал командующий Правобережной группой Эйдеман.

Блюхер кратко доложил обстановку, ознакомил начгруппы с решением боевой задачи. Эйдеман выслушал внимательно и, одобрив действия начдива, заметил:

— Командарм Уборевич предельно сократил сроки подготовки. На войне успех обеспечивают смелые решения и внезапность нападения. Настоящий полководец безбоязненно идет на сосредоточение сил в ударных группировках. Выход вашей дивизии к Мелитополю подобен клинку, вбитому в сердце врангелевской армии.

— Я твердо верю в боеспособность дивизии, — сказал Блюхер. — Единственно, что меня тревожит, — это фланги. Будут ли они надежно прикрыты моими соседями во время наступления на Мелитополь?

— Кроме дивизий нашей группы в операции участвует Вторая Конная армия Городовикова. По замыслу командарма Уборевича конармия должна встретиться с вами в районе Серогоз. Трудно предугадать ход сражения. Нужно действовать, сообразуясь с обстановкой. Желаю вам победы!

Эйдеман глянул на часы и, быстро попрощавшись, Еышел.

Блюхер отпустил своих помощников, только Строганова задержал вопросом:

— Как первый номер «Красного стрелка», вышел в свет?

— Печатается. Коммунисты проведут читки газеты и побеседуют с бойцами.

— Очень хорошо. Кроме того, нужно ознакомить личный состав с сегодняшним приказом о переходе в наступление.

51–я стрелковая дивизия, после короткой артиллерийской подготовки, 20 августа прорвала оборону противника и в первый день сражения заняла Дмитриевку, Антоновку и Черненьку.

Врангелевцы упорно отстаивали каждое село и наносили сильные контрудары. Под Новой Репьевкой белая кавалерия окружила и в кровопролитном бою вырубила более 500 бойцов 458–го стрелкового полка. На выручку товарищам поспешили батальоны соседних полков и отбросили кавалерию неприятеля.

Начдив Блюхер ввел в бой резервную, 152–ю бригаду. Красноармейцы шли в атаку с возгласом:

— Даешь Мелитополь!

Пехоте помогали летчики центральной авиационной группы Ивана Ульяновича Павлова. Героизм был массовым. Начдив Блюхер с колокольни новорепьевской церкви видел, как лихо мчались эскадроны туземной бригады на 453–й стрелковый полк. На ветру развевались черные мохнатые бурки, белым пламенем горели обнаженные клинки, земля глухо гудела под копытами.

Стоявший рядом с начдивом Виктор Русяев не выдержал:

— Ой, сомнут! Шибко летят, дьяволы!

— Вот выдумщик, — нахмурился Блюхер. — Посмотришь, как полетят на землю. Кизеловские шахтеры выстоят.

Быстро и громко заговорили пулеметы. Гулко раскатились винтовочные залпы. Ударили орудия, и разрывы картечи накрыли всадников. Звонко ржали, валились на землю, давили седоков раненые кони. А залпы гремели и гремели, и в упор били пулеметы, и вставали чернобагровые столбы взметенной взрывами земли. И зеленое поле стало черным от мохнатых бурок и лошадиных туш.

Атака захлебнулась. Блюхер подозвал связного, приказал:

— Мигом в четыреста пятьдесят третий! Передай командиру полка Королеву: от имени Революции начдив благодарит героев кизеловцев за храбрость и стойкость. Ни шагу назад!

Слова любимого начдива передавались из уст в уста.

Коммунист Анатолий Николаевич Королев[43] выполнил приказ Блюхера. Полк целый день отражал вражеские атаки. Погибли все командиры рот. Вышли из строя два комбата. А третий, Александр Данщин, объединил оставшихся бойцов и возглавил сводный батальон.

Туземная бригада, которую Врангель с гордостью называл непобедимой, откатилась за Новую Торгаевку.

Продолжая наступление, бригады 51–й дивизии заняли 27 августа важные населенные пункты: Нижние и Верхние Серогозы и Ивановку. Конная группа Саблина выбила белогвардейцев из Покровки.

В Нижней Торгаевке Блюхер допросил пленных офицеров, внимательно изучил захваченные документы, а также разведывательные сводки частей. Задумался. Получается довольно сложная и опасная обстановка. Генерал Врангель сосредоточил лучшие силы против 51–й дивизии. С токмакского направления прибыла знаменитая Корниловская дивизия. В район Демьяновки переброшена 6–я пехотная дивизия. Есть пленные из каких-то отдельных отрядов Павловского и Кравчука. И главная ударная сила — бронированный конный корпус Барбовича тоже выдвинут к Демьяновке. Врангель встревожен. Еще бы! От Серогоз до Мелитополя остается около 30 верст. Успешно продвигаются к Перекопу Латышская и 15–я стрелковые дивизии. 2–я Конная армия О. И. Городовикова пробивается от Малой Березовки на Менчекур, а оттуда двинется на Демьяновку и Серогозы. И здесь сомкнется кольцо окружения. Врангелевская армия будет расколота на части. Сделать это очень трудно, но крайне необходимо.

Блюхер на минуту представил, как Врангель читает боевые донесения, анализирует разведывательные данные и думает о том, как разбить соединения красных, и в первую очередь вырвавшуюся вперед ненавистную коммунистическую 51–ю дивизию.

Блюхер принял все меры для отражения превосходящих сил противника. Срочно послал донесение начальнику Правобережной группы Эйдеману о резком изменении соотношения сил в районе Демьяновка — Серогозы и просил передать в его распоряжение находящуюся в резерве 52–ю стрелковую дивизию М. Я. Германовича.

Эйдеман подчинил 52–ю дивизию Блюхеру и поставил перед ним задачу: совершив необходимую перегруппировку, остановить противника в районе Демьяновка — Серогозы и всеми частями группы перейти в решительное наступление в восточном направлении.

Осуществить перегруппировку не удалось. Белая гвардия перешла в контрнаступление.

Три пехотных полка и два эскадрона кавалерии, открыв огонь из 15 орудий, двинулись на высоту 30.5. Ее защищали бойцы 451–го стрелкового полка. Вот уже десятый день они стояли на линии огня. Усталые, темные от пота и пыли, красноармейцы отбили атаку.

Белогвардейцы сползли в балку.

Не прошло и получаса, как орудия врангелевцев снова ударили по высоте 30.5. Снаряды дробили сухую землю. И еще не осела взметенная взрывами пыль, как белогвардейцы уже шли вперед. Казавшаяся мертвой, высота ожила. Атакующих рассеяли пулеметным и винтовочным огнем.

Вместе с изнемогающими от жары и жажды бойцами был комиссар полка Николай Дмитриевич Иконников. Он проходил по ротам, подбадривал защитников рубежа:

— Две атаки отбили и еще двадцать отобьем. Не привыкать!

И третья атака захлебнулась… И четвертую отразили. А потом и счет потеряли.

К исходу дня белая кавалерия ударила с тыла и ворвалась на высоту 30.5. Погибли пулеметчики. Врагов били прикладами, кололи штыками.

Яков Кривощеков, кизеловский шахтер, отвагой и сметкой заслуживший право командовать полком, послал на высоту 30.5 резервный 2–й батальон. Его повел коммунист Григорий Андреевич Воронин. Цепь красноармейцев ворвалась на вспаханные снарядами позиции и выбила врангелевцев с высоты 30.5.

Пример героев вдохновляет. Так же мужественно и стойко отражали вражеский натиск и другие полки 151–й бригады, которой командовал Федор Иванович Ольшевский.

Получив донесение от комбрига Ольшевского, Блюхер сказал Русяеву:

— Молодец Кривощеков. Нашей, рабочей породы.

Запиши-ка: представить Кривощекова, его помощника Витте, комиссара Иконникова, комбата Воронина и председателя полкового бюро Третьякова к награждению орденом Красного Знамени. Заслужили!

В штаб вбежал связной:

— От комбрига Круглова. Пакет.

Вести были тяжелые. Комбриг 153 сообщал, что после отхода кавалерийской группы Саблина противник силой в 1500 сабель ударил во фланг и тыл 458–го стрелкового полка и занял село Покровское. Затем, подтянув пехоту, атаковал Н. Александровку, в которую только что прибыла 156–я бригада 52–й дивизии. Противник пустил в ход броневики, рассек и разогнал бригаду.

Блюхер приказал комбригу Круглову отвести полки на позиции у Нижних Серогоз и во что бы то ни стало удержать этот важнейший оборонительный рубеж.

Через два часа комбриг Круглов донес, что, несмотря на героическое сопротивление, малочисленные полки не могли

отстоять Нижние Серогозы.

Блюхер выехал в штаб 153–й бригады. В ночной беспощадной рукопашной схватке бойцы 457–го и 458–го стрелковых полков выбили врангелевцев из Нижних Серогоз.

Обходя село, Блюхер увидел лежащих у изб красноармейцев. Их свалил сон. И стало жутко. А что, если налетят белые? Тихо сказал комбригу Круглову:

— Спят как убитые. Вы понимаете, на что идете?

— Превосходно понимаю. Люди выбились из сил. Я с трудом стою на ногах. Как сяду — глаза сами закрываются…

Подошел Русяев. Протянул листок:

— От Эйдемана. Копия приказа Уборевича.

Блюхер быстро прочитал: «Командарму 2–й Конной.

С утра 31.VIII повести решительное наступление на деревни Покровка и Н. Александровка, имея целью разгромить в этом районе противника и, преследуя его в южном направлении, соединиться с частями группы товарища Эйдемана»[44].

Блюхер спрятал листок, сказал:

— Если командарм Конной выполнит этот приказ, мы победим. Все решится на рассвете.

Утром белые снова пошли на Нижние Серогозы.

Блюхер ввел в бой последний резерв — сводный батальон коммунистов. Его повел начальник политотдела Ф. В. Строганов. Батальон принял на себя удар двух полков. Отбил четыре атаки.

В это время Блюхер получил достоверные сведения о том, что 2–я Конная армия не выполнила своего задания и отступает на Рубановку[45].

С болью в сердце начдив Блюхер отдал приказ об оставлении позиций, отвоеванных кровью лучших бойцов. Упорно сдерживая натиск превосходящих сил врага, 51–я дивизия отошла на каховский плацдарм.

Серогозская операция, несмотря на ее неудачное завершение, сыграла большую роль в разгроме сильной, прекрасно вооруженной армии Врангеля. Наступление на Серогозы частей Правобережной группы спасло Донбасс. Врангель снял с этого направления свои лучшие силы для ликвидации атакующих частей каховского плацдарма.

Начдив Блюхер составил обстоятельный доклад командующему войсками Правобережной группы и Реввоенсовету 13–й армии об ошибках и просчетах, допущенных в Серогозской операции.

2

В сентябре 1920 года 51–я дивизия получила долгожданную передышку. Новые бойцы влились в поредевшие полки. Началась боевая и политическая учеба. Начдив приказал командирам научить красноармейцев отражать атаки конницы, бронемашин и танков.

Большое внимание Блюхер уделял партийно–политической работе. Была проведена первая дивизионная партийная конференция. Она открылась 15 сентября в селе Любимовке. В. К. Блюхер выступил с докладом о боевых задачах коммунистов. Начдив поставил в пример всему личному составу героические дела армейских большевиков Николая Иконникова, Николая Третьякова, Степана Королева, Андрея Сычева, Петра Золотова, Эриха Нейланда, Александра Данщина, Бориса Круглова, Владимира Хлебникова, Георгия Слизкова, Казимира Куровского, Роберта Сакса.

Конференция призвала членов партии еще активнее вести массово–воспитательную работу в своих подразделениях, помогать командирам обучать бойцов, укреплять дисциплину и порядок.

Коммунисты служили примером. Коммунисты пользовались уважением. И в партию шли лучшие бойцы и командиры. К 1 октября 1920 года в рядах армейских большевиков 51–й стрелковой дивизии насчитывалось 2212 членов и 825 кандидатов.

Дивизия залечила раны, восстановила былую боеспособность. 20 сентября в состав 51–й стрелковой вошла сформированная в Казани Ударная огневая бригада. Блюхер радовался такому мощному пополнению: два пехотных полка и один кавалерийский. Бригада прекрасно вооружена, кроме артиллерии и пулеметов имеет минометы и бомбометы. На проведенном смотре огневики показали хорошую строевую подготовку.

Начдив Блюхер использовал передышку для укрепления оборонительных рубежей. На каховский плацдарм прибыл помощник начальника инженеров Южного фронта Дмитрий Михайлович Карбышев. Не спеша обошел все три линии обороны. Недостатки отметил в полевой книжке. Сопровождавший Карбышева дивизионный инженер Федор Константинович Зуев вечером доложил Блюхеру:

— Этот помощник начальника инженеров по всем признакам большой придира. Все что-то записывал и записывал. Раскатает он меня по всем швам.

— Вот выдумщик! — сдвинул густые брови Блюхер. — Пригласите проверяющего ко мне.

По походке, обмундированию, умению докладывать Блюхер

определил — перед ним бывший офицер. Предложив Карбышеву стул, начдив спросил:

— Вы обследовали плацдарм. Как вы оцениваете инженерные работы?

— Противопехотные препятствия почти удовлетворительны, а противотанковые— отсутствуют. Крайне необходимо впереди внешней и основной линий отрыть в шахматном порядке противотанковые рвы. Промежутки между ними и Мелитопольский тракт срочно заминировать.

Блюхер покатал по столу карандаш, спросил:

— Кто вас сюда направил?

— Командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе по моей просьбе. Я хочу помочь вам подготовиться к отражению танковых атак противника.

— За помощь спасибо.

Завтра выедем вместе на позиции. Покажете, что нужно сделать в первую очередь.

Карбышев улыбнулся:

— Вот это деловой подход. К какому часу я должен прибыть?

— Я заеду за вами в шесть часов утра.

Начальник политотдела 51–й стрелковой дивизии Ф. В. Строганов

Весь день Блюхер провел на оборонительных рубежах с Карбышевым. Определили вероятные направления атаки танков, решили, какие препятствия следует создать, наметили артиллерийские позиции для ведения огня.

В тот же день специально выделенные подразделения приступили к выполнению приказа Блюхера о создании противотанковой обороны.

Используя временное затишье на фронте, начдив Блюхер вел усиленную войсковую разведку, стараясь раскрыть силы и замыслы противника. Вылазки разведчиков редко завершались удачами.

Утром 3 октября в штаб к Блюхеру пришел необычно взволнованный комбриг 151 Владимир Хлебников. Начдив ценил Хлебникова за его храбрость и воинскую сметку и после ранения Ольшевского назначил бывшего командира 451–го полка командиром бригады.

— Чем порадуете? — спросил Блюхер, указывая на стул.

— Пришел по секретному делу. В штаб бригады явились два хлопца из плавней — делегаты от «зелено–красных». Врангель объявил поголовную мобилизацию, а мужикам за барона помирать не хочется, вот они и удирают в камыши. Так вот эти посланцы предложили свои услуги: обещают скрытно провести нас в тыл белых и помочь занять Константиновну.

— А что это за хлопцы? Может быть, они специально подосланы. Подведут под засаду…

— Принесли бумагу от командира. По внешнему виду чистейшая беднота. Я их прощупал — не предадут. К тому же с нами будут — проводниками. Разрешите пустить роту.

Блюхер нашел на карте Константиновну, усмехнулся:

— Шилом моря не нагреешь. Не роту, а полк надо пустить в дело. Да придать кавалерию и броневики. Налет должен быть внезапным и коротким. Надо захватить пленных и документы. Кто поведет группу?

— Сам.

— Не зарывайтесь и не рискуйте. Мне нужен живой комбриг. Здоровый. Общее руководство и план за вами. Исполнение за командиром полка. Сами выберете.

— Пошлю Якова Кривощекова.

— Действуйте. О результатах донесете немедленно.

Комбриг Хлебников хорошо разработал разведывательную операцию.

Считая себя в глубоком тылу, командиры и солдаты Самурского полка сладко спали в хатах. Сон сморил наблюдателя на колокольне.

«Красно–зеленые» хлопцы по знакомым дорожкам скрытно провели сводный отряд к Константиновке. Одновременно два эскадрона под командованием командира 51–го конного полка Адольфа Казимировича Юшкевича подошли к Дмитриевке.

Ударом с фланга и с тыла Самурский полк был разгромлен. Многие так и не успели проснуться. В плен сдалось 300 солдат и 57 офицеров. Участники налета захватили 11 пулеметов, 4 легких

орудия французского происхождения, весь обоз и штабные документы. Операция продолжалась не более часа.

Утром Блюхер допросил офицеров. Отвечали охотно и обстоятельно. Уходить из штаба не хотели, вспоминали какие-то незначительные подробности, просили разрешения подумать и вспомнить. Пожилой рыжеусый штабскапитан, услышав от Блюхера: «Вы свободны. Идите» — неприятно заикаясь, спросил:

— Как понимать «свободны»? Ведь вы меня расстреляете. Это у вас называется — отправить в штаб к Духонину…

— Ошибаетесь. Мы не убиваем пленных. А вот ваши господа офицеры зверски расправляются с красноармейцами. У деревни Верхний Торгай врангелевцы захватили тридцать бойцов четыреста пятьдесят восьмого полка. Красноармейцы отказались выдать коммунистов, и все были замучены. Случайно спасся, убежав от конвоиров, политрук Кочегаров. Он и рассказал о гибели товарищей. Идите и скажите своим друзьям: пусть они успокоятся и не думают о смерти. И еще посоветуйте им обратиться с воззванием к офицерам и солдатам врангелевской армии, в котором расскажите о своей судьбе.

Офицеры посовещались и составили коллективное письмо к бывшим товарищам по оружию, призывая их не верить выдумкам о «зверствах красных» и смело переходить на службу Советской власти.

Это воззвание было отпечатано в типографии дивизионной газеты «Красный стрелок». Самолеты рассеяли листовки над позициями врангелевцев.

Сопоставив показания пленных с захваченными документами и разведывательными данными соседних дивизий, Блюхер получил полное представление о составе противостоящей группы генерала Черепова и 2–го армейского корпуса генерала Витковского. Удалось установить примерный численный состав артиллерии, бронеотрядов и танкового дивизиона. Противник имел двенадцать танков и столько же бронемашин.

Танки! Большинство бойцов их еще не видели. Выстоят ли новые, еще не прошедшие фронтовой закалки красноармейцы? В некоторых полках их более половины. Танки могут прорваться к переправам. Как остановить эти бронированные сухопутные корабли?

Эти вопросы не давали покоя Блюхеру. Он вызвал начальника артиллерии В. А. Будиловича.

Дисциплинированный, весьма начитанный и культурный начарт Будилович на вопрос начдива: «Сумеете ли вы отразить атаку дюжины танков?» — уверенно ответил:

— Подобьем и две дюжины. Чем больше танков, тем больше

трофеев. Назад не вернутся.

— А на чем базируется этакая самоуверенность?

— Разрешите внести поправку — не самоуверенность, а уверенность. Мы имеем отличных артиллеристов. Некоторые из них, как, скажем, Леонид Александрович Говоров или Михаил Иванович Плеханов, имеют специальное образование и боевой опыт. Снарядов достаточно. Что же касается выдержки и храбрости, занимать не надо — всегда в наличии.

— Хорошо. А если противник перейдет в наступление ночью?

— Будем вести огонь по секторам. Пристрелка уже произведена. Не пройдут — ни днем, ни ночью.

— Хорошие вести приятно и слушать. Держите батареи в постоянной готовности.

3

6 октября 1920 года Врангель предпринял неожиданное наступление на Правобережную Украину. Создав значительный численный перевес, он потеснил советские войска и захватил на правом берегу Днепра (в районе Александровки) плацдарм глубиной 20–25 километров. 1–я армия, в которую входили лучшие дивизии — дроздовская, корниловская и марковская, совместно с конницей генерала Бабиева двинулась на Апостолово.

По приказу командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе с каховского плацдарма были сняты Латышская и 52–я стрелковые дивизии. Затем ушли две бригады 15–й дивизии. На фронте Апостолово — Никополь завязались ожесточенные бои.

На каховском плацдарме остались 51–я стрелковая дивизия и 44–я бригада 15–й стрелковой дивизии.

На эти части Врангель бросил 2–й армейский корпус генерала Витковского, состоявший из 13–й и 34–й пехотных дивизий, двух кавалерийских дивизионов, чехословацкого полка, артиллерии, бронечастей и авиации. Одновременно с востока наступала группа генерала Черепова, насчитывавшая до .1200 штыков, 150 сабель, 8 орудий и 3 бронемашины.

Белые начали атаку 14 октября обстрелом из 70 орудий правого боевого участка плацдарма. В 6 часов утра на позиции 151–й и Ударной огневой бригад вышли девять танков и семь бронемашин. За ними двигались пехота и кавалерия.

Утомленный работой, Блюхер спал за столом, положив голову на руки. Разбудил грохот канонады. Начдив позвонил начарту Будиловичу:

— Какова обстановка? Началось?

— Противник атакует на правом фланге. Ввел бронемашины и танки.

— Не пропустите танки на переправу.

Ответа не услышал. Должно быть, порвалась связь.

От взрывов снарядов и бомб в штабе вылетели стекла. Блюхер позвонил в Ударную огневую бригаду. Услышал хрипловатый голос:

— Комбриг Ринк у аппарата.

— Докладывайте! — потребовал начдив.

— Танки и бронемашины прорвались через позиции. Отражаем атаки кавалерии и пехоты. Лезут напролом. С потерями не считаются. Придется отойти на основ…

«И здесь обрыв», — поморщился Блюхер и приказал вызвать штаб 151–й бригады.

Дозвониться не удалось…

Начдив послал связных к комбригам с требованием каждый час присылать боевые сводки.

Позвонил командиру конной группы Адольфу Юшкевичу, приказал:

— Атакуй противника во фланг и тыл. Возьми артвзвод и две бронемашины. Действуй южнее Могилы Землянской.

— Выступаю, товарищ начдив…

Блюхер положил трубку, сказал начальнику штаба Датюку:

— Пошлите приказание комбригу Круглову: занять переправы и любой ценой задержать танки.

А в это время защитники плацдарма вели героическую борьбу с огромными бронированными английскими машинами.

Батареи командира 3–го легкого артиллерийского дивизиона Леонида Говорова стояли в садах за хутором Терны. Танк «За Русь святую», прорвав три ряда колючей проволоки, перевалил через окопы. Говоров приказал командиру 1–й батареи Сергею Крюкову уничтожить танк. Артиллеристы выкатили орудия на открытые позиции и сосредоточили огонь на покачивающейся черной глыбе. Одно орудие и два пулемета на танке заглохли. Команда не выдержала, повернула машину назад. Снаряд врезался под днище, оборвал гусеницы. Офицеры выскочили из танка и принялись исправлять повреждение. Шрапнель накрыла их.

Второй танк, «Кутузов», не успел дойти до окопов. Говоров обрушил на него огонь всех орудий. Взорвался бензиновый бак. Жаркое пламя взметнулось над железным чудищем.

Командир артиллерийского дивизиона 51–й стрелковой дивизии Леонид Александрович Говоров

На огневые позиции 10–го легкого артдивизиона вышел танк «Ермак» и открыл огонь из двух орудий и пяти пулеметов. Номерные первого орудия были ранены. Командир дивизиона Орлов заменил наводчика и бил в упор. Снаряды словно пригвоздили танк к земле. Орлов почувствовал свирепую боль ниже колена и сполз на землю. Подбежавшему командиру взвода Нестерову сказал:

— Я ранен. Останешься за меня.

Нестеров приказал санитарам вынести Орлова в укрытие. В эту минуту показался еще один танк — «Генерал Скобелев». Нестеров вступил в огневой поединок и двумя снарядами подбил вражескую бронированную машину.

Командир 2–й батареи 3–го артдивизиона Тихов помогал пехоте отражать атаки. Меткими выстрелами батарейцы отогнали два броневика. Не успели сменить позиции, как из облака пыли и дыма выплыла громоздкая туша с белой надписью: «Генерал Корнилов». Из приоткрытого люка донеслись зычные голоса:

— Корниловцы, на переправу! Ура!

— Корниловцы, в штаб к Духонину! — крикнул Тихое. — Огонь!

Батарея ударила в упор. Взрывы взметнули столбы огня и земли вокруг танка. Пулеметная очередь полоснула по щиту орудия.

— Огонь! — повторил Тихов.

Два снаряда врезались в башню. Мотор заглох.

Сосредоточенным огнем артиллерийского дивизиона Ивана Матюшкина был подбит танк «Степняк».

С сухопутными кораблями бесстрашно боролись пехотинцы.

Глухо ворча и лязгая, вражеская машина переползла через окоп, в котором сидел красноармеец Паршин. Стряхнув комья земли и выхватив из ниши гранату, боец бросился за танком. Из окопа выскочил командир роты коммунист Голованов.

Пулеметная очередь прошла над головой бегущих.

— Не уйдешь! Не уйдешь, гад! — крикнул Паршин и прыгнул на танк.

Люк открылся. Показалась рука с маузером. Прогремели выстрелы. Паршин упал. Голованов бросил гранату в люк. Взрыв остановил вражескую машину.

Только два танка прошли все три линии обороны и двинулись к Каховке. Их встретили сосредоточенным огнем и прогнали назад артиллеристы батарей Иосифа Живицкого и Михаила Плеханова.

Главный козырь был выбит из рук генерала Витковского. Танковая атака захлебнулась[46].

Начарт Будилович доложил Блюхеру о доблестном победном поединке. Начдив ликовал:

— Представьте наградные листы на Говорова, Крюкова, Орлова, Нестерова, Тихова, Матюшкина, Плеханова, Живицкого. Какие молодцы! Готовьтесь к контрнаступлению.

В полдень отошедшие на основную линию обороны полки 151–й, 153–й и Ударной огневой бригад начали отбивать у врага обильно политые кровью героев, вспаханные снарядами рубежи.

Два кавалерийских полка, 51–й и 9–й, под командой Адольфа Юшкевича ринулись в тыл наступающим вражеским частям. Кавалерия белогвардейцев была опрокинута и отошла на колонию Каменный Кол, что на тракте Каховка — Перекоп.

Генерал Витковский оказался вынужденным снять крупные силы с других участков и бросить на полки Юшкевича. По красным кавалеристам открыли огонь восемь орудий и шесть бронемашин. Артиллеристы батарей Григорьева и Пьянкова, сопровождавшие группу Юшкевича, отбили атаки бронемашин. И снова конная лава хлынула на вражескую пехоту.

К концу дня Юшкевич сообщил Блюхеру: противник отошел в западном направлении, потеряв броневик и два орудия.

Продвижение частей каховского плацдарма приостановилось поздно вечером.

Блюхер донес командарму 6 К. В. Авксентьевскому о восстановлении линии обороны на всем ее протяжении и о готовности с рассветом продолжать наступление.

Внимательно следивший за обороной Каховки М. В. Фрунзе вызвал Авксентьевского к прямому проводу и передал:

— Если чутье меня не обманывает, то противник под

Каховкой уже захлебывается в своих атаках. Теперь необходимо энергичное контрнаступление с нашей стороны. Подтяните все ближайшие резервы и при первой возможности… нанесите стремительный контрудар. Передайте привет Блюхеру и его славным войскам. Они сейчас решают судьбу всей кампании.

Командарм 6 Авксентьевский приказал начдиву 51 разгромить 2–й армейский корпус белогвардейцев, 15 октября в 8 часов утра по приказу Блюхера пошли в атаку полки 151–й, 153–й и Ударной огневой бригад.

Сражение продолжалось до позднего вечера. Все части продвинулись вперед, но главной задачи не выполнили.

Блюхер был недоволен действиями своих частей. Бригады не вышли на рубежи, указанные в приказе. Операция приняла затяжной характер, стремительного удара не получилось.

Начдив долго сидел у карты, проверял подчиненных и самого себя. И пришел к выводу, что виноваты не только комбриги, но и сам он, начальник 51–й стрелковой дивизии. Противник сохранил основные части, и разбить их можно только превосходящими силами. Значит, надо было ввести в бой 152–ю и 44–ю стрелковые бригады, не держать их в резерве.

И на следующий день Блюхер оставляет у Каховки всего лишь один 455–й стрелковый полк, а все остальные части бросает на врага. Наступление развивается успешно. Полки противника отходят. Блюхер торжествует. Сегодня корпус генерала Витковского будет разгромлен.

В 13 часов 50 минут Блюхеру позвонил начальник штаба Датюк:

— Вас срочно вызывает к прямому проводу командарм Авксентьевский.

Командарм Авксентьевский, ссылаясь на распоряжение командующего Южфронтом Фрунзе, приказал прекратить наступление и немедленно начать отход на Каховский плацдарм.

Это было так неожиданно, что Блюхер усомнился в точности переданных указаний и попросил повторить приказ. И снова не поверил. Как это отступать, когда вся дивизия рвется вперед, стремится уничтожить врага. И Блюхер просит отменить приказ и дать возможность до конца выполнить боевое задание. Командарм настаивает: отходить, отбитые у врага танки, бронемашины, тяжелые орудия и самолет уничтожить.

И тогда Блюхер снова обращается с просьбой:

— Разрешите произвести отход по окончании сегодняшнего боя. С наступлением темноты.

— Разрешаю, — отвечает командарм.

Сражение продолжается до позднего вечера.

В штаб поступают победные боевые сводки. Командир конной группы Адольф Юшкевич сообщает, что в селе Натальино разгромлены Симферопольский и Феодосийский стрелковые полки. Захвачено более 300 пленных, 2 орудия, 20 пулеметов, обозы с патронами и снарядами, штабные документы.

В ночь на 17 октября 51–я дивизия отошла на каховский плацдарм.

И здесь Блюхер узнал, что временное отступление связано с общим планом разгрома Врангеля, разработанным командюжом М. В. Фрунзе. В армии Южного фронта вливаются новые соединения. Подходят с белопольского фронта дивизии 1–й Конной армии С. М. Буденного. Готовится решительный удар.

Добрая слава о стойкости, мужестве и геройстве 51–й стрелковой дивизии разнеслась по всей стране.

Московский Совет принял шефство над 51–й стрелковой дивизией. 20 октября на каховский плацдарм прибыла делегация столицы.

На площади выстроились свободные от сторожевой службы бойцы 51–й, отныне Московской, стрелковой дивизии. На правом фланге в четких рядах — дивизионная школа красных командиров: три пехотные роты и пулеметная команда. Блюхер гордился созданной еще в августе школой и даже в самые трудные боевые минуты не отрывал курсантов от учебы. А на левом фланге расположилась сводная рота, составленная из бывших раненых, только что приехавших к своим однополчанам. И Блюхеру было приятно видеть лица старых боевых друзей, вернувшихся к прославленному в боях Знамени.

В глубокой тишине начдив Блюхер принял от почетных гостей Красное знамя и поднял над головой. Стоящие прочли на алом бархате слова: «Уничтожь Врангеля!»

Начдив Блюхер расправил плечи, и торжественной клятвой прозвучали слова:

— Боевые товарищи! Москва обращает на нас полные надежды взоры и дарит нас своим вниманием. Наша революционная обязанность — оправдать надежды московских рабочих. «Уничтожь Врангеля!» — сказала нам Москва. Мы слышим в этой надписи боевую команду, поданную нам Республикой, поданную нам Председателем Совета Труда и Обороны Владимиром Ильичем Лениным. И эту команду мы, как истинные революционеры, выполним отчетливо и точно. «Уничтожь Врангеля!» — отныне будет нашим лозунгом, и в громе боевого клича мы гордо понесем к твердыням Перекопа почетное Знамя Москвы и, водрузив его над красным Крымом, закончим победный марш доблестной 51–й Московской

стрелковой дивизии.

VII. КРАСНОЗВЕЗДНАЯ ЛАВА

1

М. В. Фрунзе приказал командующему 6–й армией: «С утра 28 октября главными силами армии перейти в решительное наступление на юг и разгромить части 2–го армейского корпуса противника»[47].

Эту задачу новый командарм Август Иванович Корк возложил на начдива 51–й Московской Блюхера.

Рано утром полки дивизии совместно с другими частями 6–й армии атаковали вражеские войска и прорвали линию обороны на всем фронте.

Ожесточенный бой разгорелся на участке Черная Долина — Натальино. Белогвардейцы встретили наступающих плотным ружейно–пулеметным и артиллерийским огнем. Цепи залегли.

Политрук 455–го стрелкового полка Андрей Сычев вновь поднял бойцов в атаку. Красноармейцы прошли смертельную заградительную полосу и пробились к селу Натальино.

Генерал Витковский ввел в бой два резервных полка и с трех сторон окружил атакующих.

Бойцы заняли круговую оборону. Два часа отражали непрерывные атаки врангелевцев. Пример стойкости и отваги показывали коммунисты: отделенный командир Семен Ермаков, красноармейцы Афанасий Ткачев, Семен Бурцев, Андрей Смирнов. Начальник команды пеших разведчиков Павел Непутин заменил погибшего наводчика и точным кинжальным огнем срезал подошедшую на сто шагов цепь белогвардейцев[48].

Кончались патроны. Комполка Глушков увидел надвигающееся облако пыли. Кто это —враги или свои? Алым пламенем загорелось Красное знамя.

— Наши! Наши! — закричал Глушков. — Вовремя подоспели.

Конная группа Адольфа Юшкевича ворвалась в село и обратила в бегство 135–й пехотный полк врангелевцев.

Стремясь удержать важные позиции, генерал Витковский двинул 133–й и 134–й полки в тыл кавалерийской группы Юшкевича.

Услышав за спиной частую пальбу и крики «ура», Юшкевич прекратил преследование отступающих, быстро повернул свои полки и обрушился на белогвардейцев.

Удар был ошеломляющим, гибельным. Пехота 133–го и 134–го белых полков полегла у села Натальино. Успели удрать

команды конных разведчиков и тачанки. В плен сдались 250 врангелевцев.

В этом бою вражеские пули сразили командира конной группы Адольфа Казимировича Юшкевича.

Отчаянное сопротивление частям 153–й бригады оказали белые полки, оборонявшие Черную Долину. Несколько атак было отбито.

И тогда находившийся в боевых цепях начальник штаба бригады Николай Гусев связался с комбригом Борисом Кругловым и предложил смелую операцию, основанную на обходном маневре. В 3 часа дня 458–й стрелковый полк при поддержке бронемашин ударил с тыла по позициям белых. С фронта Черную Долину атаковал 457–й стрелковый полк. Врангелевцы бежали по Перекопскому тракту, оставив на поле боя пять пулеметов и большую часть обоза.

Темная октябрьская ночь прервала преследование врага.

Весь день Блюхер руководил сражением. Весть о гибели Юшкевича приглушила радость победы. Адольф Казимирович был любимцем начдива, гордостью 51–й Московской дивизии. Сколько верст прошли вместе по огневым военным дорогам! Скромным командиром конвойной команды начал службу в только что сформированной дивизии большевик Адольф Юшкевич. А на Каховском плацдарме он уже водил в атаки два кавалерийских полка. Уничтожал батальоны и полки врангелевской гвардии. У него было больше всех побед и больше всех трофеев и пленных.

Поздно вечером Блюхер примчался в Натальино и вызвал военкома И. И. Елсукова.

Всегда веселый, разговорчивый, находчивый, Елсуков в этот раз никак не мог рассказать о гибели друга — мешали слезы.

— Не уберегли! Какого человека не уберегли, —с болью и горечью сказал Блюхер и наглухо закрыл лицо ладонями.

— Вместе были. Меня не зацепило, а его прямо изрешетили. Подумать только, двадцать две пули, — чуть слышно произнес Елсуков. — Может, и я виноват. Крикнул офицерам: «Сдавайтесь!» А они подпустили и грохнули залпом, гады. Теперь я их в плен брать не буду.

— А вот это лишнее, — сердито оборвал Блюхер. — Среди пленных сплошь насильно мобилизованные. Многие из тех, кого захватил Юшкевич, служат у нас преданно и честно. Возьми себя в руки, комиссар.

У могилы боевого друга, у приспущенных алых знамен начдив Блюхер прочел приказ, венчающий жизненный путь литовского крестьянина, храбрейшего командира Адольфа

Казимировича Юшкевича.

— «Преждевременная смерть вырвала из наших рядов одного из лучших бойцов Революции. Весть о его кончине острой болью глубокого сожаления отозвалась в сердцах красноармейцев не только пятьдесят первого конного полка, но и всей дивизии.

Три года товарищ Юшкевич в рядах Красной Армии с удивительным пренебрежением к опасности боролся за неприкосновенность священных прав трудящихся классов. Энергичный, на редкость бесстрашный, он во всех опасных местах всегда и неизменно был впереди полка, наводя страх и ужас на неприятеля…

Спи спокойно, товарищ! На твоей могиле мы обещаем докончить то великое дело освобождения обездоленных и угнетенных, за которое так геройски, так само-’ отверженно ты отдал свою молодую жизнь»[49].

А на следующий день бойцы 51–й Московской стрелковой дивизии отомстили врагам за гибель своего любимца.

Сбивая с укрепленных рубежей вражеские полки, бригады дивизии выполнили приказ Блюхера и вышли к Черному морю.

Спасая 2–й армейский корпус от гибели, главнокомандующий Врангель приказал генералу Витковскому не жалеть лошадей и форсированным маршем отойти в Крым.

Атакующие полки выбились из сил. За два дня боев они прошли более 80 верст.

Блюхер знал об этом и все-таки принял решение на плечах отступающих ворваться в Крым.

Ударная огневая, 152–я и кавалерийская бригады в сумеречной темноте двинулись на город Перекоп.

С небольшой высоты 9.3 начдив Блюхер видел, как озарился желтыми вспышками орудий Турецкий вал. Земля глухо загудела от разрывов.

Ударная огневая оправдала свое название. Она прорвала три линии обороны и пробилась в горящий город.

И тогда противник обрушил на маленький город сокрушительный огонь из 180 орудий. Неся большие потери, полки отошли на исходные позиции. Врангелевцы заняли Перекоп. Всего на час. Дружной атакой полков 152–й и Ударной огневой бригад белогвардейцы были выбиты из города Перекопа.

Всю ночь шел бой. Части прорвались к Турецкому валу. Командир 6–й роты коммунист Петр Иванов прошел три линии проволочных заграждений и зацепился за Турецкий вал. Горстка храбрецов была сбита огнем броневиков и пулеметов.

Днем полки несколько раз бросались к укрепленным позициям, но, попав под жесточайший, губительный огонь,

откатывались назад.

Блюхер убедился, что усилиями одной 51–й Московской дивизии Перекопа не возьмешь, и приказал отвести части назад —из зоны ружейно–пулеметного огня.

По установившейся привычке начдив всесторонне изучил причины неудачи штурма. Пехота действовала хорошо, но не могла преодолеть стену инженерных укреплений. Ей должна была помочь артиллерия, но враги сбивали орудия с позиций, как только они открывали огонь. Здесь все выверено, все пристреляно. Надо просить артиллерию крупного калибра.

Поздно вечером 30 октября Блюхер направил командарму Корку донесение, в котором рассказал, почему не удалось с ходу взять перекопские укрепления. Начдив заканчивал донесение выводами: «Оставлять части 152–й и Ударной огневой бригад, совершившие длинный марш, голодных, раздетых теперь в районе, где нет ни населенного пункта и даже возможности подвезти им продовольствие, невозможно. Считаю нужным отвести части для приготовления к новому удару по хорде от хут. Преображенка — высота 9.3 — Перво–Константиновка, где и нужно закрепиться, на что и прошу вашего разрешения, а также прошу усилить меня артиллерией и довести ее до состояния возможности борьбы с артиллерией противника, его пулеметами, инженерными сооружениями»[50].

Командарм согласился с предложениями Блюхера отвести части, но удовлетворить просьбу об усилении штурмующей дивизии тяжелой артиллерией не мог, так как она застряла в пути из-за разрухи железных дорог в прифронтовой полосе.

За ожесточенным сражением с армией Врангеля напряженно следила вся страна. Организатор боевых побед Советского государства В. И. Ленин еще 16 октября 1920 года направил телеграмму в Реввоенсовет Южного фронта — М. В. Фрунзе, в которой предостерег от чрезмерного оптимизма и указал: «Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»[51].

Выполняя это указание, Фрунзе приказал командарму А. И. Корку немедленно занять все северное побережье Сиваша и произвести рекогносцировку имеющихся бродов.

Приказ дошел до непосредственных исполнителей. Начдив Блюхер отдал распоряжение комбригу Б. В. Круглову произвести разведку, отыскать броды, приготовиться к форсированию Сиваша, а также проверить возможность обхода укрепленных позиций по Перекопскому заливу.

Комбриг Иван Боряев получил указание оборудовать в районе Преображении и Перво–Константиновки учебные опорные пункты

и в предельно короткий срок научить бойцов преодолевать многорядные проволочные препятствия. Заготовить лестницы, а также маты из соломы и камыша.

2

В штабе остались связисты и дежурные. Сон одолевал их, и они часто выходили на улицу освежиться. Р4ачдив сидел за столом и упорно думал о перекопских укреплениях. Их создавали под руководством лучших английских и французских инженеров. Работами руководил крупнейший фортификатор генерал Фок. На одиннадцать километров протянулся Турецкий вал. Его прикрывает ров глубиной до десяти метров и шириной вдвое больше. И вся эта гряда плотно опутана колючей проволокой и сплошь покрыта пулеметными гнездами и артиллерийскими позициями. Как преодолеть эту «стену смерти»? Многие из участников вчерашнего штурма считают Турецкий вал неприступным. Многие, но не все. Командир 6–й роты 456–го полка Петр Иванов был на Турецком валу. Он многое увидел. С ним надо поговорить.

И Блюхер приказал командиру полка Федору Рязанову немедленно разыскать Иванова и прислать его в штаб.

Иванов пришел к утру. Полы его шинели были разодраны в клочья. На руках запеклись глубокие кровавые ссадины.

— Садитесь, товарищ Иванов, — указал на табуретку Блюхер. — Расскажите, как выглядит этот окаянный вал.

Густой румянец залил щеки командира роты:

— Виноват, товарищ начдив, рассматривать-то вроде и некогда было. Крепко они нас поколотили. Да ведь и нехитрое дело. Они сверху видят все и лупят наверняка.

— А вы постарайтесь припомнить. Для пользы дела, понимаете?

Иванов снял папаху, покосился на портсигар, лежащий на столе. Блюхер уловил его взгляд, открыл портсигар, предложил:

— Берите. Не стесняйтесь.

— С превеликим удовольствием, — обрадовался Иванов. — Худо у нас там, на передовых-то, товарищ начдив. Лежим на голой мерзлой земле. Без еды и курева. Костра не разведешь, кипяточку не согреешь. Называется, Крым, а холоднее, чем у нас в Ярославской губернии.

— Вот как! Оказывается, мы земляки.

— В Рыбинске наш полк формировался. Земляков-то совсем немного в наличности осталось. Весь Урал и Сибирь прошли,

косая не тронула, а здесь густо полегли. Крепкий орешек попался. Перед самым Турецким валом две линии окопов с колючей проволокой. Мы их прошли, как на крыльях перелетели. А вот третья линия и есть самая главная беда. Она по самой верхушке тянется. Перед валом по стене проволочный забор в пять рядов. И во рву полоса колючки пропущена. Откуда они только проволоки набрали, гады?!

— От союзников. Французы и англичане снабжают. А как вы прошли все эти запоры–заборы?

— По–разному. В одном месте снаряды помогли, порвали колючку. В другом гранатами проход проделали. А на самой верхушке перемахнули по мертвым товарищам. Я начальник маленький и старших поносить не имею полного права, но все-таки выскажусь, как думаю. Если бы по моим следам пошли другие роты, всех беляки не успели бы порешить. И тогда мы бы зацепились за вал и устроили белым поминанье. Воевать тогда легко, когда по твоим пятам друзья–побратимы идут и в крутую минуту не оставляют в беде. А по частям разбить, понятно, нетрудно, да еще с такой вышки…

Блюхер прищурил глаза, задумчиво повторил:

— Идут по пятам… Не оставляют в беде. А ведь это очень дельно сказано. Идут по пятам. Непрерывно, волна за волной. Первая пробила проходы, вторая ворвалась в окопы, третья пошла еще дальше. Рвет оборону на всю глубину. Правильно, товарищ Иванов, на большое дело навели.

Блюхер открыл ящик стола, из коробки достал часы, передал Иванову:

— Носи, земляк, не простые, правительственные. От самого ВЦИКа. Да ты что, вроде и не рад. Зеваешь…

— Виноват, товарищ начдив. Развезло в тепле-то, рот сам открывается. Ведь четыре ночи глаз не смыкал. Разрешите хоть часик прикорну на лавочке. Шибко спать хочется.

— Здесь помешают. Ступайте в соседнюю комнатушку, к связистам.

— Спасибо, товарищ начдив. Сон, такая холера, прямо с ног валит.

Блюхер торопливо достал лист бумаги. Красным карандашом провел четыре линии. Пометил: первая волна, В нее войдут чистильщики: разведчики, саперы–подрывники, гранатометчики, резчики проволоки; они должны расчистить проходы, намеченные артиллерийским обстрелом, и проделать новые для следующей за ними пехоты. Это вторая волна. Штурмовики. Не менее шести батальонов, развернутых на фронте прорыва. Они должны пробиться к Турецкому валу. Большего они, пожалуй, не успеют

сделать. В их поредевшие ряды сразу же вливается третья волна. Какова численность? Не менее трех батальонов. Задача — во что бы то ни стало зацепиться за Турецкий вал. Оборонительный рубеж огромной глубины — до Юшуня. Верст на 25 вытянули стену колючки и траншей. Значит, нужна четвертая волна. Это будут резервные полки, не меньше трех. Они должны развить успех товарищей по оружию и пойти дальше на Юшунь. Хватит ли у них сил? Трудно сказать, но надо предусмотреть и пятую волну. Наполнить ее кавалерией и поставить задачу сбить контратакующих и выйти на чистое поле Крыма.

Самое сложное — скомплектовать первую волну. В нее должны войти бойцы, способные на самопожертвование. По–видимому, все они погибнут, пробивая проходы в проволочных заграждениях. А жить всем хочется. В первую волну придется поставить коммунистов. Да и вторую надо формировать из армейских большевиков и бывалых бойцов, ветеранов дивизии. Тренировать их на полосах препятствий у Преображенки и Перво–Константиновки. Снабдить всем необходимым.

Утром Блюхер ознакомил с планом эшелонированного штурма начальника штаба Датюка, военкома дивизии Флигельмана и начальника политотдела Строганова. Решили немедленно скомплектовать штурмовую группу из 2 тысяч бойцов и командиров.

К штурму готовились во всех частях. Коммунисты проводили беседы, читали газеты, призывали бойцов проявить высшее мужество и отвагу в предстоящем решающем бою.

По приказу начдива все полковые разведчики изучали инженерные препятствия Турецкого вала. Снова отличился любимец дивизии — красноармеец 451–го полка Павел Яковлевич Кашин, награжденный орденом Красного Знамени еще под Тобольском. Спрятавшись в развалинах разбитого дома, Павел Кашин с товарищами обнаружили, что на участке перед рвом установлен трехрядный проволочный забор и однорядный — протянут по самой стенке. Две ночи разведчики прорезали проходы и без потерь исчезали в укрытиях. Белогвардейцы выставили заставу с двумя пулеметами. В темноте Павел Кашин и его друзья проползли в ров. Заметили огоньки цигарок. Забросали заставу гранатами. Захватили пулеметы и документы. С вала брызнули ослепительным светом прожекторы. По смельчакам хлестнули перекрестным огнем. Разведчики потеряли пять товарищей, но пулеметы приволокли.

Отделенный командир Лаврентий Пономарев с бойцами скрытно пробрался к Турецкому валу и захватил офицера. Допросив пленного, Блюхер приказал Датюку:

— Немедленно представьте к награде орденом Красного Знамени отделкома Лаврентия Ивановича Пономарева. Молодец! Помог, всем помог.

Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе приказал командарму А. И. Корку: «…переправившись не позднее 8 ноября на участке Владимировка — Строгоновка — М. Кугаран, ударить в тыл перекопским позициям, одновременно атаковав с фронта, и не позднее 10 ноября главными силами выйти на линию Копкары — Джелишай — Яланташ. Атаку производить решительно, сосредоточив для удара крупные силы. Иметь даль-

3

нейшей задачей решительное наступление на Евпаторию — Симферополь — Севастополь».[52]

На 51–ю Московскую дивизию легла наиболее тяжелая и сложная часть боевой операции. Она должна была двумя бригадами атаковать в лоб неприступные перекопские позиции, а две другие двинуть через Сиваш в тыл противнику в направлении Армянского Базара.

Всю ночь Блюхер думал о том, как лучше выполнить директиву командарма, и только к утру свел свои тяжелые раздумья в оперативный приказ.

Наиболее сильные бригады—152–я Боряева и Ударная огневая Ринка — должны были штурмом взять Турецкий вал и прорвать Юшуньские позиции.

Командиры 153–й бригады Круглов и кавалерийской группы Козленков получили задание совершить восьмикилометровый марш по вязкому дну Сиваша и через Караджанай пробиться к Армянску.

151–я бригада Хлебникова оставалась в резерве — в Перво–Константиновке.

Получили задания начальники служб дивизии.

Вскоре, после того как приказ был разослан, стали поступать тревожные сигналы.

Начальник артиллерии Будилович жаловался на явно недостаточный боекомплект снарядов для тяжелых орудий и сомневался в возможности организации массированного огня в течение всей операции.

Дивизионный инженер Федор Константинович Зуев просил выделить людей для подготовки артиллерийских позиций и напоминал о том, что первая штурмовая волна до сих пор полностью не обеспечена ножницами для резки проволоки и

взрывпакетами.

Начальник связи Гулин робко, но довольно назойливо пытался убедить начдива в том, что натянуть телефонные линии для всех бригад нет никакой возможности, так как людей маловато, а главное — провода и шестов не хватает для такого обширного фронта.

После бессонной, изнурительной ночи у Блюхера разболелась голова, противно заныла спина. С трудом сдерживая раздражение, начдив требовал проявления инициативы и неуклонного выполнения всех указаний.

Впервые за все время службы в армии он отошел от своего твердого правила разговаривать с подчиненными ровным, спокойным голосом и, сам того не желая, перешел на повышенный, угрожающий тон.

В это время в Чаплинку приехали командующий фронтом Фрунзе и командарм Корк.

Блюхер не ожидал их и доложил о подготовке к штурму сбивчиво и нервозно.

Фрунзе прочитал приказ и, глядя в упор, спросил:

— Все, что наметили, выполните?

Блюхер опустил голову, задумался.

— Вы что, сомневаетесь в выполнении директивы? — удивился Корк.

Блюхер развернул схему. Вот она, стена укреплений.

— Труднейшая операция, к сожалению, материально не обеспечена. Нам обещали шесть дивизионов тяжелой артиллерии, а дали один. Да и тот не имеет достаточного боекомплекта. Мы послали несколько заявок на саперные ножницы и взрывчатку и не получили десятой части затребованного инженерного имущества. А ведь люди не птицы, через проволоку не перелетят…

— Спокойно! — сурово оборвал Фрунзе. — Не теряйте времени па пустые жалобы. Дивизионы тяжелой артиллерии застряли в Кременчуге. Я пытался их протолкнуть и не мог. Железные дороги разбиты, мосты взорваны. Республика бедна, вы это сами знаете, и ничем нам не поможет. Мы должны помочь Республике завоевать и закрепить мир.

— Дивизия понесла крупные потери… Все оборвались, разбили обувь. А морозы стоят дикие, пятнадцать градусов. Появились обмороженные.

— Да, на вас возложена задача неимоверной трудности. И ее надо, подчеркиваю, товарищ Блюхер, надо, выполнить любой ценой. Каждый день передышки усиливает Врангеля. Ему и его союзникам на Западе выгодна наша медлительность.

— Сделаем все возможное, товарищ Фрунзе. Наш успех будет зависеть от действий Сивашской группы.

— Независимо от действий соединений на Литовском полуострове вы обязаны штурмом взять Турецкий вал. Это мой категорический приказ.

Фрунзе надел папаху, повернулся к Корку:

— Август Иванович, вы останетесь здесь, в Чаплин–ке, и проверите готовность штаба, а мы поедем в пятьдесят вторую дивизию к Германовичу.

Блюхер проводил Фрунзе до машины.

С моря наползал густой седой туман. Прожектора старательно рубили надвигавшуюся темноту.

Блюхер не спеша вытер с лица пот. Как эго все нехорошо получилось. Видно, бессонные ночи, усталость, крупные потери при первом штурме вызвали повышенную раздражительность. Начал жаловаться на снабжение, изрекать прописные истины: «Стена укреплений… Люди не птицы, через проволоку не перелетят». И перед кем — самим командующим. Сейчас предельно исполнительный и спокойный бывший подполковник Август Корк строго и неприязненно напомнит о дисциплинированности и воинском долге.

Прихрамывая, Блюхер пошел в штаб.

Корк сидел рядом с Датюком и просматривал документы. Услышав скрип двери, сказал, не поворачивая головы:

— Через десять минут выезжаем к Сивашу.

— Я был там вчера. Разведка Сиваша проведена еще тридцать первого октября. Дно грязное, однако выдержит не только пехоту, но и конницу и артиллерию.

— Разведку вели также ваши соседи. Вы ничего нового не сообщили, — не повышая голоса, произнес Корк. — Меня интересует готовность к маршу.

На автомобиле доехали довольно быстро.

Бойцы сидели и лежали на мерзлой земле. Пахло дымом, но огня не было видно. Красноармейцы поочередно прикрывали крошечное пламя темными от копоти и пыли ладонями.

Корк тихо сказал:

— Костры демаскируют. Это лишнее.

Блюхер виновато заметил:

— Голое поле. Обогреться негде. Посмотрите, как они одеты.

— Знаю. Вы считаете себя добреньким, а меня этаким черствым сухарем. На войне, во имя большой цели, приходится глушить в себе самые прекрасные душевные чувства. Вы еще не умеете это делать. Потому и повели себя нетактично, беседуя с командующим фронтом.

Подбежал запыхавшийся комбриг Борис Круглов. Доложил быстро и толково.

Корк спросил:

— Боевую задачу выполните?

— Так точно! От действий моей бригады зависит успех на главном, перекопском, направлении.

— Ваше направление—главное, товарищ комбриг, — поправил Корк. — Здесь сосредоточены основные силы армии. А как вы намерены действовать на том берегу?

— Наступать на узком участке, не теряя связи с соседями слева. Иначе нельзя, в темноте растеряешь солдат.

— Вы бывший офицер?

— Всего лишь прапорщик, — смутился Круглов.

— Желаю вам успехов, товарищ Круглов.

Корк повернулся к Блюхеру, сказал улыбаясь:

— Я пройду в пятнадцатую, к своему земляку Раудмецу. Сопровождать не нужно. Занимайтесь подготовкой к штурму.

По пути Блюхер заехал в резервную бригаду к Хлебникову. Зашел в крайнюю избу. На столе мигало остренькое пламя коптилки. Плотно прижавшись друг к другу, бойцы писали письма родным и знакомым. Неграмотные с клочками бумаги стояли за спинами товарищей, терпеливо ждали, когда те закончат и выполнят их просьбы.

Блюхера никто не заметил, и он не решился прервать это навевающее грусть занятие. Кто знает, может быть, многие из них последний раз ведут короткий разговор с близкими, любимыми людьми. И еще Блюхер подумал о том, что надо будет написать письмо матери. Тоже волнуется, ждет весточки.

Блюхер хотел пройти в штаб, но из соседней избы донесся такой раскатистый, такой заразительный хохот, что не удержался, перешагнул через порог. В хате плавал густой махорочный дым. У лампы стоял хорошо знакомый Блюхеру отчаянно смелый красноармеец Константин Плакунов, представленный к ордену Красного Знамени за бой под Могилой Рясной, и громко читал отпечатанный листовкой «Манифест барона фон Врангеля», сочиненный приехавшим на Южный фронт Демьяном Бедным:

Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.

Смеялись от души, подталкивали в бок друг друга. А Плакунов старался, изображая Врангеля, воинственно размахивал руками. А когда прочитал последнюю строку, зрители потребовали:

— Костя, еще раз! Давай, Константин Петрович!

— Третий раз читаю.

— Еще раз! Здорово получается.

«А ведь, верно, здорово получается, — выходя за дверь, одобрил Блюхер. —Надо Строганову напомнить: пусть везде прочтут этот манифест. Молодец Демьян, хорошо помогает.»[53]

4

Первыми вступили в бой полки комбрига Круглова. В ночь на 8 ноября они пересекли обмелевшее озеро Сиваш и на рассвете прорвались сквозь проволочные заграждения, выбили врангелевцев из окопов и двинулись на Караджанай.

Получив донесение от Круглова, начдив Блюхер сказал Датюку:

— Наши зацепились за твердую землю на Литовском полуострове. Теперь и в лоб будет легче штурмовать. Поехали в Перво–Константиновку.

На участке Ударной огневой и 152–й бригад всю ночь бойцы первой штурмовой волны прогрызали проволочные заграждения перед Турецким валом. К утру удалось пробить несколько проходов в трехрядном заборе. В 6 часов подрывники приступили к уничтожению второй линии.

Врангелевцы залили передний край светом прожекторов и открыли прицельный огонь из винтовок, пулеметов, бомбометов и орудий. Оставив более половины своего состава у проволоки, первая штурмовая волна откатилась на исходные позиции.

Комбриги посылали к Блюхеру связных, просили ускорить артиллерийскую подготовку.

Блюхер дважды звонил к начальнику артгруппы Будиловичу и слышал в ответ:

— Густой туман. Ни черта не видим. По своим можем ударить.

А командарм Корк торопил:

— Пора начинать штурм.

— Пора, но без артиллерии не одолеем. Подождем, пока рассеется туман.

Только в 10 часов артиллерия начала стрельбу по Турецкому валу.

Блюхер видел, как над передним краем противника поднялись высокие черные столбы — словно роща выросла. Взрывы швыряли вверх колья, обрывки проволоки, камни и доски. Сплошное черное облако заволокло Турецкий вал.

— Вот теперь можно и атаковать, — сказал Блюхер начальнику штаба. —Николай Селиверстович, поторопите Боряева и Ринка.

Штурмовые волны хлынули к Турецкому валу. Наступали по всему участку фронта.

В бинокль Блюхер видел, как стремительно продвигались вперед стрелковые цепи.

До Турецкого вала оставалось не больше трехсот шагов, когда со всех огневых позиций белогвардейцы открыли огонь. Земля клокотала и глухо стонала под ногами атакующих. Штурмовая волна разбилась о стену плотного, смертного огня. Бойцы залегли.

К Блюхеру подошел Датюк, доложил:

— У Круглова обстановка осложнилась. Противник ввел в бой свежие части и при поддержке шести бронемашин потеснил головной, четыреста пятьдесят восьмой полк. Круглов организует контратаку и просит поддержать.

— Поддержать! Легко сказать. У меня всего в резерве три полка. А надо еще брать вал, будь он трижды проклят.

— Круглову очень трудно. Он зря помощи не попросит.

— Это верно. Придется послать к Круглову четыреста пятьдесят первый полк. И пусть выступают немедленно. Ветер изменился, дует с востока. Из нашего союзника превратился в злейшего врага. Нагонит в Сиваш воды, отрежет наших.

Датюк ушел.

Блюхер связался с Будиловичем, спросил:

— Как у вас с боеприпасами? Поддержать наступающих можете?

— Больше половины сожгли. А впереди еще Юшуньские укрепленные позиции.

— И все-таки поддержать надо. Стреляйте поточнее. Глушите пулеметные гнезда и орудия.

— Слушаюсь! — донеслось из трубки.

В 13 часов 35 минут полки Ударной огневой и 152–й бригад снова двинулись в атаку. Шли по трупам товарищей. Пробились к третьей, неразрушенной линии заграждений и, понеся большие потери, отошли…

Блюхер попытался связаться с комбригами, но связь была перебита. Да и что могут сказать безотказные, бесстрашные Ринк и Боряев в свое оправдание? Надо дождаться темноты. Атаковать

будет легче. К этому времени, может быть, изменится обстановка на той стороне Сиваша — у Караджаная.

Блюхер спросил у Датюка:

— Новую сводку от Круглова получили?

— Связи пет.

— Вызовите Гулина.

Начальник связи Сергей Фаддеевич Гулин пришел через полчаса. Блюхер спросил, не скрывая злости:

— Почему нет связи с Литовским полуостровом?

— На Сиваше поднялась вода. Да и какая там к дьяволу вода — форменный рассол. Провода старые, разъедает изоляцию. Нужна шестовая связь, а кольев нет. Я вам про это докладывал.

— Докладывать-то вы все хорошо умеете. Надо было шесты поискать по селам. Купить, черт возьми.

Гулин подумал, тихо сказал:

— Связисты говорят: «Сами встанем, если надо». Пусть держат провод.

Блюхер зябко вздрогнул, густые брови сурово сомкнулись:

— Это сверх сил, Гулин. Окоченеют. Может, есть другой какой выход?

— Искал. Прикидывал. Только так, товарищ начдив. Надежнее ничего не придумаешь.

— Да, придется. Ставьте живую связь. Потом их всех в санчасть. Поняли?

— Обогрею. Знаю как.

И Гулин убежал.

И вот они протянулись цепочкой от одного до другого берега, связисты 51–й Московской. Протянулись на девять верст.

Свирепый ветер дул с востока, хлестал по немеющим, багровым от стужи лицам. Кровоточили растрескавшиеся губы. Ветер гнал и гнал в гнилое море студеную темную воду. С каждым часом она поднималась все выше и выше и злобно хлестала по обледеневшим шинелям бойцов. Они не могли сдвинуться с места, постучать ногами. Ноги упирались в вязкое дно Сиваша. Сквозь их руки шли приказания, боевые донесения. В их руках была жизнь многих тысяч людей.

По этой живой линии комбриг Круглов доложил Блюхеру, что с помощью 451–го полка все атаки противника отбиты. Бой идет на подступах к Караджанаю. Захвачено 400 пленных. Половина из них поставлена в наш строй. Задание будет выполнено.

Блюхера обрадовала эта весть. Комбриг Круглов слово сдержит. Только надо ему побольше патронов подбросить, пока еще проходим Сиваш.

В 7 часов вечера Блюхер снова двинул на штурм 152–ю и

Ударную огневую бригады. Впереди пехотинцев шли броневики. Подрывники и гранатометчики пробили проходы в третьем заборе. По ним хлестнули фланговым и кинжальным огнем пулеметов. Герои погибли у проволоки.

И третья атака не удалась. Вереницы раненых потянулись от пылающего Перекопа.

Блюхер вызвал Флигельмана. Тот сел у стола, крепко стиснул ладонями синеватые острые скулы.

— Что будем делать, комиссар?

— Придется вводить в бой резервную бригаду.

— Не бригаду, а два полка. Давай подумаем…

Вбежал телеграфист, шумно дыша, прокричал:

— Товарищ начдив, к аппарату! Командующий фронтом требует.

— Речь пойдет о Перекопе, — поднялся Блюхер. — Вызовите Датюка. Немедленно!

Прошел несколько шагов и остановился, потрясенный резкой болью в бедре. Выругался. Надо как-то продержаться. Еще хотя бы сутки продержаться. Морщась, зашагал в аппаратную.

Фрунзе потребовал:

— Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны и уничтожены. Захватите Турецкий вал во что бы то ни стало. В случае промедления в выполнении приказа тотчас же последуют суровые меры наказания.

Блюхер ответил:

— Приступаю к исполнению приказа. Выполним любой ценой.

И впервые с беспощадной остротой Блюхер почувствовал, как тяжела ответственность начальника крупного войскового соединения за судьбы тысяч людей, ему подчиненных. Легче самому сто раз умереть, чем посылать на гибель боевых друзей и товарищей, с которыми прошел тысячи верст по дорогам войны. Что же делать? Как взять окаянный Турецкий вал? Ввести последние два резервных полка? А кто отразит контратаки, кто пойдет дальше — на Армянск? Надо поднять на ноги всех коммунистов тыла и создать новую штурмовую волну. Выдвинуть орудия в цепи пехоты и прямой наводкой бить по пулеметным и артиллерийским позициям. Огнем прорубать проходы.

Пошатываясь, Блюхер подошел к столу, за которым сидели Флигельман, Датюк и начальник оперативной части Голубых. Опустился на стул, потер ноющие виски, сказал:

— Командующий потребовал захватить вал во что бы то ни стало. И я ответил: приказ будет выполнен любой ценой. Прошу

вникнуть в эти слова — любой ценой.

— А почему не вводят в бой Первую и Вторую Конные армии? Да и четвертая стоит на месте. Одна наша, шестая, воюет, — угрюмо спросил Датюк.

— Это не наш резерв, а командующего фронтом. Мы должны спасти тысячи бойцов на Литовском полуострове. ДаЕайте собирать последние силы. Товарищ Флигельман, напишите начподиву Строганову, пусть немедленно мобилизует всех коммунистов тыловых подразделений в штурмовую волну.

Блюхер осмотрел стол, обернулся к Датюку:

— Николай Селиверстович, прошу боевые сводки о потерях.

— Не все прислали. Не могут подсчитать.

— Живых надо считать. Остальные ранены и убиты.

Блюхер быстро просмотрел сведения, полученные от комбригов и специальных подразделений. Начальнику оперативной части Голубых приказал:

— Разыщи Вербицкого и передай, пусть ведет курсантскую школу на вал. Хотел сохранить ее в полном комплекте, не пришлось…

Блюхер повернулся к Датюку:

— Немедленно звоните Боряеву и Ринку. Пусть собирают всех, вплоть до писарей и поваров, и через два часа ведут в атаку. Сами ведут! Для них дорога только на Армянск…

— Слушаюсь!

— И еще — Худякову прикажите двинуть броневики к Турецкому валу. Сообщите комбригу Хлебникову, пусть пошлет четыреста пятьдесят третий полк на штурм позиций, а сам с четыреста пятьдесят первым полком выдвигается в город Перекоп.

Штаб работал с полным напряжением.

Позвонил Будилович и сообщил, что в тяжелом дивизионе кончились снаряды.

— Где тонко, там и рвется! — сердито сказал Блюхер. — Выдвигайте легкую артиллерию вплотную к валу. Помогайте пехоте. Бейте прямой наводкой. Лично проследите за исполнением.

Начдив приказал начальнику инженерной службы Зуеву:

— Собери всех саперов и веди на Турецкий вал. Пусть рвут проволоку взрывчаткой, как Николай Жилицкий. Вот это герой! Прорубил ворота в двадцать саженей.

— Сделаю все возможное, товарищ начдив.

— Сделайте невозможное, Федор Константинович.

Совершить невозможное! Об этом думали командиры и бойцы 453, 455 и 456–го полков в эту рассеченную прожекторами

и грохочущую взрывами ночь. 9 ноября в 2 часа пошли они в свой последний, решительный бой.

Турецкий вал озаряли оранжевые вспышки. Высокое смрадное облако висело над землей.

456–й полк вели командир Рязанов и комиссар Ленин. По проходам, проделанным подрывниками и артиллеристами, прорвались в ров. Ломая ногти, полезли на высоту, равную пятиэтажному дому. Срывались, падали на колючую проволоку и снова карабкались на вал. Первым ворвался на опаленный гребень высоты и гранатой уничтожил наводчика пулемета коммунист комбат Казимир Куровский. Рядом с ним били прикладами и кололи штыками 20 бойцов героической роты Иванова.

На соседнем участке сквозь стену проволочных заграждений продирались бойцы 455–го полка. Их вел ивановский рабочий, старый большевик, комиссар Безбородов. Бойцы слышали его сильный голос:

— Товарищи, вперед! Даешь Крым!

Пулемет ударил в упор. Пули перерезали Безбородова. Упал комиссар. И тут вперед вырвался комбат Георгий Слизков. И вот уже гремит его бас:

— Даешь Крым! Смерть Врангелю!

Пуля пробила ногу. Комбат рухнул на землю и снова встал:

— Смерть Врангелю! Вперед!

Только вперед! Задыхаясь от усталости, 35 бойцов Слизкова вскарабкались на Турецкий вал. В ход пошли штыки и гранаты. Врангелевцы не успели уйти с высоты.

Командир 453–го полка Гавриил Иванович Аксенов с бойцами не мог взобраться по отвесной, скользкой стене Турецкого вала. И тогда Аксенов повел красноармейцев вправо — по дну рва к заливу. Колючую проволоку сбивали прикладами. Блеснула озаренная вспышками полоса воды. Вот он, Перекопский залив. Берег прикрыт проволочным забором.

— В обход! За мной! — передал Аксенов и первым вошел в ледяную воду.

Забор вдвинут в залив. Удастся ли обойти? Вода по колено. Вода по пояс. Ноги вязнут. Шли, подняв винтовки над головой. Преграда кончилась. Все — к берегу. Больше шума! Аксенов кричит во всю глотку:

— Ура! Бей гадов!

«Ура» подхватывают дружно, яростно.

На пути офицерский блиндаж. В него летят гранаты. И дальше, на помощь товарищам. На Турецкий вал.

Кололи штыками, били прикладами смертнников–

врангелевцев эстонец Марк Вассер, латыш Ян Адамсон, белорус Василий Раковский, русский Григорий Захаров. Рядом шли. Побратимы!..

Блюхер не мог усидеть в штабе. Выходил на улицу, прислушивался к жаркому дыханию боя. Когда разрывы гранат и пулеметные очереди стихли, морщась поковылял к телефонам. Неужели опять отошли? А может, все погибли у рва…

С порога крикнул Датюку:

— Звони Боряеву. Чего притихли?

Датюк улыбнулся:

— Боряев передал: Турецкий вал взят, собираюсь на Армянский Базар.

— Вот выдумщик! Неужели так и сказал?

— Совершенно точно.

Блюхер глубоко и шумно вздохнул:

— Гора с плеч! Вернее, Турецкий вал! Ведь это неслыханная и невиданная победа! Вот когда вырвутся на простор наши волны — третья и четвертая. Пускаем в дело конную группу Житова. Всю артиллерию и броневики— за Турецкий вал. На Армянск! На Юшуньские позиции. Наконец-то установлена сухопутная, твердая связь с дивизиями Литовского полуострова.

Привалился к столу, порывисто потер немеющие ноги:

— Если бывают на свете чудеса, так это мы сегодня сотворили чудо. Об этом дне будут помнить и говорить. Да, на радостях-то и забыл о главном — надо доложить. Вы, Николай Селиверстович, докладывайте командарму Корку, а я — Михаилу Васильевичу.

Блюхер передал Фрунзе, что 9 ноября в 3 часа 30 минут ночи части 51–й дивизии штурмом овладели Турецким валом и продолжают наступление на Армянск.

Получив это донесение, Фрунзе сказал члену Реввоенсовета Бела Куну:

— Самое главное сделано. Неприступный Перекоп пал. Легче дышать стало. Теперь можно не опасаться за судьбу дивизий, отрезанных Сивашем. Обстановка коренным образом изменилась в нашу пользу. Работы на дамбе можно прекратить.

И, приказав дежурному передать директиву командарму 6 Корку об энергичном продолжении дальнейшего наступления, командующий Южным фронтом Фрунзе позволил себе отдохнуть три часа.

5

15–я и 52–я стрелковые дивизии отражали непрерывные упорные атаки противника.

Начдив Блюхер узнал об этом от комбрига 153 Круглова. Кроме того, комбриг сообщил, что его полки пробились к Юшуньским укреплениям, между озерами Красное и Старое. Врангелевцы оказывают отчаянное сопротивление и ведут ураганный огонь из тяжелых орудий.

Блюхер понимал, что теперь судьба сражения решается на Юшуньских позициях, имеющих три ряда обороны, усиленных проволочными препятствиями. Надо взять этот узел сопротивления, лишить Врангеля последней надежды на спасение. И Блюхер ввел в штурмовую четвертую волну свои последние силы: 452–й стрелковый полк, кавалерийскую группу Житова (заменившего погибшего Юшкевича), бронеотряд Худякова и сводный отряд коммунистов.

Эти части сыграли решающую роль в борьбе с врангелевцами на последних оборонительных рубежах.

Комбриг Боряев донес, что взят город Армянский Базар, в котором захвачено более 100 пленных и большая военная добыча.

Блюхер с полевым штабом выехал в Армянский Базар. Датюк высмотрел красивый кирпичный дом. Только разместились, раздался грохот, и одна стена рухнула. Задыхаясь от пыли, Блюхер выскочил на улицу. Снаряды падали на маленький городок. Подбежал Датюк:

— Рановато приехали. Накроют…

— Прибыли вовремя. Устанавливай связь. Разыщи Зуева. Пусть соберет саперов и ведет прогрызать проволоку у Юшуня.

Саперы выполнили свой долг. Снова отличился взвод подрывников Николая Жилицкого. Динамитом пробили пехоте ворота. Под пулеметным огнем спокойно и сноровисто резали колючку Иван Дейкало и Александр Флейг.

Блюхер приказал Зуеву:

— Оформите наградные документы на Жилицкого, Дейкало, Флейга. Заслужили!

Весь день малочисленные, но не потерявшие боеспособности части четвертой волны прорывали укрепленные Юшуньские позиции.

10 ноября к 9 часам утра была взята первая линия укрепленного рубежа.

Командарм Корк приказал Блюхеру сдать боевые участки выступающей из резерва латышской дивизии.

Начдив связался с комбригом Владимиром Хлебниковым. Тот не сразу понял, что ему предлагают. Крайне огорчился:

— Товарищ начдив, не могу остановить людей. Королев и

Чечуменко ведут полки в наступление. А латышей еще пока не видно. Да, честно говоря, и не хочется — вторую линию пробиваем. Вплотную подошли к самой победе. Разрешите повоевать…

— Что с вами поделаешь, воюйте, только умело. Берегите людей.

И командир конной группы Борис Сергеевич Житов тоже выпросил почетное право отомстить за товарищей, взять Юшунь…

Врангель бросил в сражение все свои силы. Обрушил на атакующих огонь 20 кораблей. Пустил бронепоезда, танки, броневики. И не мог остановить штурмовые волны начдива Блюхера.

Одна за другой пали оборонительные линии белогвардейцев на главном, юшуньском направлении.

Первым на станцию Юшунь ворвался 51–й конный полк во главе с Житовым. Белогвардейцев охватила паника. Большинство из них подняли руки. Взяли 300 пленных, танк, 5 орудий, несколько десятков тысяч снарядов и до 20 миллионов патронов.

Житов развернул свою конную лаву на станцию Воинка и рассеял собравшуюся у эшелонов пехоту, кавалерию и артиллерийские части противника. В плен сдалось более тысячи врангелевцев.

Начдив Блюхер получил сведения о весьма тяжелой обстановке на боевых участках 15–й и 52–й стрелковых дивизий. Решил — надо срочно выручать соседей, и направил 152–ю Боряева и Ударную огневую бригаду Ринка в тыл белым, в дефиле озер Красное и Круглое.

Подоспели в разгар схватки. Совместными усилиями отбили контратаки и разгромили бронированный кавалерийский корпус генерала Барбовича.

Теперь уже можно было не сомневаться в полной победе. И захотелось как можно скорее рассказать о ней командарму, командующему фронтом, Председателю Совета Труда и Обороны В. И. Ленину. И начдив Блюхер нетерпеливо продиктовал радисту:

— «Срочно. Всем, всем, всем! Доблестные части 51–й Московской дивизии 11 ноября в 9 часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит. Захвачено много пленных, артиллерии, морских дальнобойных орудий, пулеметы и прочие трофеи, кои выясняются. Преследование продолжается»[54].

В тот же день командование 51–й дивизии рапортовало своим

шефам — Московскому Совету: «…Задача, поставленная дивизии, — пробить дорогу в Крым — выполнена. 11 ноября в 12 часов занята станция Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно…

Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие беспрерывно во всех боях герои красноармейцы и командиры разгромили не только превосходящую живую силу, но разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленным рядом окопов…

Пролетариат Москвы через своего представителя в Каховке вручил нам знамя, на котором было начертано «Уничтожь Врангеля», так мы честно выполняем данную Вами нам задачу: это знамя первое развевается над полями Крыма…»[55]

Трудно было в эти дни усидеть в штабе. Тянуло к бойцам. Хотелось поговорить с ними, поблагодарить от всего сердца. И Блюхер поехал в бригаду Круглова. Еще издали увидел высокие алые костры. Пахло печеной картошкой и жареной бараниной. По–деревенски неторопливо пела гармошка. Оставив лошадей у плетня, Блюхер тихонько подошел к костру. Посредине на чурбане сидел знакомый еще по Тобольскому сражению красноармеец Иннокентий Старчуков и не спеша рассказывал:

— У них броневики и эти самые е–ропланы, а у нас штыки и «Смерть Врангелю». Колючку проклятущую рвали вот этими самыми, — и протянул к пламени темные, густо покрытые коричневатыми корочками царапин крупные ладони. — И ветер, гад, хлещет и хлещет, все нутро пробивает. И губы пересохли. Не поены, не кормлены. А как дадут команду, идем и идем, и глотка сама открывается: «Ура» и «Даешь». И дошли ведь, дошли. Сам себе не верю, что живой. Верите, сам себя ощупываю: все ли на месте.

Бойцы захохотали.

— Ничего на проволоке не оставил?

— А то, смотри, женка не примет.

— Все на месте, братцы, в полном аккурате, — ликовал Старчуков. — Скоро поедем до своих. Радость-то какая, братцы. Живы!

— А может, еще и придержат. Снова какая-нибудь пакость вылезет? —усомнился красноармеец в дубленом коричневатом полушубке. — Про то начальство знает.

Блюхер решил, что пришла пора обнаружить себя в роли начальства. Подошел вплотную, сказал громко:

— Мир завоевали, товарищи! Поедете домой!

— Начдив, — подскочил Старчуков. — Василий Константинович.

Бойцы встали.

— Сидите, сидите, товарищи! Грейтесь. Теперь можно запалить костры до самого неба. Ведь не страшно?

— Когда каждый день страшно, так оно и забывается, товарищ начдив, — сказал боец в полушубке. — Не страшного-то у нас не было, считай, с августа месяца. Н во сне-то покоя не было, «ура» кричали.

— Все самое страшное позади, —-улыбнулся начдив. — Боряев, Круглов и Житов подходят к Севастополю. Наш Крым, советский.

Иннокентий Старчуков пошевелил головешки, спросил:

— А вы ужинали, Василий Константинович, или так, налегке бегаете? Мы здесь суп сварили — объеденье. Присаживайтесь на чурбан, угостим.

— Раз объедеиье — надо попробовать. — И Блюхер прошел в круг. — А вы все поели?

Старчуков махнул рукой:

— Мы теперь шибко богатые за счет барона Врангеля. На весь полк хватит. Тем более что он теперь оченно редкий…

Возвратившись в штаб, Блюхер сказал Строганову:

— А знаете, чего нам не хватает? — И сразу же ответил: — — Хорошей, подытоживающей доблесть и славу песни. Пусть люди поют. Давно не пели. Теперь можно и концерты организовать. Надо порадовать живых. И мертвых нельзя забывать. Отметить всех героев. Семьям погибших послать письма. И не казенные, а от души, чтобы отцы и матери знали, как воевали и приняли смерть их сыновья.

Начдив круто повернулся к начальнику штаба:

— Николай Селиверстович, надо подвести итоги, как и подобает приличному штабу. Собрать обстоятельные донесения от комбригов, командиров полков, начальников служб. Составить достойную подвига дивизии историческую справку. Показать всех героев!

…19 ноября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе и член Революционного военного совета Бела Кун направили командарму 6 Корку телеграмму:

«Пехота 6–й армии в боях под Перекопским перешейком покрыла себя неувядающей славой, особенно должен отметить боевые заслуги 51–й Московской дивизии и 15–й Инзенской. В обстановке чрезвычайных лишений, невзирая на огромные потери, части дивизий доблестно выполнили свой долг перед родной страной и ворвались в Крым…

Реввоенсовет постановил:

1. Наградить начдива 51 тов. Блюхера повторным орденом

Красного Знамени.

2. Наградить этим же орденом начдива 15 тов. Раудмеца.

3. Знамена этих дивизий удостаиваются знака ордена Красного Знамени.

Слава героям Красной Армии»[56].

Великий подвиг героев Южного фронта был отмечен специальным постановлением Совета Труда и Обороны от 24 декабря 1920 года:

«1. От имени Совета Труда и Обороны передать всем бойцам Южного фронта товарищеский привет и благодарность за проявленную ими беззаветную храбрость, исключительную энергию и политическую сознательность в борьбе за осуществление идеалов рабоче–крестьянской революции.

2. Выдать всем военнослужащим, состоявшим налицо 20 ноября с. г. по спискам всех частей, штабов, управлений и учреждений Южного фронта, — месячный оклад жалования.

Председатель Совета Труда и Обороны

В. Ульянов (Ленин)»[57]

VIII. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

1

Суровые, изнурительные бои свалили Василия Константиновича в постель. Снова открылись раны. Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе предоставил начдиву Блюхеру отпуск на два с половиной месяца.

Три недели Василий Константинович провел в Симферополе, а затем вместе с женой и только что родившейся дочкой Зоей выехал к своим старикам в Барщинку.

Мать встретила, как всегда, приветливо и ласково. Сытно кормила, поила какими-то целебными травяными настойками и к концу отпуска восстановила сыну здоровье.

Перед отъездом Василий Константинович купил матери теплый шерстяной платок и зимнее пальто, а брату Павлу — хромовые сапоги.

В Одессу, где расквартировался штаб 51–й Московской стрелковой дивизии, Блюхер приехал 13 февраля 1921 года. Рассчитывал заняться мирной учебой, но не пришлось. Революционный военный совет направил В. К. Блюхера в Дальневосточную республику (ДВР) — во временное (буферное) государство, созданное по предложению В. И. Ленина для предотвращения войны с Японией.

С глубокой грустью расставался Блюхер с боевыми товарищами и друзьями. Сколько вместе смертельно опасных дней пережили! Замечательная, редкой боевой славы дивизия — почти все ее полки отмечены Почетными революционными Красными знаменами.

Накануне отъезда неожиданно заболела маленькая Зоя. Галина Павловна попросила мужа:

— Василий, пошли, пожалуйста, телеграмму своему новому начальству, что задерживаешься по непредвиденным обстоятельствам.

Василий Константинович посмотрел на усталое, раздраженное лицо жены, тихо сказал:

— Нельзя, Галя, приказано немедленно выехать. Видно, обстановка осложнилась.

— А ты подумал, у нас какая обстановка? У маленькой высокая температура. Доктор установил—дизентерия. Нужен покой, лекарства…

В разговор вмешалась приехавшая в гости сестра жены

Варвара Павловна:

— Василий Константинович, я, как медицинская сестра, советую вам отложить выезд, пока не выздоровеет ребенок. Опасно для жизни.

— И как мы ее кормить будем в поезде? — продолжила прерванную мысль Галина Павловна. — Больной нужна хорошая пища, фруктовые соки. Здесь все это можно достать, а там ничего нет.

Блюхер встал, подошел к кровати дочери. Долго смотрел на широко открытые синие глаза, худенькое красное личико. Сказал, не скрывая тревоги:

— Я вызову хорошего врача–специалиста. Пусть примет все меры. День, ну два мы можем задержаться, но не больше.

— За два дня девочка не поправится, — покачала головой Варвара Павловна. — Может быть, целесообразнее Галине остаться здесь…

— Нет, нет! Поедем все. И вы в том числе. Познакомитесь с Дальним Востоком. А главное, присмотрите за ребенком. Мы должны быть на месте в указанный срок. Я человек военный. Приказ — закон!

Выехали через два дня. Дорога была трудной и продолжительной. Маленькая Зоя умерла в поезде.

Ушел из жизни крошечный человек, а горе родителям оставил огромное. Василий Константинович очень любил своего первого ребенка. Покупал забавные игрушки, принимал самое деятельное участие в купании, радовался первым осмысленным улыбкам и непонятным словам. И не хотелось верить, что этого милого требующего большой заботы и внимания человечка нельзя уже взять и покачать на руках…

И трудно, невозможно успокоить жену, если у самого слезы на глазах.

Это первая размолвка, первая трещина в добрых отношениях. И не покидает мысль — если бы задержались в Одессе, может быть, ребенка удалось спасти. Тяжела военная служба. Вся жизнь в дороге, в походах. И все-таки надо брать себя в руки и работать.

Главнокомандующий Народно–революционной армией Дальневосточной республики В. К. Блюхер. Чита, 1922 г.

Правительство Дальневосточной республики назначило Василия Константиновича Блюхера военным министром и главнокомандующим Народнореволюционной армией (НРА). Нужно было защищать огромную территорию, раскинувшуюся от Байкала до берегов Тихого океана, от японцев и их верных прислужников— белогвардейцев, захвативших Владивосток и организовавших «Приамурское временное правительство».

Исполняющий обязанности главкома НРА Альберт Янович Лапин сказал откровенно и прямо:

— В роль главкома я так и не успел войти. Да и дела, знаете ли, не принимал. Здесь главнокомандующие меняются и исчезают внезапно. Скажу о главном, а остальное вы сами постепенно узнаете. Самое сложное, что вам придется преодолеть, — это плохое финансирование и снабжение Народно–революционной армии. Положение воинских частей крайне тяжелое.

— А вы не преувеличиваете?

— В этом убедитесь лично. И довольно быстро.

Проверив состояние частей НРА, их снабжение и вооружение, Блюхер пришел к выводу, что армия совершенно небоеспособна и, по существу, ее нужно создавать заново. Штабы ютятся в нежилых помещениях. Подумать только: штаб морских сил обосновался в сарае — ни столов, ни стульев. В отдаленных гарнизонах трудармейцы гонят смолу, обжигают известь, рубят дрова — зарабатывают себе на пропитание. Почти всех лошадей съели. Личный состав на 80 процентов подлежит демобилизации, как престарелый. Оружие старенькое, всех образцов и калибров.

Кроме русской трехлинейки имеются японские, итальянские, американские винтовки. Артиллерия французского и японского образцов. Средств связи нет. Из семнадцати самолетов в воздух можно поднять только шесть.

Собрав обширный материал, Блюхер написал 24 июня 1921 года доклад в ЦК РКП (б), в котором с исчерпывающей полнотой и правдивостью обрисовал тяжелое состояние Народно–революционной армии Дальневосточной республики. Начинался доклад словами: «Прибыв в Читу и ознакомившись с состоянием армии, нашел, что армия переживает катастрофическое положение» — и заканчивался просьбой принять необходимые срочные меры для «улучшения снабжения всем необходимым, чтобы армия не развалилась и могла бы оказаться боеспособной, тем более что тучи реакции на Дальнем Востоке сгущаются и возможно, что армии придется грудью встретить врага для защиты интересов трудящихся не только ДВР, но и Советской России. Принимая во внимание столь угрожающее положение, верю, что Советская Россия придет на помощь в деле улучшения состояния армии во всех отношениях и даст то, в чем она терпит недостаток, и этим самым предотвратит надвигающуюся катастрофу»[58].

Советская Россия оказала огромную помощь Дальневосточной республике.

В. И. Ленин в ноябре 1921 года подписал постановление Совнаркома о выделении в распоряжение главнокомандующего Народно–революционной армией В. К. Блюхера полутора миллионов рублей золотом[59].

Главком Блюхер приступил к созданию регулярной, боеспособной армии. Одновременно нужно было вести бои с войсками барона Унгерна, которые, наступая из Монголии, шли на Верхне–Удинск. Начдив 35–й стрелковой Константин Августович Нейман объединил части в экспедиционный корпус и, умело маневрируя, отбросил Унгерна к Монголии. Активную помощь Нейману оказал Сухэ–Батор, возглавлявший красномонгольские части. В середине августа 1921 года белогвардейские отряды были разгромлены и их предводитель захвачен в плен. По приговору Чрезвычайного трибунала Унгерн фон Штернберг был расстрелян в Новосибирске.

Главком Блюхер выезжал в дальние гарнизоны и помогал командирам устранять недостатки.

Прибыв в Забайкальскую дивизию, Блюхер приказал начдиву Е. Я. Коротаеву:

— Постройте для смотра дивизию.

Коротаев пожал плечами:

— Не могу, гражданин главнокомандующий. Бойцы в бой пойдут, а на парад не встанут.

Блюхер нахмурился:

— Что это за воинская часть, которую нельзя вывести на парад? Парад — проверка дисциплинированности и строевой выучки.

— У нас это невозможно. Много партизан. Парад для них — посрамление. Я их характер знаю.

— Но вы еще не знаете мой характер. Покажите строевую записку.

Коротаев опять пожал плечами:

— Не имею понятия.

— Скверно! В строевой записке должно быть сказано: сколько в дивизии людей, лошадей, повозок. Кроме того, указывается: сколько бойцов в строю, в госпитале, в отлучке.

— Я это знаю и без записки. Всего четыре тысячи восемьсот человек, ну а в строю… в строю тысячи полторы. Некоторые на хозяйственных делах, некоторые на побывке… и в бегах.

— Постройте дивизию. Даю вам на это полчаса.

Блюхер достал свои золотые наградные часы, засек время.

Полки «строили» три часа, хотя они и располагались в одном гарнизоне. Собрали всего лишь 920 человек.

Главком Блюхер медленно обошел строй. Он видел семнадцатилетних юнцов и седобородых стариков. Одеты в гимнастерки, жакетки, пиджаки, тулупы, шинели. У большинства нет ремней и подсумков. Винтовки без штыков: русские, японские, итальянские.

И Блюхер невольно вспомнил всегда готовую к бою родную 51–ю Московско–Перекопскую стрелковую дивизию. Никакого сравнения!..

После смотра Блюхер побеседовал с бойцами. Все жаловались, что четвертый месяц не получают табаку, спичек, мыла. Приварка нет — хлеб да кипяток.

— Спички и мыло получим в ближайшее время, — заверил Блюхер. — А вот жалобы насчет приварка целиком на вашей совести. Вы живете в богатейшем крае: и рыба есть, и мясо, грибы и щавель. Среди вас есть охотники и рыболовы, а живете впроголодь. Пойдите к начальству и скажите — организовали команду рыбаков и охотников. Хотим обеспечить кухню продуктами. Начальник только похвалит. Правильно я говорю, товарищ Коротаев?

— Совершенно верно! Будут зеленые щи, и уха будет.

В штабе главком предложил начдиву:

— Всех нахлебников–нестроевиков увольняйте в запас.

Дезертиров приводите к порядку. Злостных судите! Безделье разъедает воинскую часть. Организуйте занятия по огневой, политической и строевой подготовке. Надо взять на учет неграмотных и научить их читать и писать. За это вас всю жизнь благодарить будут.

…Части постепенно преображались. Были демобилизованы народоармейцы старших возрастов и призвана молодежь. Главком ликвидировал громоздкие и неработоспособные тыловые учреждения. Разрозненные полки были укрупнены и объединены в бригады. Все части сведены в два округа — Забайкальский и Приамурский.

Блюхер снял с работы начальников, явно не справ лившихся с занимаемыми должностями. Враги возненавидели нового главкома. В этом он вскоре убедился сам.

Перед обедом Блюхер сидел в домашнем кабинете и читал «Дальневосточную правду». Просмотрев ее, наклонился, чтобы положить на стоявшую у стола тумбочку. В сквере раздался выстрел. Пуля пробила стекло и просвистела над головой Блюхера.

В кабинет вбежал порученец Алексей Нелидов.

Блюхер кивнул на окно:

— Кто-то стрелял из сквера. Возьми машину. Разберись, в чем дело.

Василий Константинович прошел в столовую, спросил жену и ее сестру:

— Никого не зацепила?

— Пуля разбила на столе мою чашку, — сказала Галина Павловна. — Какой ужас…

— Могла пробить и голову. Вот это ужас, — покачиваясь на носках, заметил Блюхер. — Ладно, кому следует, разберутся. А сейчас давайте пообедаем.

Алексею Нелидову при помощи часовых удалось задержать стрелявшего. Он назвал себя Николаем Третьим и отказался дать показания. Его передали в следственные органы. Позже удалось выяснить, что бывший офицер «Николай Третий» имел задание от террористической организации убить главнокомандующего и военного министра ДВР Блюхера.

2

В августе 1921 года в городе Дайрене[60] открылась русско–японская конференция. Мирную делегацию Дальневосточной республики возглавлял заместитель Председателя Совета

Министров профессиональный революционер большевик–ленинец Федор Николаевич Петров.

Руководитель японской делегации, начальник департамента министерства иностранных дел, опытный и хитрый дипломат Мацушима, принял все меры к тому, чтобы затянуть переговоры. Японская сторона всячески игнорировала обсуждение главного вопроса — об эвакуации японских войск с территории ДВР. Мацушима ссылался на свою неосведомленность в военных делах. Ф. Н. Петров предложил созвать совещание военных специалистов. В город Дайрен срочно выехал главком Блюхер с группой советников.

Японские генералы вели себя куда нахальнее и заносчивее дипломатов. Они безапелляционно отклоняли предложения военных работников НРА и диктовали явно неприемлемые требования. А тем временем белогвардейские войска генерала Молчанова перешли в наступление на станцию Уссури и, сбив немногочисленные части народоармейцев, заняли ее. Об этом Блюхер узнал 5 декабря из шифрованной телеграммы замглавкома Трифонова. В ней также сообщалось, что «1 декабря противник повел наступление на всем фронте, принудив отойти наши части на линию Муравьево — Амурский — Рождественка. 2 декабря в 17 часов противник, обойдя оба фланга, потеснил наши слабые части, которые отошли за речку Иман…

По сообщениям Луцкова, участие в боях японцев не подтверждается»[61].

Блюхер был страшно удручен легкостью, с которой продвигаются к Хабаровску белогвардейские части. Как будто на их пути нет никаких войск. Решил, что оставаться в Дайрене дальше нельзя. Показал телеграмму Петрову. Выждав, когда он прочтет, попросил:

— Разрешите выехать на фронт. Там я принесу больше пользы. Чем скорее мы разобьем белогвардейцев, тем быстрее японцы примут наши предложения о выводе своих войск.

— Совершенно согласен. Выезжайте немедленно. Постоянно держите нас в курсе всех боевых дел. Надеюсь, что вы скоро порадуете нас добрыми вестями.

18 декабря В. К. Блюхер прибыл в Читу. Положение на фронте было тяжелым. Белогвардейцы действовали с отчаянной смелостью, умело маневрировали и 21 декабря ворвались в Хабаровск.

Для руководства операциями был сформирован Восточный фронт НРА во главе с С. М. Серышевым и членами Военного совета П. П. Постышевым и Б. Н. Мельниковым.

Командующий фронтом Серышев, отдав приказ об

оставлении Хабаровска, выехал со штабом на станцию Бира.

Потерявшие боеспособность малочисленные полки, 4, 5 и 6–й, оказались без управления и в течение недели откатились к станции Ин. Сюда же отошел особый Амурский полк и отряд моряков Амурской флотилии, взорвавший свои суда в Осиповском затоне. Комиссар Амурского полка Бороздин по собственному решению привел в порядок разрозненные части и объединил их в отдельный сводный полк.

Командующий Восточным фронтом НРА Степан Михайлович Серышев

Обо всем этом главком Блюхер узнал с большим опозданием из приказа-№ 15 от 26 декабря 1921 года командующего Восточным фронтом Серышева. В этом документе отразилась повышенная нервозность штаба, вызванная большими потерями и неудачами на фронте. В приказе отсутствовал глубокий, обоснованный анализ причин отступления частей, зато карательные меры были представлены широко: военно–полевому суду предавались командиры и комиссары полков и каждый десятый народоармеец. Даже комиссар Бороздин, проявивший похвальную инициативу в наведении порядка и дисциплины и заслуживавший поощрения, предавался суду «за сепаратные действия».

Блюхер прекрасно понимал, как мог появиться такой документ. Оставить его в силе нельзя. И отменить не так-то просто — подрывается авторитет командующего фронтом, человека, преданного Советской власти, коммуниста, прошедшего суровый путь революционной борьбы, более года проведшего в белогвардейской одиночной тюрьме. Видно, изрядно потрепанные нервы не выдержали тяжелейших испытаний последних дней. Нужно поправить боевого товарища, объяснить

его ошибку.

И главком Блюхер связался с командующим Восточным фронтом Серышевым и посоветовал ему приказ №15 от 26 декабря отменить и назначить комиссию для выяснения причин отступления и потерь обозов и вооружения.

Спокойный, деловой тон главкома убедил Степана Серышева, и он понял, что репрессивные меры излишни, надо создать из оставшихся малочисленных частей стойкие полки, способные разбить белогвардейцев и интервентов.

Главком Блюхер послал комиссару Бороздину телеграмму, в которой от лица службы вынес благодарность за распорядительность и находчивость, проявленные в тяжелые минуты растерянности и паники.

Стремясь создать на главном направлении ударную группу, главнокомандующий Блюхер приказал перебросить в район боев из Забайкалья 1–ю отдельную Читинскую стрелковую бригаду и Троицко–Савский кавалерийский полк.

По призыву Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) на фронт выехали сотни коммунистов и комсомольцев. Только Забайкальская область послала в армию полтысячи членов партии. Они несли в части большевистские лозунги: «Ни шагу назад, только — вперед!», «Хабаровск должен быть красным!», «Привал на Имане, отдых во Владивостоке».

«Ни шагу назад» — с этими словами отбивали атаки врага народоармейцы на станции Ин в ночь на 28 декабря.

Командир Поволжской бригады генерал Сахаров разработал смелую операцию по окружению и уничтожению гарнизона красных на станции Ин. Сахаров направил Камский стрелковый полк в обход с севера, Уфимский кавалерийский полк должен был совершить рейд с юга, основные силы — Уфимский и Волжский пехотные полки атаковали в лоб, вдоль полотна железной дороги.

Первой вышла к станции Ин конница. Ее вел генерал Сахаров. Увидев летящую конную лаву, бойцы растерялись и хотели было отходить. В эту решающую минуту появился комиссар Кузьма Трегубенков. Все услышали его звонкий голос:

— Ни шагу назад! За мной, товарищи!

Народоармейцы развернулись в цепь и встретили атакующих залповым огнем.

Командир отдельного пластунского отряда Федор Петров–Тетерин бросился к бронепоезду № 8 «Освободитель» и поднял команду в ружье.

По приказу командира бронепоезда Ивана Дробышевского по белой коннице ударили 24 пулемета и 3 орудия. Били в упор.

Потеряв 80 лошадей и много всадников, Уфимский

кавалерийский полк отступил на юг.

Были отражены атаки и двух других колонн белогвардейцев. Камский пехотный полк с трудом вырвался из огненного кольца, оставив на поле боя своего командира полковника Сотникова.

После тяжелых поражений народоармейцы одержали первую победу. В бою под станцией Ин Поволжская бригада потеряла 232 убитыми и ранеными, 50 человек пленными и 2 пулемета.

Главнокомандующий НРА Блюхер отметил героев сражения под станцией Ин Кузьму Георгиевича Трегубенкова, Федора Михайловича Петрова–Тетерина, командира роты Максима Маркова, коменданта станции Владимира Смирнова и народоармейца Георгия Мясникова высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени.

Пулеметчикам Зикзееву и Григорию Кайде, а также начальнику команды пеших разведчиков Ивану Нагорнову главком Блюхер вручил часы.

Воодушевленный успехами, командующий Восточным фронтом Серышев по прямому проводу 10 января 1922 года доложил главкому Блюхеру о своей готовности ликвидировать группу противника на Ольгохте, развивая успех до Волочаевки включительно.

Трезво взвесив обстановку, Блюхер счел наступление преждевременным и предложил в ближайшие дни сосредоточить части, способные нанести поражение сильному и опытному врагу.

Главком собрал военных специалистов штаба, ранее служивших в белогвардейских частях, и попросил их охарактеризовать войско генерала Молчанова.

Бывшие офицеры посматривали друг на друга, молчали. Блюхер терпеливо ждал, катал карандаш по столу. Поднялся бывший полковник Петр Анисимович Луцков и заговорил спокойно и деловито:

— Два года тому назад я был генералом для поручений при штабе Сибирской армии Каппеля. По роду службы мне приходилось часто встречаться с видными белыми генералами. Хорошо знаю командующего белоповстанческой армией генерала Молчанова. Для пользы дела считаю необходимым подчеркнуть — генерал Молчанов умный, хорошо знающий дело, неоднократно отмеченный боевыми наградами военачальник. Его начштаба Ловцевич имеет высшее военное образование и шестилетний опыт войны. Следует также отметить опыт, смелость и воинское мастерство полковника Аргунова, возглавляющего группу войск на главном, волочаевском направлении. Весьма опасен рейдовый отряд капитана Карлова–Илькова, действующий в приграничной с Китаем полосе. Эта маневренная группа может

наносить внезапные, сильные удары по нашим тылам и штабам.

— А что вы скажете о войсковых соединениях белоповстанческой армии? — спросил Блюхер.

— Об этом я только что собирался говорить. Главная опора Молчанова — Ижевско–Воткинская бригада, созданная из полков дивизий тех же наименований. Воюют четыре года. Хорошо вооружены. Морально стойки. Противник имеет довольно много кавалерийских частей: восьмой Камский, четвертый Уфимский, Егерский, Боткинский, Сибирский казачьи полки. Их маневренность ограничена рельефом местности и глубоким снегом. Артиллерия, по моим приблизительным подсчетам, — двенадцать стволов. Весьма опасны укомплектованные офицерами бронепоезда «Волжанин» и «Дмитрий Донской». По–видимому, противник использует прекрасные естественные позиции у Волочаевки и создает мощные оборонительные рубежи. Взять их лобовой атакой будет весьма трудно, но обойти можно. Удар с фронта и тыла решит судьбу сражения. Это мое субъективное мнение.

— И весьма объективное, Петр Анисимович. Благодарю вас. К сожалению, я не все запомнил. Прошу изложить ваши соображения на бумаге.

Начальник полевого штаба Народно–революционной армии Петр Анисимович Луцков. Снимок 1917 г.

Специалисты ушли. Блюхер улыбнулся:

«Каков полковник! Генштабист! Его надо взять в полевой штаб. Прекрасно знает Молчанова и его свиту.

Незаменимый работник. И конечный вывод безусловно заслуживает внимания. Противник действует по линии железной

дороги. Зима сковала реки, можно Волочаевку обходить и слева и справа. Можно и нужно использовать партизан для ударов по тылам врага. И не только под Волочаевкой, но и под Хабаровском. Главная задача— снабдить части всем необходимым, подготовить их к решающему бою. Противника нужно уничтожить в Волочаевском кольце».

Весь январь главком Блюхер готовился к контрнаступлению. Провел Неделю помощи фронту. Трудящиеся Дальневосточной республики жертвовали для своих защитников теплую одежду и обувь, отправляли посылки с продуктами.

Блюхер понимал, что оперативно руководить частями из Читы, удаленной от фронта на 880 верст, нельзя. Надо выезжать в район боевых действий.

28 января В. К. Блюхер с полевым штабом и группой политработников прибыл на станцию Ин.

Несмотря на сильные морозы, главком решил провести парад–смотр частей Инского гарнизона. Член Военного совета фронта П. П. Постышев удивился:

— Зачем парад, когда надо воевать? Зря поморозим людей.

— Павел Петрович, парад надо провести. Не ради меня, а во имя укрепления дисциплины и порядка. Пусть все бойцы увидят, какие крупные силы собрали мы для разгрома врага. А чтобы люди не мерзли, мы их согреем горячим большевистским словом. Вы это умеете делать. Я плохой оратор, но для пользы дела выступлю обязательно.

Провели митинг. Впервые Народно–революционная армия прошла церемониальным маршем.

2 февраля главком Блюхер в приказе дал высокую оценку частям, участвовавшим в параде, и выразил благодарность «товарищам бойцам, командирам и комиссарам за отличный строевой, бодрый вид». В этом же приказе главнокомандующий Блюхер призвал народоармейцев к стойкости, мужеству, отваге: «В тех нечеловеческих тяжелых условиях, в которых находимся мы, среди оледенелых полей и тайги, единственным теплом является огонь наших сердец, наполненных любовью к Родине и Революции.

Наш враг — это последний враг, идущий против раскрепощения от иностранного насилия Республики…

Я уверен, что мы дадим этому последнему врагу достойный отпор и концами наших штыков сорвем последние погоны с последних изменников народа и Революции.

Теснее ряды! Тем же уверенным шагом вперед, на последнего врага! Победа будет за нами!»[62]

Этот приказ зачитывался перед строем, призывные слова

главкома услышала вся армия.

Большую воспитательную работу вели армейские коммунисты, возглавляемые выдающимся большевиком–ленинцем Павлом Петровичем Постышевым.

3

Решающую роль в разгроме белоповстанческой армии под Волочаевкой главком В. К. Блюхер отводил артиллерии и бронепоездам № 8 и 9. Они имели на вооружении 6 орудий и 48 пулеметов. Для того чтобы использовать всю мощь огня бронепоездов, нужно было освободить станцию Ольгохта. Эта задача возлагалась на 2–й полк Читинской бригады. Пехоту поддерживали бронепоезд № 8 и 3–я батарея И. Н. Оглоблина. 5 февраля внезапным ударом белогвардейцы были выбиты из Ольгохты. Саперы приступили к восстановлению мостов. Когда работы подходили к концу, белогвардейцы скрытно по лесу подошли к станции Ольгохта и внезапно атаковали ее. Пехота растерялась. Редкое самообладание и мужество проявил командир батареи И. Н. Оглоблин и военком С. Г. Ивашинников. Они не испугались вражеского окружения и, развернув свои орудия, открыли меткий огонь по наступающим цепям противника. Остановив атакующих, артиллеристы ударили картечью. На поле боя ворвался бронепоезд № 8 «Освободитель» и пулеметными очередями срезал идущих по глубокому снегу белогвардейцев.

Пехота приободрилась и, преследуя отступающих, продвинулась до третьей полуказармы, находившейся в 7 верстах восточнее Ольгохты.

Стремясь задержать бронепоезд, белые подожгли два моста.

Доблесть артиллеристов 3–й батареи главнокомандующий НРА В. К. Блюхер отметил в приказе от 8 февраля 1922 года: «Военный совет НРА, отмечая столь доблестную боевую работу 3–й отдельной легкой батареи и объявляя всему личному составу батареи глубокую благодарность за проявленное боевое мужество, постановил: за лихую работу в районе разъезда Ольгохта наградить 3–ю отдельную легкую батарею серебряным кубком»[63].

В дальнейшем по ходатайству В. К. Блюхера 3–я отдельная легкая батарея стала Краснознаменной. Советская Родина отметила орденом Красного Знамени командира батареи И. Н. Оглоблина и военного комиссара С. Г. Ивашинникова.

Серебряный кубок и Знамя «За удержание станции Ин в

наших руках» главком вручил команде бронепоезда № 8 «Освободитель».

Находясь непосредственно на переднем крае, В. К. Блюхер на месте принимал необходимые меры для улучшения быта и питания бойцов. Заметив, что командиры частей несвоевременно эвакуируют раненых с поля боя, главком требовал: «Командирам и комиссарам всех степеней обратить самое строгое внимание на необходимость своевременно выносить раненых даже в момент сражения, а не только после такового, для чего приложить все старания, использовав как имеющихся в частях санитаров, так и другие вспомогательные средства.

Ни один раненый товарищ не должен быть забыт на поле боя — в этом долг каждого члена нашей боевой семьи»[64].

К 9 февраля подготовка к штурму Волочаевского узла сопротивления закончилась. По замыслу главкома Блюхера удар наносили две войсковые группы. Сводная стрелковая бригада под командованием героя гражданской войны Якова Захаровича Покуса должна была разбить противника на волочаевских позициях. Забайкальская группа, возглавляемая опытным, смелым и находчивым военачальником Николаем Дмитриевичем Томиным, имела задачу, наступая на правом фланге на Верхне–Спасскую и Нижне–Спасскую, выйти к поселку Казакевичево и отрезать путь отступления армии генерала Молчанова в Приморье.

Первой вступила в бой Забайкальская группа Томина, состоявшая из частей Читинской бригады. Бойцы совершили труднейший 30–километровый марш по рыхлому глубокому снегу и на рассвете 10 февраля подошли к Верхне–Спасской. Дозоры противника не спали и вовремя подняли тревогу. Завязался упорный, кровопролитный бой. Три атаки белогвардейцы отбили. В четвертую бойцов повел сам Николай Томин. Поддержанные огнем артиллерии, цепи народоармейцев ворвались в деревню Верхне–Спасскую. В течение ночи белые несколько раз атаковали горящую деревню, но взять ее не смогли. Днем 11 февраля Томин ввел в бой резервные части и, обойдя противника с севера, занял деревню Нижне–Спасскую. Народоармейцы так устали, что дальше двигаться не могли и остановились на ночлег.

Забайкальская группа проявила массовый героизм и самоотверженность, но в указанный срок не смогла выйти к поселку Казакевичево. Приказ главкома не удалось выполнить.

Сводная бригада Покуса атаковала шестирядный проволочный забор, но белогвардейцы обрушили всю силу огня пулеметов и орудий. Старенький трофейный танк, на который командование возлагало большие надежды, был подбит, когда

пытался пробить проходы в стене колючки…

Бойцы зарылись в глубоком снегу у проволоки. Стоял сорокаградусный мороз. Усталые бойцы засыпали и замерзали. Комиссары и коммунисты ползали вдоль цепи и подталкивали, тормошили товарищей:

— Не спать, только не спать. Можно петь, кричать, ругаться, но не спать…

С наступлением темноты цепи народоармейцев были оттянуты с линии огня.

Главком Блюхер в это время находился в переполненной ранеными третьей полуказарме. Это было единственное здание в прифронтовой полосе. Раненых и обмороженных собралось до 400 человек. На полу — лужи крови. Блюхер вывел полевой штаб и управления из помещения, чтобы освободившуюся комнату отдать выбывшим из строя бойцам. За домом развели большой костер. У него собрались легкораненые и работники полевого штаба во главе с Блюхером.

Ночью командир партизанского отряда Федор Петров–Тетерин донес, что при поддержке 1–го Тунгузского партизанского отряда Ивана Шевчука в тылу у белых заняли деревню Архангельскую и в захваченном штабе полка нашли приказ–воззвание командующего всеми войсками белоповстанческой армии генерала Молчанова.

Командир сводной бригады Покус ознакомил Блюхера с этим документом. В первых пунктах приказа говорилось: «По всем данным, противник в ближайшие дни перейдет в наступление. Самое уязвимое место для нас — Тунгузское, через Архангельское, Ново–Николаевку — на Покровку.

Совершенно безопасное направление по железной дороге, благодаря укреплению позиции сильными проволочными заграждениями и снежными окопами. На амурском направлении, по–видимому, противником будет брошена кавалерия»[65].

Прочитав приказ, Блюхер сказал Покусу:

— По–видимому, генерал Молчанов направит часть своих сил на более опасные, по его мнению, участки. И невольно ослабит центр, позиции которого он считает недоступными. Ударим по центру. Завтра любой ценой надо восстановить мост через речку Поперечную и бросить на Волочаевку бронепоезда. И еще один совет — подумайте о непрерывности атаки. Первая колонна, штурмовая, пробивает проходы в проволоке, вторая и третья захватывают окопы и огневые позиции противника.

11 февраля саперы выполнили свой долг: под обстрелом неприятеля восстановили мост и прилегающий к нему участок железнодорожного полотна.

В ночь на 12 февраля комбриг Сводной Яков Покус направил в обход Волочаевки рейдовую группу комбата В. А. Гюльцгофа. В нее вошли: 3–й батальон 6–го полка, две команды пешей разведки, эскадрон Амурского полка и два орудия. Совершенно неожиданно эта маленькая группа сыграла большую роль в разгроме Волочаевского узла сопротивления белых. На линии дороги Нижне–Спасская — Волочаевка участники рейда встретились со своими — с Троицко–Савским кавалерийским полком Васильева. В это время к деревне Дежнева пробиралась Поволжская бригада генерала Сахарова с заданием выбить красных из деревни Нижне–Спасская. Мела метель. Белогвардейцы сбились с пути и на рассвете вышли к группе Гюльцгофа. Их ошеломили внезапным артиллерийским и пулеметным огнем. Белогвардейцы побежали по дороге к Дежневу. За ними устремились конники Троицко–Савского полка и вырубили половину отряда—более 300 пехотинцев.

Командир Сводной бригады Яков Захарович Покус. 1922 г.

Еще было темно, когда полки Сводной бригады выдвинулись на исходные рубежи. Не спавший всю ночь Блюхер надел полушубок, надвинул на уши заячью шапку и вышел из душной третьей полуказармы. Поежился. Кажется, мороз усилился. Выжимает слезы. Трудно дышать. А как бойцы — в стареньких-то шинелях лежат на снегу! Хватит ли у них сил кинуться на шестирядный забор, у которого лежат трупы их товарищей? Сегодня Волочаевка должна быть взята, или полки потеряют боеспособность, и их придется отвести назад.

Неслышно подошел начальник полевого штаба Петр Анисимович Луцков. Похлопал рукавицами, озабоченно заметил:

— Проверял боезапас. Снарядов маловато. Распылим остатки, и тогда бронепоезда противника будут хозяевами положения.

— А без артиллерийской подготовки трудно рассчитывать на успех атаки. Бедны мы. Чертовски бедны. Даже ножниц для резки проволоки и тех нет. И все-таки мы сегодня возьмем этот дальневосточный Перекоп. Или… или все замерзнем…

Трижды грозно рявкнуло тяжелое орудие бронепоезда № 9. У высокой сопки Июнь–Корани взметнулось бурое облако.

— Сигнал подан. Поднимутся ли? — насторожился Луцков.

— А как же! Поднимутся и прорвутся, — поднося к глазам бинокль, сказал Блюхер.

Артиллеристы обстреляли засеченные во вчерашнем бою огневые позиции белогвардейцев.

Блюхер видел, как из снежных окопчиков выросла первая штурмовая полоса. Это были бойцы интернациональных рот — корейцы и китайцы. Снег был глубокий. Многие не успели добежать до забора — застыли в сугробах. А те, что добежали до первого ряда, принялись сбивать с кольев прикладами, лопатами, топорами нити стальной колючки.

На станции появились бронепоезда «Каппелевец» и «Волжанин». Их борта озарились багровыми вспышками. Офицерские команды работали слаженно и точно. Атакующие повисли на колючем заборе.

Блюхер опустил бинокль. Сказал Луцкову:

— Надо незамедлительно сбить бронепоезда.

Подозвал связного:

— Пулей летите к командиру пятого полка Чернову и передайте: немедля выдвинуть орудие к станции и прямой наводкой отогнать бронепоезда противника. Запомнили?

— Так точно!

Проводив взглядом связного, Луцков сказал:

— Орудие собьют. У них превосходные наводчики.

— Вижу. Так что? Мы на них любоваться будем?

Пустим в лоб «Освободитель». Посмотрим, чьи наводчики лучше, — и Блюхер приказал командиру поезда Дробышевскому на всех парах устремиться на станцию и любой ценой сбить бронепоезда противника.

Машинист Б. М. Гребенников повел «Освободителя» к станции. Начался огневой поединок. Блюхер с тревогой заметил, что «Освободитель» на прицеле всех полевых орудий и бронепоездов противника. Выдержит ли броня? Надо воспользоваться благоприятным моментом. И главком передал приказание комбригу Покусу:

— Незамедлительно двигайте вторую волну.

Тяжело дыша, окруженный темно–багровыми столбами разрывов, «Освободитель» шел на «Каппелевца». Вражеский снаряд врезался в капитальную площадку и разбросал лежащие на ней рельсы. Осколки второго снаряда помяли броню паровоза. Третий угодил в заднюю пулеметную площадку. Окутанный дымом и пылью «Освободитель» вел огонь из всех орудий и пулеметов. И вот уже заглохло переднее орудие «Каппелевца», и он пятится назад.

Следом за «Освободителем» двигался бронепоезд № 9. Его грозная 120–миллиметровая пушка гасила огневые точки врага.

Блюхер невольно вздрогнул, когда увидел за Волочаевкой вставшее стеной пламя и черные облака дыма. Потряс Луцкова за рукав:

— А ведь это наши! Наши. Рейдовики Васильев и Гюльцгоф. Зажгли мосты. Вот вовремя подоспели. Молодцы!

Пламя за спиной испугало командиров «Каппелевца» и «Волжанина». Развивая полную скорость, бронепоезда помчались назад, к Хабаровску. Им удалось проскочить по горящим мостам.

А в эти минуты вторая волна уже надвигалась на Волочаевку.

— Хорошо идут! Замечательно! — не выдержал Луцков. — И направление правильное — на центр.

— А наши бронепоезда уже на станции. Бьют по позициям на Июнь–Корани. Вот это и есть взаимодействие!

Бойцы 3–го Читинского и 6–го полков добежали до проволоки и, не задерживаясь, двинулись дальше: по трупам товарищей, повисших на колючке, по проходам, пробитым снарядами, гранатами, прикладами. И шестирядный забор остался позади. Ворвались в траншеи.

Бронепоезда прекратили стрельбу.

Начался злой, беспощадный рукопашный бой. Он продолжался недолго. В полдень к Блюхеру подскакал связной и, не скрывая ликования, прокричал:

— Главную гору взяли. Во пакет. Где наша не пропадала!

На листке из полевой книжки несколько торопливых слов:

«Сегодня в 11 часов 32 минуты частями НРА занята деревня Волочаевка. Покус».

Блюхер потер немеющие от стужи щеки, сказал связному:

— Спасибо за добрую весть, дружище. Скачи к комбригу Покусу и передай — наступление продолжать. Взять Хабаровск.

— Возьмем, товарищ главком. Теперь-то что! Вся колючка здесь осталась, — скаля крепкие молодые зубы, заверил связной. Хлестнул коня: — Пошла, душа, в рай!

Блюхер посмотрел на Луцкова, удивился:

— Петр Анисимович! У вас нос белый. Скорее трите снегом.

— Вот ведь и не заметил. Ничего, отойдет, — и Луцков захватил пригоршни искрящегося снега.

Блюхер подождал, вытащил фляжку, предложил:

— Хватите согревающей влаги и поедем в Волочаевку.

Дымились подожженные отступающими белогвардейцами крестьянские избенки. На огромном поле боя густо лежали трупы. Ходили санитары, собирали раненых и обмороженных. Пахло порохом и кровью.

И, потрясенный суровой и грозной картиной, Василий Константинович Блюхер продиктовал приказ:«В беспримерном по доблести бою под Волочаевкой смертью храбрых погибли многие из лучших сынов трудового народа. Имена этих товарищей должны быть записаны на самой светлой странице истории нашей борьбы за Революцию и родную землю.

Памяти павших должен быть оказан тот почет, который они заслужили…

Приказываю: немедленно собрать тела всех, кто с беззаветной доблестью погиб в жестоком бою под Волочаевкой, и похоронить их в общей братской могиле на вершине горы Июнь–Корань и над этой могилой воздвигнуть достойный памятник»[66].

Советская Родина отметила величавый подвиг своих верных сыновей высшей боевой наградой. Гордое имя Краснознаменных получили героический 6–й стрелковый, отныне Волочаевский, полк и бронепоезд № 8 «Освободитель». Орденом Красного Знамени были награждены: командующий фронтом С. М. Серышев, командир Сводной бригады Я. З. Покус, военный комиссар В. П. Малышев, командир 6–го стрелкового полка А. Н. Захаров, начальник бронепоезда «Освободитель» И. А. Дробышевский и военком М. Д. Кручинин, командиры взводов и рот Г. В. Кондратьев, А. И. Суслов, С. В. Федук, командиры партизанских отрядов И. П. Шевчук, Ф. М. Петров–Тетерин, Д. И. Бойко–Павлов и многие рядовые народоармейцы — участники штурма Волочаевки, всего 67 человек.

Отступая, противник цеплялся за ранее укрепленные позиции и упорно, озлобленно защищал их.

С порученцем Александром Поповым и ординарцем главком Блюхер выехал в Казакевичево — в штаб Забайкальской группы. Дорог не было. Двигались по следу, проложенному прошедшими утром забайкальцами. К вечеру лошади выбились из сил. Пришлось идти пешком. Вскоре Блюхер почувствовал боль в пояснице, но спутникам своим ничего не сказал. Тишина. Только иногда ахнет раздираемое морозом дерево. Следы свернули в замерзшую реку. Справа и слева застыли в безмолвии угрюмые сопки. Блюхер обрадовался, увидев вдалеке горящие костры.

Попов спросил:

— Что это за рать? Свои или чужие?

— Не знаю, — сказал Блюхер. — Дернула меня нелегкая поехать в такую глушь. Пошли на огонь.

— Может быть, я пойду вперед? И узнаю, свои или чужие? Все-таки опасно.

— Опасно и вам, и мне, и ему, — кивнул головой на ординарца Блюхер. — Пойдем вместе.

Услышали слова:

— Под Хабаровском придется постоять. Огромадный городище.

— Ни черта! Под Волочаевкой так пугнули, что покатятся до самых японцев. Вот попомните мое слово.

— Наши! — облегченно вздохнул Попов. — Согреемся и отдохнем.

Бойцы сидели на валежнике, протянув к костру ладони. Блюхер подошел, попросил:

— Разрешите погреться.

Услышал:

— Никак, главком. Подвиньтесь, ребята!

Костер был жаркий, снимал холод и усталость. Рыжебородый высокий боец поставил перед главкомом котелок, предложил:

— Испробуйте за компанию. Правда, мясцо особого сорта. Побили кадеты лошаденку. Вот мы ее и схарчили.

Блюхер кивнул на своих спутников:

— Давайте три ложки.

— И три котелка, — улыбнулся рыжебородый. — Ешьте на здоровье.

Суп был густой, горячий. Мясо жестковато, видно, конь скончался в пожилых летах.

Подкрепившись, Блюхер спросил:

— Скажите, товарищи, а до Казакевичево далеко?

— Близко. Час хода. Ночью взяли, а все еще горит.

— Пойдемте, товарищ Попов, — поднялся Блюхер. — Надо застать на месте штаб группы.

Снова заныла поясница. Шли долго. Почувствовав запах гари, Блюхер сказал проводнику–народоармейцу:

— Возвращайтесь к своим. Теперь-то найдем.

В штабе Забайкальской группы Блюхер узнал подробности упорного боя за Казакевичево. Сказал угрюмо:

— Упустили белую рать. Придется еще долго сними возиться. Люди не вынесли напряжения. Считай, неделю не спали. Да и кормим скверно. Как только на ногах держатся.

На следующий день Блюхер выехал в Хабаровск, который был

занят без боя 14 февраля. Допросив пленных офицеров, главком решил обратиться к войскам генерала Молчанова с предложением прекратить дальнейшее, явно безнадежное сопротивление.

На первое обращение, посланное накануне штурма Волочаевки, командующий белоповстанческой армией Молчанов не ответил. Может, теперь, после разгрома частей генерала Аргунова, командарм понял, что ему придется спасаться в так называемой нейтральной зоне, охраняемой японскими орудиями.

Блюхер писал долго, тщательно отбирая слова: «…Вы не ответили на мое первое письмо потому ли, что ваши руки разучились писать искренние русские слова без диктовки закулисных суфлеров, или потому, что вы еще верите в торжество приморской кривды над русской революционной правдой, меня это интересует мало.

…Какое число русских мучеников приказано вам бросить к подножию японского и другого иноземного капитала?

Сколько русских страдальческих костей необходимо, чтобы устроить мостовую для более удобного проезда интервентских автомобилей по русскому Дальнему Востоку?

Нет, генерал, мы этого не позволим. Мы, мужики, защищающие свое родное достояние, свою родную революционную русскую землю, впервые в течение столетий увидевшие свою истинно народную власть.

…Мы победим, ибо мы боремся за прогрессивные начала в истории, за новую в мире государственность, за право русского народа строить свою жизнь так, как подсказывают ему его пробужденные от векового оцепенения силы.

Вы погибнете, ибо вы продали шпагу для защиты чужеземных интересов кучке грубых и жадных коммерсантов, не имеющих ничего общего с историческими задачами национального возрождения.

Для того чтобы облегчить ваше положение, я предлагаю вам следующее: не допуская каких-либо обид или оскорблений, я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на Родину всем подчиненным вам войскам»[67].

В комнату вошел начальник полевого штаба Луцков и положил на стол исписанные листы бумаги:

— Вот сочинил послание генералу Молчанову. Все-таки когда-то вместе служили. Может, и поймет. Поправьте, если что не так…

Блюхер прочел довольно длинное письмо, улыбнулся:

— Все правильно, Петр Анисимович. Лишь одно маленькое замечание. Вы в конце пишете: «Я сам не боялся ехать в стан

гродековцев уговаривать их бросить авантюру и не боюсь поехать к вам и ехать куда угодно, только бы достичь прекращения бесцельной гибели русских людей». Не пустим мы вас в волчью пасть. Они вас яростно ненавидят. Помните, как трудно было вызволить из белогвардейского плена вашу супругу, Елену Васильевну. Хорошо, что нам удалось подобрать для обмена жену министра иностранных дел марионеточного белогвардейского правительства Михайлову.

— Как же, великолепно помню и никогда не забуду. Спасибо вам огромное за Елену Васильевну!

Блюхер вызвал Русяева, попросил:

— Виктор Сергеевич! Подготовьте эти письма Для вручения генералу Молчанову. Их повезет Павел Подервянский. У него уже есть некоторый «дипломатический» опыт.

Павел Подервянский выполнил задание главкома и 22 февраля доставил в штаб белоповстанческой армии письма Блюхера и Луцкова. Генерал Молчанов снова уклонился от прямого ответа. Он спешно отводил уцелевшие от разгрома части в нейтральную зону, под защиту японских оккупантов.

…Главком В. К. Блюхер вернулся в Читу. На вокзале он увидел состав, окруженный оборванными, исхудалыми, грязными ребятишками. Спросил дежурного по станции:

— Откуда они и куда следуют?

— С Поволжья. Сильнейшая засуха была. Говорят, тридцать пять губерний голодают. А это — сплошь сироты. Привезли к нам. И куда девать такую ораву — ума не приложу. Разбегутся, воровать начнут.

Блюхер поспешил домой. Ласково поздоровался с женой и ее сестрой. Торопливо рассказал об эшелоне голодающих детей и попросил жену съездить на вокзал и взять одного ребенка на воспитание.

— Я возьму круглую сироту. Как дочку будем растить, — сказала Галина Павловна.

— Вот именно — как свою! Только подбери самую худющую, неприглядную, некрасивую. Такую, от которой все откажутся.

— Хорошо! Я так и сделаю.

Вместе с Галиной Павловной на вокзал пошла ее сестра Варвара.

Часа через два они вернулись с худенькой чем-то напуганной девочкой, которая все время повторяла:

— Дяденька, дай корочку, Христа ради. Тетенька, дай корочку круглой сиротинке Кате.

Василий Константинович подошел к девочке, сказал улыбаясь:

— Ты теперь не сирота, Катюшенька. Ты наша дочка.

— Дай корочку, дяденька. Век помнить буду.

— Сейчас вымоем руки и будем вместе обедать.

— Сперва дай корочку, дядя…

Василий Константинович посмотрел на жену. Та поняла, быстро отрезала кусок хлеба, подала Кате. Она схватила хлеб двумя руками, отошла в угол. Ела жадно, давилась.

Василий Константинович попросил Варвару Павловну:

— Отмойте, пожалуйста, Катю. И смажьте чем там полагается ее болячки. А мы с Галей пойдем в город и купим кое-что из одежды.

На улице Галина Павловна призналась:

— Кажется, я жестоко ошиблась. В вагоне к нам подошла белокурая хорошенькая девочка, прижалась ко мне, кричит: «Ты моя мама. Я узнала тебя». Мне так хотелось сказать—-да, я твоя мама. И не решилась. Ты приказал взять самую неприглядную. Более страшной не было.

— Ты поступила правильно, Галя. Девочка придет в себя. Мы ее вырастим и воспитаем[68].

В тот же день детей–сирот усыновили многие работники штаба, служб, военно–политического управления.

Прибытие эшелона осиротевших детишек с юга натолкнуло на мысль провести по всей Дальневосточной республике месячник помощи пострадавшим от засухи голодающим губерниям России.

Во всех частях Народно–революционной армии, на фронте и в тылу, коммунисты провели беседы об отчислениях в фонд голодающим. Паек и жалованье были очень скромными, но народоармейцы понимали, что можно «подтянуть ремни до отказа» и оказать помощь попавшим в беду братьям и сестрам Советской России.

В Военный совет НРА поступили многочисленные заявления от личного состава частей и кораблей с просьбой принять их скромный вклад в фонд помощи пострадавшим от засухи.

За подписью главкома и военного министра НРА Блюхера и члена Военного совета Погодина был издан приказ. В нем отмечалось единодушное стремление частей армии и флота оказать голодающим действенную помощь и устанавливался порядок ежемесячного отчисления в размере однодневного пайка или жалованья.

…Народно–революцонная армия готовилась к новым боям. По предложению главкома Блюхера все полки были прикреплены к областным и городским самоуправлениям. В праздничный солнечный день 1 мая 1922 года делегации шефов вручили

народоармейцам Красные знамена и памятные подарки. В этот день по всем гарнизонам прошли митинги и парады. Бойцы торжественно клялись:

— Перед лицом трудящихся классов республики, братской Советской России и всего трудового мира я обязуюсь носить высокое звание с честью, добросовестно изучать военное дело и как зеницу ока охранять народное достояние и военное имущество.

В июле 1922 года В. К. Блюхер был отозван в Москву. Прощаясь с Народно–революционной армией, он писал: «Я с любовью и преклонением вспоминаю и буду вспоминать всегда последние боевые страницы истории нашей геройской армии, покрывшей в зимнем амурском походе 1921 —1922 годов боевые знамена революции новою славой…

Расставаясь с вами, родные красные орлы, я уношу в своем сердце горделивую радость достигнутых вами побед на мирном и боевом поле и твердую уверенность, что ваши мозолистые руки впишут еще не одну славную страницу в историю борьбы за освобождение человечества от ига империализма…»[69]

IX. ТАМ, ГДЕ ОПАСНЕЕ

1

Блюхер был назначен командиром 1–го стрелкового корпуса, расквартированного в Петрограде.

С глубокой радостью и волнением встретился Василий Константинович с городом, в котором пролетела его суровая юность. И как только остались позади все заботы, связанные с переездом, он вместе с женой прошелся по знакомым площадям и улицам, рассказывая, где жил и работал пятнадцать лет назад.

Ознакомившись с корпусом, Блюхер убедился в том, что командный состав дивизий и полков вполне надежный, имеет большой боевой опыт и прочные знания. Впервые за все время службы представилась отрадная возможность не только обучать других, но и учиться самому. Под рукой богатейшая библиотека Главного штаба и величайшая сокровищница культуры и науки — Публичная библиотека. Можно достать любую нужную книгу, основательно пополнить свои знания. И комкор занимается каждый день по расписанию, которое висит над письменным столом. Действует по правилу: требуешь дисциплины от других — будь предельно дисциплинированным сам. Надо наверстывать упущенное: изучать русский язык и математику, географию и физику, историю и философию. И, конечно, военное дело. Нельзя забывать и о самоучителе английского языка. Все должно быть систематизировано, никаких послаблений и отступлений от намеченной программы. А в выходные дни можно пойти в театры, кино, музеи. Их так много в этом прекрасном городе. И поиграть с маленьким сыном Всеволодом и с приемной дочкой Катей.

Вскоре появились ответственные общественные обязанности — член Ленсовета и член ВЦИК.

Участвуя в сессиях ВЦИК восьмого, девятого и десятого созывов, Блюхер познакомился со многими партийными и государственными деятелями, со славной старой большевистской гвардией. Особенно запомнилась IV сессия ВЦИК девятого созыва, проходившая в Москве с 23 по 31 октября 1922 года. Сессия рассмотрела и утвердила важнейшие законоположения: кодекс законов о труде, кодекс законов о земле, гражданский кодекс, проект положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах, положение о всероссийской сельскохозяйственной выставке.

Член ВЦИК, командир 1–го стрелковою корпуса и комендант Петрограда В. К. Блюхер. Октябрь 1922 г.

Блюхер, как и все другие члены ВЦИК, с нетерпением ждал выступления главы Советского правительства В. И. Ленина. Многие сомневались, сможет ли прибыть Владимир Ильич на сессию, ведь только 2 октября, после тяжелой, продолжительной болезни он приехал из Горок в Москву. Врачи ограничили его рабочий день и установили дополнительный выходной в середине недели. И все делегаты очень обрадовались, когда узнали, что В. И. Ленин выступит на заключительном заседании сессии 31 октября.

И этот день стал самым дорогим, самым памятным в жизни Василия Блюхера. В Ленине он видел все лучшее, что есть в партии и народе. И сколько раз в тяжелые минуты Блюхер обращался к товарищам по оружию со словами: «Ленин уверен в нас. Ленин ждет от нас победы! Порадуем Владимира Ильича». И голодные, изнемогающие от усталости люди преображались, становились сильными и смелыми и одолевали врагов.

И вот Ленин появился на трибуне. И все встали, и рукоплескания потрясли зал. Аплодировали долго, радостно. Владимир Ильич недовольно пожал плечами. Зал гремел. Ленин вытащил из жилетки часы и выразительно потряс их на ладони. Михаил Иванович Калинин старательно позвонил в колокольчик. Делегаты сели. В зал пришла необычной строгости тишина. Блюхер пожалел, что сидит в середине, а не в первом ряду. Подавшись вперед, слушал, боясь пропустить хотя бы одно слово. И невольно думал о том, что кое-что из сказанного Владимиром Ильичем имеет к нему самое непосредственное отношение.

Ленин говорил: «Прежде всего необходимо, конечно,

направить наше приветствие Красной Армии, которая на днях показала еще раз свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией республик. Я уверен, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной Армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. Я думаю, наша Красная Армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию…»[70]

И в памяти Блюхера всплыли недавние волочаевские дни, промелькнула радостная мысль — созданные им дивизии завершили освобождение Дальнего Востока.

«Мы должны иметь мужество сказать, — продолжал Ленин, — что мы создаем свой аппарат стихийно. Лучшие рабочие шли и брались за самые трудные обязанности и в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать»[71].

И не без гордости Блюхер подумал о том, что это и о нем сказано. Малограмотный в прошлом солдат по приказу Революции взял на себя труднейшие военные обязанности — стал начальником дивизии, главкомом.

Были ошибки и промахи, но, как говорит Владимир Ильич, умел поправляться и работать.

И еще врезались в память знаменательные слова Ленина: «… мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»[72].

И на следующий день в газете «Правда» Блюхер нашел и подчеркнул красным карандашом эти зовущие на большую, упорную, напряженную созидательную работу строки. И эту газету Блюхер берег до последних дней своей жизни.

Возвратившись в Петроград, Блюхер выступил с докладами об итогах сессии на собраниях бойцов и командиров 10–й и 11–й стрелковых дивизий.

Комкор уделял большое внимание совершенствованию военных знаний командного состава, от комдивов до взводных включительно. В дивизиях были созданы показные роты, проводившие двухсторонние тактические занятия с учетом опыта гражданской войны.

Комкор Блюхер выступал с лекциями, обобщающими опыт боевых операций.

Постоянно проверяя дивизии, Блюхер особое внимание уделял огневой подготовке и всячески поощрял отличных стрелков. Команда 31–го полка 11–й дивизии в составе

Кучеренко, Протопопова, Волошина и Корнеева заняла первое место на всеармейских состязаниях 1923 года.

На сборах в Москве отличилась рота разведчиков Георгия Александровича Вещезерского[73] из 11–й стрелковой дивизии, занявшая первенство по огневой и тактической подготовке в Красной Армии.

Возросшее боевое мастерство продемонстрировали дивизии 1–го стрелкового корпуса на окружных маневрах. На этих учениях 11–я стрелковая дивизия, которой командовал герой гражданской войны Богдан Константинович Колчигин, показала высокое тактическое мастерство и заслуженно получила отличную оценку.

В конце 1923 года Блюхер обратился с просьбой предоставить ему возможность закончить Высшие военные академические курсы. Его ходатайство было удовлетворено, но учиться не пришлось. Блюхера привлекли к работе в высшей военно–морской инспекции, а затем направили на труднейший боевой участок: главным военным советником Национально–революционного правительства Китая.

2

Блюхер имел весьма поверхностные сведения о Китае. Знал, что на юге страны в провинции Гуандун находится Национально–революционное правительство. Глава правительства и вождь партии гоминдана[74] доктор Сун Ят–сен направил в Советский Союз делегацию, которая ознакомилась с организацией Красной Армии и пригласила группу опытных специалистов для работы в качестве военных советников.

В порту Гуанчжоу, на советском учебном корабле «Боровский», Блюхер встретился с Сун Ят–сеном и представился ему как генерал Галин. (Не мудрствуя, Василий Константинович взял для фамилии усеченное имя своей жены Галины.)

Беседа была продолжительной и весьма полезной для генерала Галина. Сун Ят–сен остался доволен главным военным советником. Разговор подытожил словами:

— Оставайтесь с нами и помогайте своим опытом нашему делу. Я верю вам и уверен в вас[75].

Национально–революционная армия Китая (НРА) только что создавалась. Это была сложная и трудная задача. В решении ее добровольно приняли участие выдающиеся герои гражданской войны: П. А. Павлов, В. К. Путна, А. Я. Лапин, Н. В. Куйбышев, М. В. Сангурский, В. М. Примаков, М. Г. Ефремов и военные специалисты: А. И. Черепанов, Г. И. Гилев, В. Е. Горев, Н. И.

Кончиц, И. Я. Зенек, С. Н. Наумов, В. Н. Пантюхов, А. Б. Портненко, Е. В. Тесленко, М. Ф. Куманин, А. Н. Черников, В. А. Степанов, Т. А. Бесчастнов.

Прибыв в Гуанчжоу, Галин собрал сведения о школе Вампу и вызвал к себе военных советников. Все они подготовили обстоятельные доклады и собрались было рапортовать, но главный военный советник сказал:

— Садитесь, товарищи, побеседуем.

Галин поделился своими первыми впечатлениями и неожиданно спросил:

— Скажите, сколько стоит содержание одного курсанта?

Советники переглянулись. Александр Иванович Черепанов ответил за всех:

— Честно говоря, не знаем. В эти вопросы мы не вникали.

— Напрасно. Доктор Сун Ят–сен, беседуя со мной, дважды подчеркнул, что Национально–революционное правительство чрезвычайно бедно, а «союзные» генералы постоянно требуют денег. Сейчас встает вопрос о значительном расширении школы Вампу. И это закономерно — нам нужны преданные новому Китаю командиры. Необходимо точно определить дополнительные средства, а мы, оказывается, не имеем простейших данных для расчетов. Нельзя верить на слово китайским генералам. Они могут и обмануть и предать. Вот почему мы с вами должны во всех деталях знать экономику школы Вампу. Да и не только школы — полка, дивизии, корпуса, за которые отвечаем. Помните, товарищи, каждая боевая операция — это прежде всего математика, тщательный всесторонний расчет и анализ. Свою непоколебимую правоту надо доказывать расчетами, схемами, неопровержимыми фактами, иначе наши советы не будут полноценными.

Галин покатал по столу карандаш, спросил:

— Прав ли я? Может быть, вы не согласны?

— Согласны, товарищ Блюхер…

— Привыкайте — Галин.

— Конечно согласны, цзян–цзюнь[76] Галин, — совсем по–китайски сказал Н. А. Шевалдин. — Только все это нам в новинку.

— Будем привыкать. Встретитесь с трудными, неясными вопросами — обращайтесь ко мне. В любое время дня и ночи. Желаю вам успехов, товарищи гувэни[77].

Трудностей было много. Порой они казались непреодолимыми. Генералы (их было трудно запомнить и еще труднее понять) постоянно ссорились друг с другом, легко клялись в верности доктору Суп Ят–сену и еще легче изменяли

ему. Не было высшей военной власти, способной объединить отдельные, пестрые по составу и убеждениям воинские соединения. И Галин поставил перед собой задачу: провести расширенную военную конференцию командного состава и сформировать Военный совет Народно–революционной армии. Сроки созыва конференции неоднократно намечались и откладывались. Сун Ят–сена не было в Гуанчжоу—13 декабря он выехал в Пекин для переговоров о создании центрального правительства Китая. Вопрос удалось решить при помощи видного деятеля гоминдана, вдохновителя левого крыла партии Ляо Чжун–кая. Военная конференция состоялась 22 декабря 1924 года. Главнокомандующим Восточным фронтом избрали командующего Юньнаньской армией генерала Ян Си–мина. Постановили: все воинские части безусловно подчиняются приказам Ян Си–мина.

Через день Галин участвовал на совещании, решившем еще один важный организационный вопрос — был сформирован Военный совет. Генерал Галин вошел в него в качестве военного советника.

В конце декабря Военный совет получил сведения о намерении контрреволюционного генерала Чэнь Цзюнмина «очистить Гуанчжоу от большевистской заразы». Члены Военного совета встревожились и поставили перед генералом Галиным вопрос:

— Как отвести угрозу, нависшую над Гуанчжоу?

Галин ответил кратко:

— Надо организовать контрнаступление лучших соединений Народно–революционной армии. Я рекомендую второму и третьему корпусам юньнаньцев под командованием Фань Ши–шеня составить Северную группу и двигаться по долине реки Дунцзян на Боло — Хэюань — Ухуа — Синин. Центральная группа, в нее войдут гуансийские войска под командованием генерала Лю Чжэнь–хуана, должна овладеть крепостью Вэйчжоу.

— Наиболее сильной должна быть Южная группа, — спокойно продолжал изложение плана Г алии. — Я советовал бы включить в ее состав вторую пехотную дивизию, седьмую отдельную бригаду, отдельный полк Гуанчжоуской армии и два пехотных полка Вампу...

— А кто будет защищать Гуанчжоу? — не выдержал Ян Си–мин.

— Во время похода Гуанчжоу прикроет с севера Хунаньская армия генерала Тань Ян–кая, а с юго–запада— Первый Гуанчжоуский корпус генерала Ляо Хэн–кая.

Чан Кай–ши вскочил, подошел к схеме, усмехнулся:

— Ха, цзян–цзюнь Галин нарисовал Вэйчжоу чуть заметной точкой. Меньше блохи! А ведь это величайшая крепость. За две тысячи лет ее еще ни разу не брали штурмом. — Поднял палец и торжественно повторил: — За две тысячи лет никто не брал Вэйчжоу. Видно, цзян–цзюнь Галин не знает китайскую историю.

Поднялся Ян Си–мин, тоже посмотрел на Вэйчжоу, сокрушенно покачал головой:

— В памяти нашего поколения Вэйчжоу безуспешно штурмовали тридцать восемь раз. Безуспешно! У нас нет артиллерии, способной разрушить неприступные стены Вэйчжоу. Будь я на месте генерала Лю Чжэнь–хуаня, обязательно отказался бы от этой безумной затеи — штурмовать Вэйчжоу.

Генералы зашумели. Галин послушал их, подошел к схеме и красным карандашом обвел Вэйчжоу. Затем громко сказал:

— Мы не будем штурмовать крепость Вэйчжоу. Мы ее обойдем и блокируем одним полком.

Этот вывод был таким неожиданным, что потрясенные генералы несколько минут молчали. Потом заговорили все сразу. Громче всех кричал Чан Кай–ши.

Встал Ляо Чжун–кай, сказал сердито:

— Нам полезно оглянуться и на русскую историю. Генерал Галин брал Перекоп. Уезжая, доктор Сун Ят–сен говорил мне: «В делах военных всецело полагайтесь на опыт нашего друга генерала Галина». План Восточного похода считаю правильным и предлагаю принять. Пока мы спорим, Чэнь Цзюн–мин ворвется в Гуанчжоу.

План Галина приняли.

В тот же день Галин собрал военных советников и изложил план Восточного похода.

— Обстановка весьма благоприятна. На севере идет война между сторонниками английского империализма и прояпонски настроенными генералами. Наши войска поведут наступление в районе, охваченном революционным движением крестьян. Руководят ими коммунисты во главе с товарищем Пэн Баем[78]. Красные пики — наши верные союзники. Я надеюсь на вас, товарищи!

Поход начался 2 февраля и закончился 21 марта 1925 года блестящими победами Народно–революционной армии, освободившей крупный район на побережье Южно–Китайского моря. По далеко не полному подсчету, было захвачено винтовок разных систем 12–13 тысяч, пулеметов—ПО, орудий — 36, патронов разных калибров— 8 миллионов, снарядов— 1500, радиостанций полевых — 3[79].

Генерал Галин, непосредственно участвовавший в

осуществлении всех крупных сражений, был доволен итогами Восточного похода. Удалось разбить численно превосходящего противника. Значительно окрепло положение революционного правительства Сун Ят–сена. Жаль, что вождь гоминдана не дожил до этой первой большой победы — умер 12 марта 1925 года в Пекине.

Учитывая боевой опыт первого Восточного похода, генерал Галин разработал план освобождения провинции Гуандун. 1 октября 1925 года войска Народно–революционной армии перешли в наступление. Ожесточенный, затяжной бой разгорелся у знаменитой крепости Вэйчжоу. Командующий Чан Кай–ши струсил. Его начальник штаба заявил военным советникам:

— Никогда еще в истории мясо не пробивало камень.

— Крепость будет взята, — сказал военный советник Александр Иванович Черепанов.

И впервые за многовековую историю крепость Вэйчжоу пала. Ее взяли роты коммунистов 13 октября 1925 года.

К концу года на всей территории провинции Гуандун была установлена власть Национального правительства Китая.

В мае 1926 года пленум Центрального исполнительного комитета гоминдана принял решение о проведении Северного похода, целью которого являлась ликвидация основных сил реакционных милитаристов, объединение всей страны. Главнокомандующим НРА был назначен член ЦК гоминдана, бывший начальник школы комсостава на острове Вампу генерал Чан Кай–ши. Главный военный советник генерал Галин принял на себя всю ответственность за разработку стратегического плана Северной экспедиции и его осуществление. К началу похода Национально–революционная армия была сведена в семь корпусов, насчитывавших в своих рядах около ЮО тысяч человек.

Используя все средства разведки, генерал Галин собрал подробные сведения о противнике. Предстояло решить чрезвычайно трудные боевые задачи: разбить две армии, возглавляемые опытными, имеющими академическое образование генералами У Пей–фу и Сунь Чуань–фаном. Они имели более 270 тысяч хорошо вооруженных и обученных солдат.

Генерал Галин предложил единственно правильное решение — воспользоваться разрозненностью и отсутствием единого командования в лагере противника и разбить противостоящие армии в два этапа. Вначале разгромить главу Чжилийской военной группировки ставленника английского империализма У Пей–Фу и освободить провинции Хунань и Хубей. Завершив эту операцию, перебросить основные силы на восток, нанести поражение самой сильной контрреволюционной армии Сунь

Чуань–фана и присоединить к Национально–революционному фронту провинции Цзянси, Фудзянь, Аньхой, Цзянсу, Чжецзян.

Генерал Галин понимал, что только после успешного завершения военных действий на этих двух этапах можно перейти к третьему. Он будет трудным и продолжительным. Пополнив и перегруппировав корпуса, двинуть их на север, вдоль железных дорог Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу, и объединиться с Северной армией гоминдана под командованием маршала Фэн Юй–сяна. Вместе будет легче разбить войска других реакционных генералов, взять Пекин и выполнить все заветы Сун Ят–сена по национальному объединению многомиллионного Китая.

Наступила пора напряженнейшей работы. Ни сна ни отдыха. А здесь еще прилипла себоррейная экзема, голова и лицо покрылись зудящими розовато–желтыми пятнами. Врачи вместе с лекарствами предписывают покой, домашний режим. Покой! Придумают тоже. Надо срочно провести расчеты по боевому обеспечению Северной экспедиции, разработать ближайшие задачи и наметить сроки сосредоточения соединений. Галин привлекает к делу вернейших помощников — военных советников. Они могут работать 24 часа в сутки.

И вот план разработан и представлен на утверждение главного штаба НРА. Главком не все понимает, приходится терпеливо растолковывать некоторые вопросы тактики и стратегии. Гора с плеч — план подписан. »

Теперь нужно думать, как провести намеченные операции. Самое страшное — отсутствие уверенности в высшем командном составе. Выпускники школы Вампу могут занимать должности в пределах полка, а комкорами и комдивами числятся старые генералы из помещиков и буржуазии. Все они боятся революционных преобразований в освобожденных районах, ненавидят коммунистов, левых гоминдановцев и сторонников злодейски убитого 20 августа прошлого года Ляо Чжун–кая. Его подстерегли у здания ЦИК гоминдана заговорщики из правого крыла партии. Сорок наемных убийц охотились в этот день за Ляо Чжун–каем. Ими руководил начальник управления общественной безопасности национального правительства правый гоминдановец У Те–чэн. Крупную группу генералов–заговорщиков, поднявших мятеж, удалось ликвидировать в июне 1925 года. Их возглавлял генерал Ян Си–мин, тот самый, что сомневался в успехе первого Восточного похода и считал неприступной крепость Вэйчжоу. Тогда Ян Си–мина поддерживал Чан Кай–ши, самовлюбленный, злопамятный и трусливый генерал, воспитанник японской военной академии. Такого главнокомандующего надо тащить к победе. И, конечно, контролировать каждый шаг, добиваться

неукоснительного выполнения каждого пункта плана Северного похода. И все это нужно делать тонко, умело, иначе разделишь печальную участь Ляо Чжун–кая.

В пробковом шлеме, покрытый липкой пахучей мазью, генерал Галин идет вместе с наступающей Национально–революционной армией. Он первым узнает об исходе боя, взвешивает силы, ведет точнейший расчет.

Впереди шла гвардия НРА — отдельный полк Е Тина. В нем 200 отборных бойцов — коммунисты и революционная молодежь. В неравных схватках полк получил почетное имя — Железный.

Отдельный полк выбил врага из Чжучжоу и Лилина, открыл путь к победам всей армии.

Теряя одну позицию за другой, генерал У Пей–фу решил задержать атакующих на выгодных оборонительных рубежах у станции Денсичао и сосредоточил главные силы.

Генерал Галин допросил пленных и выяснил, что у Денсичао противник имеет не менее двенадцати полков пехоты полного состава. Народно–революционная армия могла ввести в бой на этом направлении только шесть полков. Галин решил атаковать Денсичао и доложил свой план главнокомандующему. Чан Кай–ши выслушал молча и категорически заявил:

— Силы неравные. Нам не взять Денсичао.

— Возьмем! — сказал Галин.

— Вы будете отвечать за поражение.

— Ответственности никогда не боялся и не боюсь, — скупо улыбнулся Блюхер. — Наши полки верны знамени Сун Ят–сена. Они должны победить.

Яростный бой продолжался 23 часа и завершился рукопашной схваткой. Оборонительные рубежи у Денсичао были прорваны. Свыше 5 тысяч солдат сдались в плен.

Генерал У Пей–фу торопливо отвел уцелевшие части на новый, сильно укрепленный оборонительный рубеж между озерами Лянцзи и Хуантин.

Военный советник Галин внимательно изучил местность. Перебежчики и местные жители охотно рассказывали цзян–цзюну, что там, в междуозерье, вся земля ископана и обгорожена проволокой. Окопы рыли китайцы, а учили их японские инструкторы.

Галин задумался. Нужно прорвать три линии траншей, обнесенные проволочными заборами. Атакующие пойдут по ровной открытой местности в знойный изнурительный день. Воюют только днем. А почему бы не перейти в наступление ночью? Внезапно. Без единого выстрела.

Доложил главкому, и тот согласился.

В ночь на 30 августа 1926 года кантонцы атаковали позиции противника. Внезапность помогла прорвать все три линии вражеской обороны. Отбили четыре контратаки. На рассвете части Народно–революционной армии вступили в города Ханьян и Ханкоу.

У Пей–фу не сдавался. У него был еще один сильнейший узел обороны — первоклассная крепость Учан.

Кантонцы осадили крепость. Гарнизон защищался с упорством смертников. Несколько атак было отбито с крупными потерями. Неудачи сломили главкома. В штабном вагоне Чан Кай–ши расплакался. По–мальчишески растирал маленькими кулачками слезы. Узкие плечи подпрыгивали.

— Все кончено… Все пропало… Надо уходить в Кантон[80].

Генерал Галин, с трудом сдерживая раздражение, думал о том, как унять, привести в себя всхлипывающего главнокомандующего. Ведь он может повернуть назад войска и оставить с таким трудом отвоеванные районы.

Галин вызвал военных советников Никитина, Теруни, Сергеева. Вместе обсудили вопросы взаимодействия артиллерии и авиации.

Сергеев пообещал:

— Мы с Кравцовым сами пойдем на бомбежку. На «бреющем» не промахнемся.

Для штурма крепостных стен были заготовлены легкие бамбуковые лестницы.

10 октября 1926 года неприступный Учан был взят.

Теперь представилась возможность сосредоточить силы против генерала Сунь Чуань–фана.

— Через неделю я буду в Наньчане.

Армия Сунь Чуань–фана была хорошо вооружена и отличалась упорством и самоотверженностью. Два наступления частей НРА были отбиты с крупными потерями. Особое внимание было уделено вопросам взаимодействия соединений. Галин подчеркивал, что нужно избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций противника, а искать решение в обходе их и в фланговых ударах. В конце октября Народно–революционная армия приступила к выполнению плана Галина.

15 ноября Галин донес: «…Армии Суня и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Отброшенные на озеро с железной дороги, окруженные с юга и севера, остатки войск разоружены 9–го. По данным на 9–е, взято около 40 000 винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов… Район Цзюцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает 40 000»[81].

Войска НРА вступили в провинцию Аньхуэй и в конце ноября освободили ее главный город Аньцин.

Остатки разбитых армий милитаристов отошли к Шанхаю и Нанкину.

21 марта 1927 года восстал рабочий Шанхай. На следующий день в город вошли войска Национально-революционной армии.

24 марта был освобожден Нанкин.

Это была последняя победа Национального правительства Китая, основанного на союзе коммунистов и левых гоминдановцев.

Невиданный размах революционного движения в полуколониальном Китае испугал империалистов. Они с моря обстреляли Нанкин и ввели более 20 тысяч солдат в Шанхай. Они приняли все меры к тому, чтобы изнутри взорвать Национальный фронт. И это им удалось сделать без особого труда. Они купили за 60 миллионов юаней бывшего маклера Чан Кай–ши. 12 апреля главком НРА совершил контрреволюционный переворот и залил Шанхай кровью революционных рабочих.

Генерал Галин и другие советские военные советники оказались вынужденными оставить Китай, за национальную свободу и независимость которого они сражались три с половиной года.

С глубокой болью в сердце покидал Учан генерал Галин. Трудно было смириться с мыслью, что все завоевания народа преданы и проданы. Изменниками раздергана по частям сильная, закаленная в жестоких сражениях 150–тысячная Народно–революционная армия. Только одна 24–я отдельная, народом прозванная Железной, дивизия коммуниста Е Тина осталась верна китайской революции.

3

Напряженная, опасная работа в Китае тяжело отразилась на здоровье Галина–Блюхера. Мучила распространившаяся по всему телу себоррейная экзема. Резко повысилось кровяное давление. Врачи установили остро выраженную неврастению.

Пройдя курс лечения, Блюхер был назначен помощником командующего войсками Украинского военного округа. На этой должности Блюхер продержался недолго: год и два месяца. В начале августа 1929 года его срочно вызвали в Реввоенсовет Республики. Нарком сообщил:

— Вы назначены на пост командующего вновь организуемой Особой Дальневосточной армии. Вы хорошо знаете край и

приграничных соседей. Наведите должный порядок на границе.

И сразу в памяти всплыли тревожные события последних дней: захват Китайско–Восточной железной дороги (КВЖД), аресты советских граждан, бандитские вылазки беломаньчжур в районе Никольск–Уссурийского. Обо всем этом писалось в газетах. Как и все, читал и возмущался. А теперь надо создавать армию, способную нанести ответный удар провокаторам войны. Приказ Реввоенсовета краток и категоричен: «Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей». Вот как неожиданно оборвалась мирная жизнь.

Оставив семью в Москве, Блюхер выехал в Хабаровск. В предельно короткий срок при нем была создана армия, приведены части в боевой порядок и подтянуты к границе. А на границе пахло порохом. Недобитые в гражданскую войну белогвардейцы обстреливали советских пограничников и рыбаков, нападали на заставы и склады. 10 сентября из устья реки Сунгари китайцы выпустили плавучие мины. Их вовремя обнаружили и выловили моряки Амурской военной флотилии.

Многочисленные попытки Советского правительства урегулировать конфликт на КВЖД дипломатическими переговорами были отклонены Чан Кай–ши и Чжан Сюэ–ляном.

И Страна Советов приказала командарму Блюхеру дать отпор.

Отпор! Это слово облетело приграничные части и вошло в песню:

Стоим на страже всегда, всегда.
Но если скажет страна труда:
Винтовки в руки! В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер! Даешь отпор!

Отпор!

Блюхер разработал Сунгарийскую операцию. Для выполнения задания командарм привлек Амурскую военную флотилию под командованием Я. И. Озолина и 2–ю Приамурскую стрелковую дивизию И. А. Онуфриева, а также 4–ю и 5–ю авиаэскадрильи под командованием Э. П. Карклина.

Командарм решил уничтожить китайскую Сунгарийскую флотилию и разрушить оборонительные сооружения в районе города Лахасусу.

Начальник штаба Особой Дальневосточной армии трижды краснознаменец Альберт Янович Лапин обратился к командарму с просьбой:

— Разрешите мне провести Сунгарийскую операцию. Хочется на практике отработать взаимодействие пехоты с флотом и авиацией.

— Согласен, — сказал командарм, — но при одном условии: всю операцию закончить за сутки.

— Выполним, товарищ командарм!

Лапин вызвал командующего флотилией Озолина, начдива Онуфриева и командира бомбардировочной эскадрильи Карклина. Уточнили состав частей и время проведения операции по этапам.

12 октября в 5 часов 30 минут корабли Амурской речной флотилии с десантными полками 2–й Приамурской дивизии, сопровождаемые бомбардировщиками, двинулись к устью Сунгари. Удар был внезапным и сокрушительным. Комендоры флотилии и летчики потопили четыре боевых корабля и четыре баржи с военным имуществом противника.

Канонерская лодка «Красный бурят» и минный заградитель «Сильный» высадили 5–й и 6–й стрелковые полки. Десантники стремительно двинулись на Лахасусу…

В 13 часов Альберт Лапин донес командарму Блюхеру, что после упорного боя город Лахасусу окружен и взят. Остатки разбитых частей, возглавляемые адмиралом Шеном, удрали в Фугдин. Укрепленные позиции противника разрушены. Захвачено 5 барж, 13 бомбометов, 10 пулеметов и другое, еще не подсчитанное военное имущество. В плен взято 150 китайских солдат и офицеров.

Через несколько дней Амурская флотилия совместно с десантными частями 2–й Приамурской стрелковой прошли 70 километров по замерзающей Сунгари и ворвались на рейд Фугдина. Береговые батареи и корабли белокитайцев открыли сильную пальбу. На помощь атакующим подоспела авиация. Корабли противника были потоплены. Пошла из уст в уста крылатая поговорка: «Был у Чан Кай–ши флот надводный, стал — подводный».

Начальник штаба ОКДВА Альберт Янович Лапин

Разбив огневые позиции противника, наша флотилия высадила десантные полки. После трехчасового боя приамурцы взяли Фугдин. Уничтожив вражеские узлы обороны и захватив вооружение, части Отдельной Дальневосточной вернулись в Хабаровск.

В ночь на 17 ноября китайские войска значительными силами при поддержке артиллерии перешли в наступление на станицу Абагайтуевскую и разъезд № 86 на Забайкальском участке фронта.

Командарм Блюхер с членом Военного совета старым большевиком Николаем Ефимовичем Доненко выехали в Забайкалье. Проверив боевую готовность приграничных частей, Блюхер приказал командующему Забайкальской группой войск С. С. Вострецову разбить живую силу и захватить материальную часть гарнизонов Чжалайнор и Маньчжурия.

Степан Сергеевич Вострецов вместе с Блюхером защищал Дальний Восток в годы гражданской войны. За вошедшие в песню «штурмовые ночи Спасена» Степан Вострецов был награжден третьим орденом Красного Знамени, а после ликвидации в порту Анне банд генерала Пепеляева стал известен всему советскому народу как кавалер четырех орденов Красного Знамени.

Для выполнения боевого задания были привлечены три стрелковые дивизии и одна кавалерийская бригада.

Командующий Забайкальской группой войск Степан Сергеевич Вострецов

В ночь на 17 ноября 5–я Кубанская кавалерийская бригада Константина Константиновича Рокоссовского [82] пересекла скользкую, только что замерзшую Аргунь и двинулась на юг, в обход чжалайнорской группировки противника. Комбриг Рокоссовский стремился как можно быстрее перерезать железную дорогу и ударом с тыла захватить город Чжалайнор.

Одновременно с кавалеристами перешли в наступление на Чжалайнор пехотинцы 35–й стрелковой дивизии.

Вострецов, следовавший с головными частями, в полдень доложил командарму Блюхеру: кавбригада овладела железной дорогой и вышла в тыл чжалайнорскому гарнизону. Противник контратаковал во фланг бригаду, но был отбит 75–м кавполком.

На следующий день, сметая заслоны врага, кавалерийская бригада Рокоссовского ворвалась в Чжалайнор.

Части 36–й стрелковой дивизии окружили город Маньчжурия. В кольце оказалась 15–я пехотная бригада. Вострецов предложил генералу Лян Чжу–цзяну сложить оружие. Генерал решил оборонять город до подхода подкреплений. Командующий 11–й китайской армией генерал Ху Юй–кай направил к осажденным самолет, приказав летчику доставить генералу Ляну добрую весть о направляемых ему на помощь крупных соединениях. Опасаясь, что его собьют красные, летчик поторопился, не рассчитал и опустил вымпел с важной бумагой своего командарма в головной батальон Подушкина, в котором в это время находился Вострецов. Приказ перевели. Вострецов немедленно доложил командарму Блюхеру, что генерал Ху Юй–кай выдвигает в сторону Цаган — Чжалайнор 1–ю пехотную и 3–ю

кавалерийскую бригады.

Блюхер, находившийся на станции Ваньгунь, приказал Вострецову мощной атакой разгромить гарнизон Маньчжурии.

На рассвете 20 ноября части вновь перешли в наступление.

Генерал Лян предпринял несколько попыток прорвать кольцо окружения, но все контратаки были отбиты. Мощным ударом артиллерии и авиации командующий Забайкальской группой Степан Вострецов сломил сопротивление противника. Многотысячный гарнизон Маньчжурии сдался в плен.

Поздно вечером 20 октября командарм Блюхер донес в Реввоенсовет Республики: «Чжалайнор занят 18 ноября. Вторым ударом занят г. Маньчжурия 20 ноября. Бой за Чжалайнор длился двое суток. Противник, несмотря на превосходство нашей техники и полное окружение, оказывал небывалое по упорству сопротивление. Чжалайнор и Маньчжурия были противником настолько прочно укреплены, что полевая и гаубичная артиллерия не пробивала верхних перекрытий окопов и блиндажей. Несмотря на это, разгромлены полностью 15–я и 17 я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше 8 тысяч пленных и около тысячи тяжело раненных солдат. В числе пленных захвачен командующий Северо–Западным фронтом генерал Лян Чжу–цзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около полутора тысяч.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжение, орудия и прочее.

Наши потери: убитых—123 человека и 605 раненых. Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм. Настроение войск отличное»[83].

Продолжая наступление, полки Забайкальской группы 23 ноября взяли станцию Цаган, а через четыре дня — город Хайлар.

Одновременно с операциями в Маньчжурии развернулось сражение у Приморской границы. Сводная группа Альберта Лапина разгромила гарнизон города Мишаньфу. Были захвачены штабы 1–й Мукденской кавалерийской дивизии и 1–й стрелковой бригады. Противник потерял убитыми около 1500 человек.

В Мишаньфуской операции отличились части 1–й Тихоокеанской дивизии под командованием героя гражданской войны А. И. Черепанова и 9–й отдельной кавалерийской бригады Д. А. Вайнерха.

Вести о разгроме приграничных армий потрясли правящие круги Китая. Их дипломаты срочно обратились с просьбой к Советскому правительству о прекращении конфликта на КВЖД.

22 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано советско–китайское соглашение, восстановившее нормальное положение на железной дороге и границе.

4

Изучая документы проведенных операций, командарм Блюхер часто возвращался к тому времени, когда он был цзян–цзюнем Галиным. Было отрадно сознавать, что удалось разгромить тех самых генералов, которые примкнули к подлейшему из подлых предателей Чан Кай–ши. Обидно, что его самого не оказалось в приграничной полосе. Не ушел бы, не вырвался.

Командарму было приятно, что при встрече пленные китайские солдаты узнавали его и, кланяясь, говорили:

— Цзян–цзюнь Галин! Здоров, Галин, здоров.

Показывали советские листовки. Хлопали по животам:

— Чи–фань, чи–фань, шибко хорошо.

Солдат с алой звездочкой на шапке торопливо заговорил на русско–китайском языке:

— Цзян–цзюнь Галин ошень ша! Ша! Ляна. Генерал Ху паола, паола[84] Пекин. Наша пушка стреляй так: пук — немножко отдыхав, пук — опять отдыхав. Галин пушка стреляй так: бум, бум, бум. Та–та–та. — И зажал уши, замотал головой. Потом осмотрел товарищей, громко сказал: — Мой Совет надо. Совет — хорош.

— Наш Совет! Совет Китай. Совет Россия, — закричали солдаты.

Они радовались, что остались живы, что их свели в баню, выдали новое белье, сытно накормили. Они убедились в том, что генералы обманывали, запугивали их. Они почувствовали себя людьми. И это замечательная победа!

Победа и опыт! Они всегда рядом. Только тот, кто учитывает опыт, побеждает. И командарм внимательно изучает действия каждой дивизии. Отмечает успехи и учитывает недостатки. Проводит расчеты. Делает выводы по каждой операции. И созывает командиров и политработников. Совещание превращается в большой учебный зал. На стенах крупные схемы: «Сунгарийская операция», «Мишаньфуская операция», «Чжалайнор–Маньчжурская операция». Командарм строг и справедлив в оперативно–тактических оценках. Он считает весьма поучительной Сунгарийскую операцию — было достигнуто четкое взаимодействие флота, пехоты и авиации. Сражение продолжалось всего семь часов! По мнению командарма, успех в

Чжалайнор–Маньчжурской операции был достигнут благодаря умелому маневрированию на поле боя кавалерии и пехоты. Глубокий обход укрепленных позиций позволил взять в кольцо и пленить крупные войсковые соединения противника.

Командарм приглашает к схемам начдивов — пусть они дополнят разбор, пусть скажут и о промахах и ошибках, чтобы не повторять их в грядущих боях.

Подытоживая совещание, Блюхер напоминает:

— Товарищи! Родина дала высшую оценку нашей боевой работы — Особая Дальневосточная армия награждена орденом Красного Знамени. Мы представили к правительственной награде более пятисот героев недавних боев. Нарком обороны передал мне: «Ваше ходатайство поддерживаем, заслужили!» Я только и мог сказать: «Служим Советскому Союзу». Нашей великой Родине служим, товарищи. Так не пожалеем сил, приумножая боевое могущество Страны Советов. Будем всегда помнить: мы краснознаменцы, мы на границе, мы на линии огня. Лозунг «Даешь отпор!» не снимайте с повестки дня. Отпор, беспощадный, сокрушающий, на каждое нарушение наших рубежей, на каждую вражескую вылазку. Да здравствует отпор!

Добрые вести крылаты. Советский народ горячо отблагодарил своих отважных сынов. В адрес ОКДВА пошли телеграммы, письма, подарки. Поехали делегации из всех республик. Из братских компартий.

Революционный Военный совет обратился со специальным ходатайством в Президиум ЦИК СССР: «Боевые успехи Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма были достигнуты под выдающимся и искусным руководством командующего этой армией товарища Блюхера Василия Константиновича. Революционный Военный совет СССР ходатайствует о награждении Блюхера орденом Красной Звезды»[85].

ЦИК СССР наградил В. К. Блюхера первым, только что учрежденным орденом Красной Звезды.

Орденом Красного Знамени были награждены член Военного совета ОКДВА Николай Ефимович Доненко и начальник штаба Альберт Янович Лапин.

Почетным революционным оружием были отмечены боевые заслуги командующего Забайкальской группой войск Степана Сергеевича Вострецова.

Коммунисты ОКДВА послали своего командарма на XVI съезд партии.

Военная делегация поручила Блюхеру приветствовать съезд

от имени Рабоче–Крестьянской Красной Армии.

Василий Константинович волновался. Что сказать и как сказать? Собрались лучшие люди страны. Члены правительства. Старая ленинская гвардия будет слушать его. Какая честь и какая ответственность!

26 июня 1930 года председательствующий Михаил Иванович Калинин предоставил слово товарищу Блюхеру.

Вместе с Блюхером на сцену Большого театра поднялись его соратники с развернутым Знаменем ОКДВА. Все герои недавних боев — все краснознаменцы.

Делегаты встали. Поднялись члены Политбюро. Несколько минут грохотали аплодисменты. Ошеломленный, Василий Константинович стоял и, сдерживая волнение, покусывал губы.

И когда Калинин призвал к тишине, делегаты не сели. Они стоя слушали своего любимого героя.

Клятвой, простой и мужественной, прозвучала речь Блюхера.

Съезд аплодировал, когда Блюхер сказал:

— Особая Дальневосточная армия, один из отрядов Рабоче–Крестьянской Красной Армии, была вынуждена выдержать несколько небольших боевых столкновений с тем, чтобы показать: на страну строящегося социализма мировая буржуазия безнаказанно нападать не может.

Съезд аплодировал, услышав:

— Мы не могли во время этих боев отделить стариков от молодежи, не видевшей пороха в гражданской войне. Все одинаково готовы были жертвовать жизнью за пролетарскую диктатуру, все оспаривали друг у друга эту честь, когда отправлялись в бой.

Бурными, продолжительными аплодисментами ответили делегаты на знаменательные слова командарма:

— Мы имели бесконечное количество примеров и случаев, когда беспартийные красноармейцы, крестьяне и рабочие, перед боем подходили к политруку и говорили: «Товарищ политрук (или товарищ командир), отправляясь в бой, я буду честно защищать завоевания Октябрьской революции, и если меня убьют, то я, не будучи партийцем, прошу меня считать как партийца, умирающего за дело рабочего класса».

Делегаты одобрили вывод Блюхера:

— Особая Дальневосточная армия не является по своим техническим качествам лучшей частью нашей Рабоче–Крестьянской Красной Армии. И тот пример Особой Дальневосточной армии, свидетелями которого мы были, говорит о том, что, если бы нам навязали войну на других фронтах, мы противнику сумели бы показать, что мы умеем защищать

диктатуру рабочего класса и пролетарскую революцию с не меньшей настойчивостью, чем это сделала Особая Дальневосточная армия.

Гордо и радостно прозвучали слова Блюхера о победном пути Советской Отчизны:

— Во всей нашей стране, в союзе рабочего класса и крестьянства, в нашей индустрии, в нашем перестраивающемся сельском хозяйстве заложены гарантии успеха правильной генеральной линии нашей партии, осуществление того, что завещал нам Владимир Ильич Ленин и что успешно выполняется Центральным Комитетом. Это дает нам полную уверенность в том, что мы сумеем добиться социализма в нашей стране.

И снова аплодисменты прокатились по залу, когда Блюхер от имени всей армии заявил:

— Позвольте заверить вас, что, если в будущем повторится новая попытка помешать нашему социалистическому строительству, попытка напасть на наши границы, Красная Армия сможет с еще большей решительностью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью умереть за дело пролетариата, защищать наши границы[86].

Делегаты съезда видели, как командарм взял у знаменосца Знамя и вручил его председательствующему. Президент великой Страны Советов Михаил Иванович Калинин бережно принял легендарный стяг героев–дальневосточников и поцеловал алый бархат.

Большим, светлым, незабвенным праздником вошел этот день в сердце Василия Константиновича Блюхера.

X. НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

1

Блюхер остался на Дальнем Востоке. Василий Константинович полюбил этот необъятный и суровый, богатый и прекрасный край. Служить на Дальнем Востоке было куда труднее, чем в любом другом военном округе. Территория, на которой свободно разместилась бы вся Европа, только что осваивалась, обживалась, отстраивалась. В приграничной полосе не было казарм, не было жилья для командного состава. Гарнизоны плохо снабжались продуктами. Некоторые командиры не выдерживали тяжелых бытовых условий и всеми силами и средствами стремились перевестись в другие округа. Старшины и отделенные не оставались на сверхсрочную службу. Часто менялся высший комсостав—-комдивы, комкоры, помощники командующего. Командарм Василий Константинович Блюхер бессменно в течение восьми лет стоял на страже дальневосточных рубежей своей любимой Родины.

Под руководством командарма Блюхера армия не только училась воевать, но и строила казармы и жилые городки, полигоны и танкодромы, ангары и аэродромы, дзоты и доты. Армия прокладывала сквозь вековую тайгу, реки и горы железные дороги стратегического значения. Армия зорко стерегла границы родной земли, беспощадно пресекала вылазки вражеских банд. И по людям пошла крылатая поговорка: «Оправдывает звание ока–два. Глядит за границей в оба!» Армия завоевала уважение и любовь народа. Об этом говорили делегаты Хабаровского Совета на торжественном заседании, посвященном второй годовщине Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, 6 августа 1931 года.

Все присутствующие встали, когда Нарком обороны К. Е. Ворошилов, отметив боевые заслуги Василия Константиновича Блюхера перед Родиной, вручил ему ордена Ленина и Красной Звезды. Делегаты и многочисленные гости тепло приветствовали командарма.

Смущенный и растроганный, Василий Константинович не сразу поборол волнение. Не слишком ли много сказано добрых слов по его адресу? Не в личных качествах дело. Пожалуй, надо об этом сказать так:

— Товарищи! Особая Дальневосточная армия одержала свои победы благодаря тому, что она сильна поддержкой рабочего

класса, сильна союзом рабочего класса с крестьянством, сильна мудрым руководством партии.

Я был лишь одной из частиц этой славной армии, кующей победу рабочего класса.

Снова бьют в ладоши. Тысячи глаз, восторженных, приветливых, восхищенных. Как трудно говорить о себе:

— Дорогие товарищи и друзья! Я не смущался в боях и не терялся в самой трудной обстановке. Сегодня я растерян. И поэтому я могу ответить на полученную награду тем, чем может ответить боец, пролетарий, член партии. Я по мере сил и умения буду честно служить партии, пролетариату, мировой революции. Заверяю партию и правительство, что буду и впредь честным бойцом партии и рабочего класса. И если от меня партия и рабочий класс потребуют жизнь за дело социалистического строительства, я отдам свою жизнь без колебаний, без минутного страха.

Хочу закончить свой ответ словами торжественного обещания: «Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту СССР от всяких опасностей и покушений со стороны всех врагов и в борьбе за Союз Советских республик, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

Но этого не понадобится, ибо я в любой момент готов отдать жизнь за дело мировой революции[87].

А люди уже идут к президиуму. Поздравляют. Желают успехов. Приглашают на заводы, в колхозы, на новостройки. Иногда приходится отказывать. Кто поймет, а кто и обидится. Скажет, загордился командарм, слава кружит голову.

Весной 1932 года в кабинет командарма ввалились комсомольцы. Зеленые юнгштурмовки и ремни с портупеями делали их похожими на красноармейцев. Блюхер поднялся, поздоровался, спросил улыбаясь:

— Чем могу служить?

— Комсомольская организация приняла решение пригласить вас на закладку молодежного города на Амуре.

— Вот как! Решение приняли, значит, в порядке комсомольской дисциплины надо ехать. А у меня летняя учеба на носу. Вот на этом самом.

Ребята рассмеялись. Им что. За выезд в лагеря не отвечают. Что же делать? Отказать не мог. Язык не поворачивался. Дело-то какое большое, светлое — новый город в вековой тайге.

— Мы без вас не поедем, Василий Константинович!

— Первый камень — ваш. Иначе город стоять не будет.

— Что с вами поделаешь. Положим камень, и не один. Будут стоять наши города. Раздвинем тайгу. Поехали, ребята.

И пошел по Амуру военный корабль. С песнями пошел. И командарм пел вместе с молодыми. И особенно ему нравилась такая близкая, выстраданная:

По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед.

И ребята просили рассказать про штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни. И командарм рассказывал. И пели про Каховку. И снова рассказывал.

Высадились на глухом, таежном берегу. Комары летали тучами. Лезли в глаза, уши, рот. Как укусят — волдырь. Поставили палатки. Днем — терпимо, вечером — холодно. Вырыли первые землянки. Кто-то поставил щит: «Копай город».

Копай город! Сражайся с вековой тайгой. 12 июня командарм Блюхер вместе с лучшими рабочими А. Смо–родовым и И. Дурневым положили первые кирпичи в городе, названном Комсомольск–иа–Амуре.

— Гфрод-то город, а жить некому, — покачал головой Смородов. — Плохо у нас с жителями на Дальнем Востоке. Уж больно он дальний.

— Да, людей у нас мало. Это самый большой недостаток нашего края. Надо обратиться с призывом ко всем комсомольцам, ко всей молодежи Советского Союза: приезжайте строить Комсомольск, ставить фабрики и заводы. Дальнему Востоку нужны рабочие руки.

И призыв был брошен. Добровольцы поехали покорять тайгу.

Блюхер радовался эшелонам, везущим бетонщиков и каменщиков, судостроителей и металлургов, чернорабочих и ученых.

На берегу Уссури заложили город Лесозавод. В нем вырос крупнейший в крае лесокомбинат. Диверсанты сожгли его. Строители поставили новый лесокомбинат.

На большой карте Дальнего Востока командарм ставил алые флажки: отмечал новые поселки, станции, города. Только на одной золотой Колыме выросли: Магадан, Ягодный.

Фронт строительных работ расширялся. К командарму приходили с просьбами:

— Засыпаемся, Василий Константинович. В сроки не уложимся, если не поможете. Придумайте что-нибудь. Помогите.

А что придумаешь? Снять полк с занятий и послать на прорыв? А осенью приедут из Москвы строгие поверяющие и поставят воинам–труженикам неудовлетворительные оценки. Это не помощь, а обман государства.

Надо вербовать строителей из числа демобилизующихся красноармейцев. И командарм часто напоминает об этом политработникам. И сам, выезжая в части, беседует по душам с бойцами, уходящими в запас. Слушают внимательно и вроде согласны, а когда спросишь: «Кто останется здесь, на Дальнем Востоке?» — молчат, переглядываются. Иногда признаются честно:

— Останешься, а как жить? Дело молодое, а невесты нет. А на родине ждут. Письма пишут.

И они правы. Невест нет, а значит, и жен не будет. И семьи не будет.

Да, Дальнему Востоку нужны женщины. Их надо приглашать сюда, звать. И командарм Блюхер посоветовал жене командира полка Валентине Хетагуровой:

— Сделайте доброе дело, обратитесь с призывом к девушкам густо населенных центральных районов: пусть приезжают на Дальний Восток. Не спешите. Подумайте над каждым словом.

Через несколько дней Валентина Хетагурова показала свое письмо командарму. Василий Константинович прочел, одобрил:

— Все правильно. И от сердца. Пошлем в печать.

Письмо Валентины Хетагуровой стало известно всей стране:

> «Дорогие подруги! Вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам… Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки. Все в равной степени. Нам нужны просто люди смелые, решительные, самоотверженные. И вот мне хочется, чтобы вслед за нами, подругами дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сестры, комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле. Бросим клич—на Восток! Вас ждут там замечательная работа, замечательные люди, замечательное будущее».

Девушки откликнулись на письмо Валентины Хетагуровой и поехали на Дальний Восток…

2

Выступая 8 февраля 1934 года на XVII съезде партии, командарм Блюхер, используя неопровержимые факты, показал, как японские империалисты, захватившие Маньчжурию, готовятся к нападению на Советский Союз.

— Все, что мы делаем на Дальнем Востоке, — говорил Блюхер, — подчинено только обороне наших дальневосточных границ, в то время как мероприятия японского командования преследуют цели нападения. Мы делаем все для обороны, они — все для нападения. В этом коренное различие.

И когда я сегодня вам докладываю от имени армии, что мы Советского Дальнего Востока не отдадим, то в этом моя уверенность покоится не только на мощи Красной Армии, не только на ее техническом оснащении, не только на личном составе, преданном делу Революции и нашей партии, но и на огромном изменении хозяйственного лица самого края.

В первую пятилетку мы вложили в Дальневосточный край больше средств, чем вложило за все время своего существования царское правительство; вторая пятилетка для Дальневосточного края является громадной программой социалистической индустриализации этой окраины.

Командарм заверил делегатов съезда:

— Весь личный состав Дальневосточной армии понимает ту огромную долю ответственности, которая падает на него в сложившейся на Дальнем Востоке обстановке.

Понимая это, мы начали текущий учебный год с твердым решением добросовестно и честно в кратчайшие сроки овладеть военным делом, овладеть огромной техникой, которую дали нам партия и страна.

Партийные и комсомольские кадры нашей Дальневосточной армии упорно борются сами и ведут за собой массы бойцов за лучшие показатели в боевой подготовке.

Вся армия поставила перед собой задачу быть всегда готовой, быть начеку[88].

«Всегда быть начеку! Держать армию в постоянной боевой готовности!» — об этом строго напоминал командирам, политработникам и бойцам Блюхер и осуществлению этой задачи отдавал все силы и знания. Всего себя.

Каждый учебный год начинался лозунгом: «Сделать ОКДВА передовым округом в РККА!»

Это была трудная задача. Армия должна была не только изучать военное дело, но и строить казармы, гаражи, ангары, доты и дзоты. Приходилось часто посылать команды на

сельскохозяйственные работы. Василий Константинович никак не мог примириться с глубоким отставанием колхозов и совхозов Дальнего Востока. «Земли много, земля плодородная, а сами себя снабдить хлебом и кормами не можем. Все тащим из центральных районов России, забиваем железную дорогу невыгодными, излишними перевозками». И командарм внимательно следил за развитием колхозного производства, радовался успехам, помогал советом. Успехи артели «Труд красноармейца», созданной бывшими бойцами–дальневосточниками, командарм пропагандировал специальным письмом–обращением ко всем колхозникам Восточной Сибири: «Ваши победы на фронте сева будут новой глыбой цемента, закрепляющей величайшие победы первой пятилетки, фундамента бесклассового социалистического общества и его обороны.

Реввоенсовет решил вручить ваше знамя лучшей части армии и дать знамя ОКДВА, знамя учебно–боевых побед особому лучшему передовому колхозу края, по–большевистски выполнившему и перевыполнившему планы весеннего сева»[89].

Командарм Блюхер, несмотря на свою чрезвычайную занятость, участвовал в первом краевом слете колхозников–ударников в июле 1934 года. Обращаясь к делегатам, командарм сказал о главном, что его давно уже волновало:

— Мы должны превратить наш Дальневосточный край в производящий. В край, который имеет собственное сено, овощи, картофель, зерно и мясо. Земля богатейшая. Земля наша может родить все необходимые сельскохозяйственные продукты. А пока мы везем их из других областей за тысячи километров. Правильно ли я говорю, товарищи?

— Верно, товарищ командарм.

— Земли хватает. Знай трудись, — ответили делегаты.

— Так давайте, товарищи, больше соберем хлеба, овощей, картофеля, сена, чтобы в будущем году не завозить в край ни одной тонны и освободить нашу Уссурийскую дорогу для перевозки оборудования, материалов для наших новостроек и заводов и промтоваров для рабочих и колхозников. Беретесь за это, товарищи?

И командарм услышал в ответ:

— Беремся! — И аплодисменты, дружные и громкие.

В полный голос, твердо и решительно командарм заявил:

— Если враг нападет на нашу страну, Красная Армия готова к бою. Но будьте и вы готовы к защите своего социалистического Отечества так же, как Красная Армия. Это значит — ни одного потерянного зерна на уборке, здоровые, крепкие кони, больше хлеба, овощей, картофеля, сена[90].

Побеседовав с колхозниками, Василий Константинович идет к красноармейцам. Он любит их и всех считает земляками.

— Ну как живете, земляки? Как вас кормят, поят, одевают? Всем ли довольны? Какие у вас претензии ко мне?

— Живем хорошо! Всем довольны. Сыты, одеты.

— Значит, ко мне претензий нет. Хорошо. А теперь я посмотрю, как вы учитесь, готовы ли защищать родную землю. И тогда скажу, есть ли у меня к вам претензии.

И командарм не спеша обходит учебные классы, спортивный городок, плотно утоптанный тяжелыми солдатскими сапогами плац, где проводятся строевые занятия. И обязательно побывает на стрельбище. Сам проверит расстояние до мишеней и заставит заменить их, если не соответствуют размерам или покрашены не в зеленый, а в какой-то другой, явно не защитный цвет. И обязательно поблагодарит, наградит лучших стрелков. И, конечно, не забудет зайти в столовую. Отведает щей и каши и оставит отзыв в книге пробы пищи.

Вечером командарм собирает младших командиров и беседует с ними о том, как быстрее и лучше изжить недостатки.

У командарма хорошая память на передовых людей. Лучших ударников боевой подготовки он вызывает в Хабаровск на армейское совещание. Они рассказывают, как добились успехов. Их слушают члены Военного совета, начальники служб, работники политуправления. И непременно корреспонденты армейской газеты «Тревога». Опыт лучших должен быть достоянием всего личного состава Особой Краснознаменной.

Командарм награждает участников месячным окладом содержания. Фамилии занесенных в Колонну почета сообщаются Народному комиссару обороны.

И это становится доброй традицией.

В армии проводятся соревнования — на лучший полк, дивизию, корпус, группу войск. Итоги социалистического соревнования подводятся на тактических занятиях и инспекторской проверке.

22 сентября 1935 года в Красной Армии было введено высшее воинское звание — Маршал Советского Союза, и одним из первых в стране 20 ноября 1935 года это звание получил В. К. Блюхер. Вместе с ним удостоились этого звания К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, М. Н. Тухачевский, А. Н. Егоров.

Командарм Блюхер планирует маневры в разное время года, в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке.

Крупными общевойсковыми маневрами в марте 1936 года командарм руководил лично. Они проводились в Приморье, в трудно проходимой горно–лесистой местности.

Накануне учений Блюхер выехал в штаб командующего Приморской группой войск И. Ф. Федько. Поздоровался, неожиданно спросил:

— А что ж без орденов?

Иван Федорович посмотрел на грудь командарма: шесть орденов лежат плотно, как впаяны, —смутился:

— Да ведь не на парад собираюсь, на учения.

— А это больше, торжественнее, чем парад. Будешь все время с бойцами. Пусть видят, какой у них командующий. А теперь давай побеседуем о главном. Обмороженные будут?

— Морозы сильные. Бездорожье. Глубокий снег. На сотни верст нет жилья, — загибая пальцы, перечислил Федько и решительно подытожил: — Обмороженных не будет, товарищ командарм.

— Гарантируешь?

— Всех обеспечили теплым бельем, валенками, полушубками. Дадим горячую пищу. И духовную пищу дадим— весь политаппарат на ногах.

— Это хорошо! А чрезвычайные происшествия будут?

Федько подумал, сказал не очень уверенно:

— Установка командарма — действовать, как в бою.

— Только так.

— Несчастные случаи могут быть, но мы постараемся их не иметь.

— Чрезвычайных происшествий в армии много. Они портят все наши показатели. А теперь займемся планами учений.

…Бойцы и командиры выдержали труднейший экзамен. Все части действовали слаженно и умело. Тактические задачи выполнили успешно.

Командарм Блюхер поблагодарил командующего Приморской группой войск Ивана Федоровича Федько за успехи в боевой и политической подготовке частей и подразделений.

В приказе командарма, подытоживающем маневры, отмечалось: «Зимние тактические учения войск Приморской группы, проведенные в горно–лесистой местности, войдут в историю боевой учебы ОКДВА как одно из крупных и поучительных достижений. Ни бездорожье, ни крутые сопки, ни лесная чаща, ни глубокий снег не смогли сдержать боевого порыва войск. Последний день учений был особенно трудным. Дикая метель, холодный резкий ветер, обильный снегопад намного увеличили и без того большие трудности. Но и в этих условиях, при ночевках вне населенных пунктов, в лесу и сопках все бойцы и командиры показали высокую способность вести бой в столь сложной обстановке, проявили исключительную

выдержку, твердость характера, силу воли, героизм и отвагу»[91].

Командарм Блюхер объявил всем бойцам, командирам и политработникам, участвовавшим в маневрах, благодарность и приказал внимательно и всесторонне изучить опыт Приморской группы в других соединениях ОКДВА.

В дни, когда проходили тактические учения, японский вооруженный отряд перешел границу в Приморье и открыл стрельбу по советским пограничникам. После недолгой, но жаркой схватки налетчики бежали за границу, оставив двух убитых. Через несколько часов японцы снова ринулись в наступление и, прикрываясь сильным пулеметным огнем, заняли высоту Безымянную.

Подоспевшими подкреплениями захватчики были сброшены с высоты.

Служба на границе стала тревожной и опасной.

В конце ноября 1936 года батальон японо–маньчжурских войск вторгся на советскую землю у озера Ханко. И снова бандиты были разгромлены. Пал смертью храбрых пулеметчик Семен Лагода. На боевом посту его заменил брат Иван. Из Ульяновской области приехали в ОКДВА братья Михеевы. Сложился танковый экипаж, в который вошли Владимир, Иван, Федор и Павел Михеевы. По приглашению командарма Блюхера на Дальний Восток переселился глава дружной, замечательной, беспредельно преданной Родине семьи Дмитрий Федорович Михеев.

С глубоким волнением читал маршал Блюхер письмо отца девяти сыновей — патриотов:

> «Дорогой Василий Константинович! Я сдержал свое твердое колхозное слово и приехал со всем семейством к Вам на Дальний Восток, чтобы строить наше социалистическое хозяйство и укреплять оборону советской земли. Обещаю Вам, Василий Константинович, что отдам на благо народа все свои силы, свой труд, энергию, а если понадобится — то и жизнь».

Красным карандашом маршал подчеркнул слова: «приехал со всем семейством». Это очень хорошо, когда прибывают всем семейством. Значит не на сезон, а на всю жизнь. Об этом надо и говорить и писать в газетах. Пусть едут новоселы семьями на Дальний Восток. Конечно, дело это не простое. Разные люди, разные характеры. Могут быть и разлады. И невольно Василий Константинович вспомнил свою жену Галину Павловну. После длительной, крайне тяжелой китайской разлуки и ссор, связанных с переездом на Дальний Восток, его первая семья распалась. У Галины Павловны осталась дочь Зоя, а к нему

перешел сын Всеволод. Однако и Зоя постоянно приезжала на каникулы к отцу, и он любил ее и заботился о ней так же, как и о других детях. И всегда требовал, чтобы она писала ему о том, как занимается в школе, выполняет поручения в пионерском отряде, помогает дома матери. В Хабаровске Василий Константинович женился на Глафире Лукиничне Безверховой. Родилась дочка Вайра. Василий Константинович радовался, что в семье все учатся: жена в медицинском институте, сын Всеволод и приемная дочь Катя в школе и сам он повышает теоретические знания, читает военную литературу, обстоятельно изучает историю войн на Дальнем Востоке, боевой опыт японской армии…

Во второй половине июля 1938 года произошел конфликт на границе у высот Заозерной и Безымянной у озера Хасан. Японская армия, захватившая Маньчжурию, готовилась к нападению на Советский Союз. С высот у Хасана просматривалось побережье от Посьета до Владивостока. С Заозерной и Безымянной можно было обстреливать обширную равнину, прилегающую к побережью.

Рано утром 29 июля два японских отряда внезапно напали на отделение советских пограничников и захватили высоту Безымянную. Подоспела рота старшего лейтенанта Дорофея Тимофеевича Левченко. После ожесточенной схватки захватчики были выбиты с советской земли.

Через день японцы, открыв артиллерийский огонь, после ожесточенного боя крупными силами захватили Заозерную и Безымянную.

31 июля маршал Блюхер приказал: «Немедленно всю 40–ю стрелковую дивизию сосредоточить в районе Сандоканцза, Заречье, с основной задачей — восстановить положение в районе высоты Заозерной, в пределах нашей границы и оперативного обеспечения коммуникаций и сообщения между Новокиевском и Сандоканцза со стороны Малой Савеловки»[92].

Этим же приказом к озеру Хасан были двинуты части 32–й стрелковой дивизии и 2–й мехбригады.

Начальника штаба фронта Г. М. Штерна и бригадного комиссара Ф. А. Семеновского с группой командиров маршал Блюхер немедленно направил на самолете в район конфликта.

Обстановку чрезвычайно осложнили непрерывные ливневые дожди. Вода залила дороги. Продукты и боеприпасы приходилось подвозить на лодках.

Разбросанные по дальним гарнизонам, части сосредоточивались с большим опозданием. Охваченный глубокой тревогой, 2 августа В. К. Блюхер вылетел в район боевых действий.

Изучив обстановку, маршал понял, что для освобождения

занятой противником территории необходимо сосредоточить крупные войсковые силы. Атаковать придется в лоб. Высоты и озера исключают возможность маневрирования. 3 августа Блюхер принял решение создать ударный стрелковый корпус, в который кроме 32–й и 40–й стрелковых дивизий ввести 2–ю мехбригаду, 59–й погранотряд и подразделение специальных войск и авиации.

Нужно было сосредоточить руководство боевыми операциями в одних руках, и маршал приказал: «Командование ударным корпусом возлагаю на начальника штаба Краснознаменного Дальневосточного фронта комкора Штерна и комиссара штаба фронта бригадного комиссара Семеновского»[93].

Для быстрейшей переброски войск и боеприпасов в район боев маршал Блюхер привлек корабли Тихоокеанского военного и торгового флота. В район наводнения вышли лодки местных рыбаков.

Накануне наступления маршал связался с командиром авиационной группы комбригом П. В. Рычаговым и предупредил:

— От действий авиации всецело зависит успех пехоты. Надо смести с земли вражеские укрепления.

5 августа Блюхер проверил готовность частей и соединений к штурму высот и приказал Штерну 6 августа перейти в наступление.

Накануне боя во всех подразделениях были проведены партийные собрания и митинги. Красноармейцы подавали заявления, в которых была единая мысль: «Прошу принять в Коммунистическую партию. Хочу сражаться за Родину коммунистом».

На рассвете 6 августа атакующие вышли на исходные позиции. Первый удар должна была нанести авиация, но погода выдалась плохая, густой туман долго висел над озерами. И вот наконец в 16 часов Блюхер получил долгожданную весть от комбрига Рычагова — приступаем к выполнению задания.

Маршал с волнением следил, как волнами шли на высоты и сбрасывали бомбы самолеты. В воздухе 216 тяжелых боевых машин. Огромное нетающее облако дыма и пыли навалилось на Заозерную и Безымянную.

Более часа по траншеям врага била артиллерия.

«Теперь решающее слово за пехотой, — напряженно наблюдая за полем боя, думал маршал. — Проход на высоту узкий. Сумеют ли танки Панфилова пробить дорогу к победе?»

В 17 часов командир 2–й механизированной бригады А. П. Панфилов преодолел полосу вражеского огня и зацепился за высоту Заозерную. За танками шли красноармейцы 118–го стрелкового полка. Впереди атакующих, взметнув над головой

полковое Знамя, бежал секретарь партбюро Иван Николаевич Машляк. Раненный в голову и плечо, герой не покинул поле боя. Бойцы ворвались на высоту Заозерную.

— Над Заозерной — Красный флаг Советского Союза, — доложил Штерн маршалу Блюхеру.

— Закрепляйтесь на высоте. Подбрасывайте резервы. Заозерную удержать любой ценой.

Японское командование бросило в контратаку свежие силы. Комиссар 40–й дивизии Иванченко и начальник политотдела Полушкин, собрав резервы, повели бойцов в атаку. Штыками и гранатами красноармейцы снова сбросили врагов с высоты.

Четыре дня, не умолкая, длился бой у озера Хасан и закончился разгромом отборных японских частей.

10 августа посол Японии в Москве Сигемицу явился в Наркоминдел СССР и от имени своего правительства предложил начать мирные переговоры.

11 августа в полдень боевые действия у озера Хасан были прекращены.

Советская Родина отметила массовый героизм своих сыновей. На Знамени 40–й стрелковой дивизии появился орден Ленина. 32–я стрелковая и Посьетский погранотряд были награждены орденом Красного Знамени. За храбрость и воинское мастерство 26 бойцов и командиров удостоились звания Героя Советского Союза. Орденами и медалями было награждено 6523 участника битвы.

Вскоре Блюхера вызвали в Москву.

3

В ночь перед отъездом Блюхер не мог уснуть. Думал, зачем вызывают. Ведь недавно был в Москве. Отчитаться за Хасанскую операцию? Посылались подробнейшие донесения. Мехлис был, все видел, все слышал.

На рассвете тихонько вышел из дому. Может, в парке, на свежем воздухе, пройдет головная боль. Хорошо, что все еще спят. Никто не мешает думать о недавнем прошлом и о завтрашнем дне. И о том, что нужно взять в Москву. И о неотложных, важных делах. Сколько их было и сколько их будет… Вот недавно в кабинет заходил замечательный геолог–разведчик Василий Захарович Скороход и доказывал, что на территории Хабаровского края есть месторождения нефти. Подумать только, своя нефть! Неужели нефть так близко — у реки Тыллар? Скороход вытащил бутылочку, наполненную темной

загустевающей жидкостью, сказал торжествующе:

— Вот она, нефть Тыллара. Есть нефть на Алдае. И на Лене. Дальний Восток — кладовая бесценных даров природы. Только надо их отыскать и взять… Нужна хорошо оснащенная экспедиция.

Ну как не помочь такому человеку! Выделил военных топографов, обмундирование, снаряжение, оружие, продовольствие. Только ищите! Потом подключил авиацию для переброски разведывательных партий в район Маи. Ищут. И найдут.

Тяжело. Очень тяжело на сердце. Кругом аресты. Многие боевые друзья уже в тюрьмах. Их теперь называют не иначе как «враги народа». Блюхер чувствовал себя виноватым и никак не мог приостановить репрессии. И ноет спина. Это дают о себе знать вестники тяжелых потрясений — старые раны. Сейчас бы оформить отпуск, взять семью, ребятишек и закатиться в Барщинку. Только там никого не осталось. Мама умерла здесь, в Хабаровске. На кладбище в селе Георгиевском покоится отец. Осиротел Василий Константинович. Маму очень жалко. Сколько раз приезжал к ней чуть живой. И она спасала, ставила на ноги.

С трудом встал, побрел домой. Встретила взволнованная, плачущая жена:

— Ну куда ты пропал: я всего надумалась.

— А ты о плохом не думай. Все будет хорошо, Рафушка. Я сразу тебе сообщу. Пришлю телеграмму. Помогай Всеволоду учиться. Пошли деньги Зое, пусть купит зимнее пальто. Береги Василина. Красавец мужчина растет. Весь в тебя.

— Всего полгода. Еще не поймешь, на кого похож. Глаза-то твои: синие–синие. Значит, едешь сегодня?

— Да, ты не провожай. И без того грустно.

— Только ты сразу телеграфируй. Я буду очень ждать.

— Ладно, ладно. Не расстраивайся зря.

В дороге Блюхер почти не спал. Сидел у окна и смотрел, смотрел на знакомые поселки, станции, города. Прощался с родным Дальним Востоком. На остановках почти не выходил из вагона. И все-таки не вытерпел, вылез за Байкалом подышать хвоей и сразу же попал в окружение. Толпа! Никого не знаешь, а всем знаком.

— Василий Константинович! Как там на границе?

— Куда едете, товарищ маршал? Надолго ли?

А один бородач с орденом Красного Знамени на пиджаке подошел вплотную и сокрушенно покачал головой:

— Худо выглядишь, Василий Константинович. Как будто выжали тебя. Какой-то серый весь. Береги себя, обязательно

береги…

В Москве Блюхер выступил с обстоятельным и содержательным докладом на Главном военном совете об итогах боевых действий войск Дальневосточного фронта на Хасане. Критика была односторонней, грубой.

Нарком обороны Ворошилов сообщил Блюхеру, что он отозван в распоряжение Реввоенсовета и, пока не подобрали достойной маршальского звания должности, можно отдохнуть и подлечиться в Сочи.

Василий Константинович послал жене телеграмму: «Хабаровск больше не вернусь. Срочно собирайтесь всей семьей в Москву. Готовность к выезду телеграфьте. Со здоровьем очень плохо. Привет Павлу. Вась».

После долгого раздумья решил вызвать и брата Павла, который служил в одной из летных частей Дальневосточного фронта. Василий Константинович любил своего единственного брата. Перед смертью мать просила:

— Васенька, ты человек крупный. Присмотри за Павликом и в обиду его не давай.

А Павел к этому времени уже окончил авиационное училище и стал одним из лучших командиров воздушных сил Краснознаменной Дальневосточной.

Старший брат постоянно помогал младшему и сейчас очень хотелось побыть и отдохнуть вместе. Василий Константинович тревожился за свою новую семью. С ней прожил уже шесть лет. И сейчас ждал жену, Всеволода, Вайру, Василина и дочь умершей сестры Александры — Нину.

Наконец приехала жена, и можно было уехать в Сочи.

Перед отъездом Василий Константинович достал две пачки денег, сбереженных за несколько лет, посоветовал:

— Рафушка, сходи положи на сберегательную книжку. На свое имя.

— А зачем?

— На всякий случай. Только ты, пожалуйста, не хмурься, не расстраивайся. Последний мой доклад резко критиковали. Сталин прежде за меня заступался, а на этот раз промолчал. Запомни одно и скажи детям, если понадобится: я был всегда честным человеком. Всегда и везде был большевиком ленинской школы. Понимаешь, ленинской! И что бы со мной ни случилось, меня оправдает история.

Вместе с Василием Константиновичем в Сочи выехал брат Павел с семьей.

Отдыхали месяц. А 22 октября Василия Константиновича арестовали. Утром он пришел на кухню к жене. Она только что

покормила Василина. Малыш был доволен, смеялся, показывая четыре крупных зуба. Василий Константинович подошел к сыну, двумя пальцами пощекотал ему упругий живот, сказал улыбаясь:

— Сыт и доволен. Да он в штаны влез. Первые штаны. Синеглазый мой, красивый мужчина.

— Ты плохо выглядишь, Вася, — сказала Глафира Лукинична. — Приляг, отдохни немножко.

— Вот полюбуюсь на вас и полежу.

И только прилег, пришли четверо в черных гражданских костюмах и арестовали.

Арестовали и жену. И брата Павла с семьей.

Командующий ОКДВА В. К. Блюхер с братом Павлом

В Москве отвезли в Лефортовскую тюрьму. Следствие вел сам

Берия. Допрашивали поочередно два следователя. На первом допросе Блюхеру объявили, что он японский шпион с 1921 года (со времени Дайренской конференции), что его вредительство на Дальнем Востоке подтверждено его «бывшими подручными» и что только вмешательство органов НКВД сорвало перелет «матерого врага и изменника» в Японию. Это он должен был сделать с помощью арестованного Павла Блюхера.

Блюхер выслушал молча и, когда прочел заранее заготовленную бумагу, сказал грустно:

— Умнее ничего не придумали. Какая грязь, какая гнусность и подлость!

— Так ты что, отказываешься подписать протокол…

— Можете закрыть папку. Такой чудовищной клеветы никогда не подпишу. Я был и останусь большевиком–ленинцем.

Дела под руками следователей быстро разбухали. С глубокой болью Блюхер узнал, что в Ленинграде арестована его первая жена Галина Павловна. С ней же осталась Зоя! И возраст у нее такой опасный, переломный: недавно пятнадцать лет исполнилось. Как-то сложится судьба Всеволода? Сын «врага народа» — все дороги закрыты. А парнишка мечтал быть военным, как и отец. Кто будет заботиться о Вайре и совсем маленьком Василине? Пожалуй, они ничего и не узнают об отце. Следователи говорят: «Признаешься — будешь жить. Дадут десятку, отсидишь». А в чем признаваться? В преступлениях, которых не совершал!

Большевик–ленинец Василий Константинович Блюхер погиб в Лефортовской тюрьме 9 ноября 1938 года. Он стал жертвой произвола в годы культа личности Сталина.

Коммунистическая партия на своем XX съезде воскресила доброе легендарное имя своего верного сына Василия Константиновича Блюхера.

Сын ярославского крестьянина, рабочий–металлист Василий Блюхер прошел боевой путь от солдата до маршала. Советский народ вспоминает и всегда будет вспоминать с глубочайшей благодарностью и теплотой полководца–самородка Василия Константиновича Блюхера. Героический рейд южноуральских партизан, суровые бои в Сибири, стойкая оборона Каховки, беспримерный по мужеству и упорству штурм Перекопа, вошедшие в песни волочаевские дни, поучительный разгром белокитайцев на КВЖД и белояпонцев на Хасане — золотые страницы, вписанные Блюхером в историю Советской Армии.

О Блюхере написаны книги, разошедшиеся в сотнях тысяч экземпляров, вышли в свет его статьи и речи. Светлым именем Василия Блюхера названы улицы и школы. Имя Василия Блюхера

носит первый мощный рыбоконсервный завод. Его построили рабочие Адмиралтейского завода, на котором юношей работал Василий Константинович. А ходит плавучий завод по Тихому океану и приписан навечно к Владивостоку, городу, свято хранящему светлую славу бессмертного Маршала.

notes

Примечания

1

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 1440, оп. 8, д. 117, л. 23.

2

Листовки петербургских большевиков. 1902–1917 гг. Т, 1. Л., Госполитиздат, 1939, стр. 261.

3

ГИАЛО, ф. 1440, оп. 8, д. 117, л. 31.

4

Абрам — партийное имя профессионального революционера–ленинца Н. В. Крыленко.

5

Талантливый ученый–металловед, автор многих работ по металлографии С. П. Вологдин (1874–1926) был выслан на три года в Тобольскую губернию.

6

В личной регистрационной карточке, заполненной 4 мая 1921 года, В. К. Блюхер указывает: «Время вступления в партию — июнь 1916 г. Принят на механическом заводе Остермана — Казань». (Ленинградский институт истории партии, личная регистрационная карточка к партбилету № 783469 В. К. Блюхера.)

«Приволжская правда», 26 октября 1917 г.

«Правда», 26 ноября 1917 г.

«Правда», 24 января 1918 г.

10

Центральный государственный архив Военно–Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 5, оп. 1, д. 24, л. 48.

11

Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 1346, оп, 2, д. 629, л. 8.

12

«Исторический архив», 1958, № 1, стр. 80–81.

13

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 25, л. 111.

14

ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 4, л. 88; д. 52, лл, 35, 52.

15

Цитируется по книге «На Южном Урале». М., Воениздат, 1958, стр. 122.

16

Х а о — хорошо (китайск.).

17

На Южном Урале, стр. 136.

18

Там же, стр. 136–137.

19

ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 66.

См. «Челябинский рабочий», 5 августа 1959 г.

21

На Южном Урале, стр. 164.

22

Цитируется по книге «Легендарный рейд». М., Госполитиздат, 1959, стр. 176–177.

«Исторический архив», 1961, № 2, стр. 196.

24

Легендарный рейд, стр. 186–187.

В дальнейшем (14 октября 1919 года) Н. Д. Каширин за доблесть, мужество и воинское мастерство, проявленные в боях с бандами Дутова и белочехами, был награжден орденом Красного Знамени. В октябре 1918 года по представлению В. К. Блюхера Военный совет 3–й армии наградил отличившихся в рейде бойцов и командиров ценными подарками.

26

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 107, л. 10.

27

Легендарный рейд, стр. 183.

28

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 82, л. 3.

29

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 124, л, 109.

30

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 81.

31

ЦГАСА, ф, 1346, оп. 2, д, 639, л. 32.

32

В. И. Ленин. Военная переписка (1917–1920). М.: Воениздат, 1956, стр. 88.

33

ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 51, л. 15.

34

ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 31, л. 168.

35

ЦГАСА, ф. 709, оп, 1, д, 82, л. 21

Все перечисленные командиры и красноармейцы были награждены орденом Красного Знамени.

37

ЦГАСА, ф. 1450, оп. 2, д. 23, л. 370.

38

ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 479, л. 51.

«Правда», 10 июля 1920 г.

40

ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 58, л. 71.

41

Там же, л. 82.

42

ЦГАСА, ф. 306, оп. I, д, 8, л. 36.

43

Командир 453–го стрелкового полка А. Н. Королев и комбат А. В. Данщин по ходатайству начдива Блюхера были награждены орденом Красного Знамени.

44

ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 5, л. 58.

45

Н. Ефимов в своем труде «Действия 2–й Конной армии в 1920 году» (Госвоениздат, 1926, стр. 67) приходит к весьма справедливому заключению: «2–я Конная армия сыграла известную роль в оказании помощи 13–й армии, но роль недостаточную, не такую, какая требуется от конной массы в 5000 сабель, с значительным количеством технических средств, составляющих 4 дивизии и имеющих армейский аппарат управления».

46

Генерал П. Н. Врангель в своих «Записках» о поражении под Каховкой пишет предельно скупо: «Части генерала Витковского перешли в наступление. Однако штурм укрепленной Каховской позиции был отбит. Наши части, дойдя до проволоки, продвинуться дальше не могли, залегли и несли тяжелые потери от жестокого артиллерийского огня. Отряд танков, прорвавшийся в Каховку, почти целиком погиб» («Белое дело», т. VI. Берлин, 1928, стр. 205), В этих же «Записках» барон Врангель вынужден признать, что «удержание противником каховского тет-де–пона (плацдарма) приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас перекопском направлении» (там же, стр. 144).

47

М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. 1, М., Воениздат, 1957, стр. 395.

Отличившиеся в бою у села Натальино А. Я. Сычев, П. М. Непутин, С. С. Ермаков, А. И. Ткачев, С. М. Бурцев и А, Н. Смирнов были награждены орденом Красного Знамени.

49

Героические подвиги А. К. Юшкевича по ходатайству В. К. Блюхера были отмечены высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени.

ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д. 188, л. 100.

51

В. И. Л е н и н. Соч., т. 35, стр, 392.

52

М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 407.

53

Демьян Бедный дружил с бойцами 51–й Московской стрелковой дивизии и был единодушно зачислен Почетным красноармейцем (53–го стрелкового полка.

51–я Перекопская дивизия. М., 1925, стр. 93.

«Исторический архив», 1958, № 5, стр. 97.

ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, д, 475, л. 277.

57

Ленинский сборник. XXXIV. М., Госполитиздат, 1942, стр. 396.

В. К. Блюхер. Статьи и речи, М., Воениздат, 1963, стр, 71.

59

См. там же, стр. 26.

Ныне город Дальний Китайской Народной Республики.

61

ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 366, л. 3.

62

ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д, 75, л, 11.

Т а м ж е, л, 13.

ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д, 75, л. 94.

Я. Покус. Борьба за Приморье. Госвоениздат, 1926, стр. 53.

ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 75, л. 16.

Борьба за Хабаровск. Чита, 1922, стр. 91.

Катя росла вместе с детьми В. К. Блюхера. В 1937 году у нее нашлась сестра, и Катя переехала к ней.

69

ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д, 76, л, 192.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр, 245.

71

Т а м же, стр. 250.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 247.

Ныне генерал–майор в отставке.

74

Гоминдан (го — государство, мин — народ, дан — партия) — национальная партия Китая, основанная Сун Ят–сеном в 1912 году.

Маршал В. К. Блюхер. Хабаровск, 1937, стр, 32.

Цзян–цзюнь — генерал (китайск.).

Гувэни — советники (китайск.).

См. А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., Изд–во «Наука», 1964, стр. 140.

См. там же, стр, 200.

См. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 123.

«Исторический архив», 1959, № 44, стр. 115.

Ныне Маршал Советского Союза.

83

ЦГАСА, ф. 33879, оп. 1, д. 7, лл. 216–218.

Чи–фань — кушать; ша — бей; паола — бежать (китайск.)

85

ЦГАОР, ф. 3316, оп, 2, д. 362, л, 41.

86

См. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Ч. I. М., Партиздат, 1935, стр. 35.

87

См. «Тихоокеанская звезда», 8 августа 1931 г.

88

См. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), Стенографический отчет, М.: Партиздат, 1934, стр. 630–631.

89

«Тревога», 12 мая 1932 г.

См. «Тихоокеанская звезда», 14 июля 1934 г.

91

«Тревога», 28 марта 1936 г.

92

ЦГАСА, ф. 33879, оп. 2, д. 194, л. 65.

93

ЦГАСА, ф, 33879, оп. 2, д. 134, л. 127.